

Аркадий Харюшин

*Слово
о русской поэзии*

Москва
2023

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
Х 23

Харюшин А.А.

Х 23 Слово о русской поэзии. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2023. – 280 с.

ISBN 978-5-00170-790-5

Настоящее издание состоит из двух самостоятельных разделов. Первый – прозаический, включает в себя сведения о европейском поэтическом искусстве и путях его проникновения в Россию. Отслежены исторические этапы этого процесса, обозначены сроки формирования русских поэтических школ. Одновременно с этим, дана оценка жизненного пути и творчества целого ряда талантливейших русских поэтов. Показана степень влияния этого творчества на духовную жизнь нескольких поколений русских людей.

Второй раздел – это подборка новых, ранее не опубликованных, стихов автора. Их чуть более ста. Все написаны в течение последних пяти лет. Они разнообразны по тематике и касаются самых различных сторон окружающей русского человека жизни: исторических сцен, военных испытаний, конкретных судеб людей, размышлений о нашем прошлом, настоящем и будущем. Знакомясь с этими двумя разделами, читатель ещё раз убедится в бесконечной мудрости и красоте национальной русской поэзии, в её жизнеутверждающей нравственной мощи; насладится изяществом и необычайной музыкальностью русской поэтической речи; вновь обратится к именам великих мастеров русского поэтического искусства.

12+

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00170-790-5

© Харюшин А.А., 2023
© Оформление. Издательство
«У Никитских ворот», 2023

*Поэзия есть выражение жизни,
или, лучше сказать, сама жизнь.*
В.Г. Белинский

*Автор выражает сердечную благодарность
Барышникову Сергею Павловичу,
Леушу Виктору Борисовичу,
Ивановой Татьяне Николаевне,
Поляковой Любви Валентиновне
за оказанную помощь в подготовке
к выходу в свет данной книги.*

ОТ АВТОРА

Понятие «поэзия» имеет греческое происхождение и переводится словом «творю». Первоначально это понятие охватывало собой все наиболее важные виды творческой деятельности человека: литературу (прозу и стихосложение), песнопение и песенный речитатив, театральное искусство (сценаристику и декламацию), а также научный и философский спор. В настоящее время поэзия знаменует собой только упорядоченное определёнными литературными законами стихотворное искусство. Человек, занимающийся этим искусством, во всех странах мира именуется поэтом. Иногда его называют песнопевцем или бардом.

Люди, в массе своей, любят своих национальных поэтов. Однако иногда из-за своего правдивого критического слова поэты могут стать гонимы и даже ненавидимы правителями отдельных авторитарных стран. Подобную участь испытали на себе великие Овидий и Хайям. Подвергались гонениям Виктор Гюго и Генрих Гейне. Были не в ладах с верховной властью замечательные русские поэты Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Алексей Хомяков и Кондратий Рылеев. Судьба настоящего поэта всегда непостоянна и непредсказуема. Он – рыцарь слова, неподкупный правдопевец и единственный, как утверждала Марина Цветаева, надёжный посредник между всевидящим Богом и мятущимся земным человеком.

Исторически сложилось так, что поэзия, как впрочем и все другие виды искусства, получали наибольшее развитие в государствах с сильной централизованной имперской

властью. Это подтверждают исторические реалии Древней Греции, Древнего Рима, Британской, Германской, Австрийской и Русской империй. Руководящие элиты всех этих империй хорошо знали цену и роль поэзии и поэтому всегда стремились использовать её в интересах пропаганды своих общественно значимых деяний. Делали они это даже тогда, когда некоторые поэты занимали по отношению к ним выраженную критическую поэзию. Таких поэтов правящие элиты стремились либо подкупить, либо подчинить себе. Резкие гонения были редки и касались лишь отдельных особо непокорных лиц. В народе же поэты всегда оставались жрецами подлинной правды и подлинной справедливости.

Огромная многонациональная Россия, а затем и Советский Союз также всегда чтит своих национальных поэтов. Так было в царский период русской истории, так было и в советское время. Особенно знаменателен в этом отношении Золотой век русской поэзии, во временных рамках которого под эгидой царских властей действовало до десятка гениальных русских поэтов. Среди них были: Василий Жуковский, Николай Карамзин, Пётр Вяземский, Константин Батюшков, Евгений Баратынский, Александр Грибоедов и, конечно же, – Александр Сергеевич Пушкин. За их творчеством внимательно наблюдала вся просвещённая Россия. Не оставляли без внимания это творчество и русские цари: Александр I, Николай I и его сын Александр II. Николай I был даже личным цензором Пушкина и немало сделал для того, чтобы удержать его от роковых антиправительственных выходов. Известно, что Александр Сергеевич позднее был ему за это искренне благодарен.

Поэзия в то замечательное время была у всех на слуху! Наблюдая это явление, выдающийся русский литературный критик Виссарион Белинский с удивлением отмечал: «Все говорят о поэзии, все требуют поэзии. По-видимому, она для всех имеет такое же ясное и определённое значение, как, например, слово «хлеб». Популярность поэзии и потребность в ней были действительно огромны. В сто-

личных городах и в провинции было открыто большое количество издательств, которые охотно и с выгодой для себя принимали работы поэтов в печать. Такие работы выпускались немалыми тиражами и тут же раскупались заинтересованной читательской публикой. Это был действительно Золотой, особо успешный, век русской поэзии.

Не менее успешным был и следующий за ним Серебряный век. Популярность действующих в его исторических рамках поэтов: Апухтина, Анненского, Бальмонта, Брюсова, Блока, Сологуба, Бунина, Мережковского, Гиппиус, Ходасевича, Гумилёва, Ахматовой и других поэтов была также огромна. Россия любила их творчество и своим пылким сердцем тянулась к ним. Они же хорошо понимали животворящую роль своего искусства и всячески стремились возвысить его. К этому процессу были причастны все перечисленные поэты. С ними были солидарны многие писатели и учёные страны. Великий русский мыслитель Иван Ильин утверждал, что поэзия должна торжествовать потому, что она «есть голос самой России, есть её живой вздох, её живой стон, её живое слово». Он призывал русский народ поддерживать поэзию потому, что она стоит на охране «нравственных сокровищ духа русского человека».

Знали цену и особую роль поэзии и советские государственные деятели. Первые руководители советской культуры Анатолий Луначарский и Максим Горький боролись за каждого не запятнавшего себя антисоветизмом писателя и поэта. Более того, они пытались вернуть в Россию ранее уехавших из неё Ивана Бунина, Константина Бальмонта и Георгия Адамовича. Сам И. В. Сталин хорошо знал творчество всех ведущих поэтов своей эпохи. Со многими из них общался напрямую, справляясь о их творческих планах и состоянии здоровья. Правда, деятельность всех этих поэтов находилась под строгим и неусыпным контролем. Все они должны были идти точно выверенным большевистским курсом. Любая критика в адрес Советской власти или даже намёк на неё не прощались.

Последующие руководители СССР (Хрущёв, Брежнев, Горбачёв) относились к поэтам и с уважением и с определённой настороженностью. Через чиновников Министерства культуры они пытались руководить ими. Однако на этом историческом этапе каких-либо крайне репрессивных действий они по отношению к данной категории творческих работников уже не допускали. Поэтому новая советская поэзия была достаточно свободна. Независимыми художниками поэтического слова в эти относительно спокойные годы были Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Владимир Высоцкий, Белла Ахмадулина и многие другие, теперь уже хорошо известные поэты.

Подлинный крах отечественной поэзии наступил с приходом к власти в стране в 1991 году предательского ельцинско-собчаковского и гайдари-чубайсовского политического режима. После этого правдивая национальная поэзия стала не нужна. Её просто выбросили из общественного обихода, лишив какой-либо моральной и материальной поддержки. Поэтому патриотически настроенные поэты вновь, как некогда отмечал Валерий Брюсов, должны были держаться в своей стране «как горсть чужеземцев, насто-роже, под ружьём, ожидая со всех сторон вражеского нападения».

К сожалению, этот процесс затянулся на десятилетия, и даже современные поэты продолжают ощущать его на себе. Но время идёт, и всё вокруг нас меняется. Поэт по-прежнему востребован нашим, имеющим певческую душу, народом. Он, как и ранее, отзывчив и чуток на настоящую, проникнутую подлинной любовью к Родине, поэзию. Очи-стительный дух такой поэзии ему необходим как воздух. И он его непременно получит.

*С глубоким уважением,
Аркадий Харюшин*

ПРОЗА

*Проза – простая, нестихотворная устная
и письменная речь и основанная на ней
литература. Совокупность всех письменных
(кроме стихотворных) произведений вообще.*

*Художественная проза – часть общей
литературы, написанная нестихотворным,
отвечающим требованиям искусства
и эстетического вкуса языком.*

О ПОЭЗИИ СЛОВАМИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Зарождение и развитие общевропейской поэзии

Первые дошедшие до нас письменные суждения о профессиональном литературном творчестве появились около 5000 лет назад в манускриптах народов Индии, Египта и древних государств Месопотамии. Именно здесь, на территории бывшего шумерского царства, был обнаружен первый, датированный 2800 годом до н.э., клинописный стихотворный текст местного придворного поэта о жизненном пути шумерского царя Гильгамеша.

Древние греки, которым мы обязаны знанием всех ныне существующих форм поэтического творчества, только переняли и активно использовали в своих интересах данное культурное открытие. В 500 году до н.э., вследствие выдающихся побед над воинственной Персией, высокообразованная часть греческого общества сочла возможным провозгласить свой народ первым народом мира, способным этим миром управлять, в том числе и посредством культурно-воспитательского воздействия.

Такое суждение стало побудительным мотивом к действию. Испытывая мощный подъём национального духа, обладая прирождённой талантливостью, любознательностью и кипучей творческой энергией, древние греки в относительно короткие сроки сумели поднять на очень высокий уровень свою экономику и накопить на этой основе

огромные материальные ресурсы. Это позволило им тратить большие денежные средства на чисто художественные цели, а, следовательно, и на реализацию идеи культурного управления миром. В результате этого, уже к концу IV века до н.э. греческие наука, философия, театральное и певческое искусство, художество, ваение, а также и литература получили высочайший уровень развития.

Уже к этому моменту греческими писателями и поэтами были созданы все, существующие до наших дней, жанры и виды литературного творчества: эпическая поэзия (Гомер, Гесиод), драма и трагедия (Эсхил, Софокл, Еврипид), лирика (Анакреон, Сафо, Пиндар), комедийный литературный жанр (Аристофан). Этими достижениями незамедлительно воспользовались все окружающие Грецию народы, прежде всего – Древний Рим, который к началу II века до н.э., вследствие ведения захватнических войн, подчинил себе огромные территории Северной Африки, Центральной и Западной Европы, а также и саму Грецию со всеми принадлежащими ей на тот момент колониями.

К грекам Древний Рим был лоялен. Он не подавлял системы их государственного правления, ценил и почитал культурные достижения. Более того, эти достижения он стремился использовать в своих имперских интересах. Достаточно сказать, что почти вся римская знать обучалась в учебных заведениях Афин, Родоса и Александрии, а греческие преподаватели (риторы, философы, историки, географы, математики) составляли костяк преподавательского состава всех ведущих учебных заведений самого Рима.

Греческое влияние было настолько велико, что в своей основе римская культура повторила греческую, развив и усовершенствовав лишь отдельные её направления. Это особенно показательно для времён правления императора Гая Октавиана, получившего от римского сената прозвище Август (Высокий), внучатого племянника прославленного римского государственного деятеля и полководца Юлия Цезаря. Высокопросвещённому Августу были близки все

существующие на тот момент виды искусства, но особое предпочтение он отдавал литературе, в первую очередь – поэтической.

Поэтому, совершенно не случайно, что время его правления было названо Золотым веком римской поэзии. При нём и при его прямой поддержке творили Вергилий, Гораций и Овидий – крупнейшие поэты с мировым именем, чьи произведения вызывают восторг и удивление даже и у современного читателя. Его поддержкой, как и поддержкой одного из образованнейших людей Рима – Мецената, прозванного «другом искусства», пользовались и другие, не менее известные римские поэты и писатели. Заслуга правителей Древнего Рима состояла и в том, что они распространили греко-римскую культуру и на народы завоёванных ими стран. На базе этой культуры получила развитие практически вся европейская поэзия, украшенная именами её выдающихся творцов: Шекспира, Уайльда, Бодлера, Шелли, Байрона, Бёрнса, Гёте, Гейне, Вийона и многих других замечательных европейских поэтов.

Зарождение и развитие русской поэзии

В Россию ритмический строй поэтического творчества в его классическом варианте пришёл как из соседних европейских стран, так и из Римской империи, только уже из восточной её части, названной Византией. Это произошло во времена правления Киевской Русью Великой княгини Ольги и её внука князя Владимира Святославича, принявших от Константинополя Православную христианскую веру. Вхождение России в семью христианских народов существенно расширило её дипломатические, политические и экономические связи с большим количеством европейских государств, что потребовало для обеспечения этих связей притока значительного числа образованных иностранцев. Таковыми в первую очередь явились право-

славные греческие миссионеры, которые стали готовить для русского великокняжеского двора и русских церковных иерархов необходимое количество переводчиков и летописцев. Наличие таких людей укрепило и существенно расширило народную грамотность, позволило приобщить значительную часть россиян к книжному летописному ремеслу.

Особое место в этом процессе принадлежит греческим религиозным просветителям и учёным Кириллу и Мефодию Солунским, создавшим во второй половине IX века н.э. для славян на основе греческого азбучного письма особый алфавит, получивший на Руси название «кириллица». С его получением, появилась возможность обучать большое количество русских людей дворянского служивого и иноческого сословия русской грамоте, математике и другим прикладным наукам. Русь наконец-то обрела возможность полноценного устного и письменного речевого самовыражения. Существенную роль в этом процессе сыграл сын князя Владимира Святославича – Ярослав Мудрый (978–1054). Помимо успешного правления русским государством и одержания многочисленных военных побед над его врагами, этот князь способствовал открытию на Руси большого количества народных школ, где обучались дети практически всех сословий. При нём закупалось огромное количество иностранных книг духовной, исторической и научной направленности, вёлся их перевод на русский язык. При нём же получило широкое распространение книжное летописание, открылись новые монастырские библиотеки и книгохранилища, составлен первый полноценный свод законов «Русская правда».

К сожалению, летописные издания того времени содержали в себе главным образом сведения о жизнедеятельности киевских и других, родственных им по крови, поместных князей. Склонный же по природе своей к поэтическому творчеству русский человек, как и прежде, вынужден был выражать свою душу через привычное для него ритмическое песнопение, которое сопровождалось

звучанием какого либо струнного инструмента, как правило, – гуслей. Поющий под них человек и был по своей сути первым поэтом России, первым слагателем стихов. Такого человека на Руси называли «песнопевцем». Напеваемые им стихи в виде былинных либо бытовых сказаний передавались от человека к человеку устным путём и хранились в народной памяти длительный период. Считается, например, что часть дошедших до нас народных сказок и песен относится именно к такому виду устного творчества.

Первый рукописный поэтический труд «Слово о полку Игореве» является счастливым исключением из этого правила. Он был создан в 1185 году, спустя 130 лет после смерти Ярослава Мудрого. Найденный случайно в одном из монастырских книгохранилищ представителем обширного пушкинского рода биографом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, этот труд в 1800 году был опубликован и получил всенародную известность. В нём, в безупречной стихотворной форме подробно освещается неудачный военный поход черниговского князя Игоря Святославича против половецких полчищ хана Кончака. Имя автора этого замечательного произведения неизвестно. Читателю он представлен как Боян. Знание этим человеком всех членов княжеской семьи, их жизненных проблем и бед свидетельствует о том, что он был в тесном родстве с главным героем своего произведения. Поэтому он сумел создать его реальный образ, показать особенности эпохи, в которой тот жил, описать подвиг русского народа по защите своего Отечества. В данном письменном документе от лица его составителя впервые прозвучал в адрес русских князей гневный упрёк в творимом ими междоусобии, ослабляющим Русь перед лицом её внешних врагов.

С появлением «Слова о полку Игореве» историко-поэтические произведения русских авторов (главным образом писцов крупных монастырей) стали проникать в летописную литературу всё чаще и чаще. Ещё в домонгольской

Руси откликом на разорение печенегами южных городов Киевской Руси появилось летописное произведение «Слово о погибели русской земли», во многом повторившее форму и поэтический строй своего знаменитого предшественника. Вполне возможно, что данная, положительная для русской литературы, тенденция продолжилась бы и далее, но, к сожалению, она была почти на 250 лет прервана обрушившимся на Русь татаро-монгольским игом. Конечно, и в этот трудный период письменная национальная русская поэзия не была истреблена полностью. Она, как и ранее, попадала на страницы летописных произведений, но доступ к ней имели лишь представители княжеских родов и образованное монашество. Народное же поэтическое творчество на долгие годы было вновь заключено в рамки устных сказаний и песнопений.

Русская книжная печатная поэзия

Книжная печатная поэзия пришла в Россию лишь в последней трети XVII века с появлением литературной общины в лице талантливых поэтов Полоцкого, Истомина и Медведева. Опираясь на хорошо известную им греческую и латинскую духовную традицию, они продолжили воспевать в своих, теперь уже печатных работах, жизнедеятельность представителей правящей элиты России, но уже с более широким показом народных бытовых сцен. Это произошло во времена царствования Алексея Михайловича Романова (1645–1676), большого любителя духовных, философских и исторических книг, активного распространителя письменной грамотности на Руси. После введения при нём общих стандартов государственного делопроизводства, правильное владение устным и письменным словом стало обязательным для всех образованных сословий русского общества.

Несмотря на очевидную просвещённость царя, членов его семьи и всех его ближайших сподвижников, а также хо-

рошо поставленное в стране ещё со времён Ивана Грозного печатное дело, отдельных книг русских поэтов не издавалось ни во времена царствования Алексея Михайловича, ни во времена его преемников – Фёдора Алексеевича и Софьи Алексеевны Романовых. Не было таких книг и в реформаторские годы Петра I. Первым классическим, печатающимся за государственный счёт, поэтом России стал выдающийся русский учёный, выходец из народа – Михайло Васильевич Ломоносов (1711–1765). Его литературная деятельность пришлась на эпоху царствования дочери Петра I Елизаветы Петровны Романовой (1741–1761). Приняв за основу классическую европейскую форму стихосложения, Ломоносов внёс в неё ряд важных для русских поэтов нововведений, которые изложил в специально разработанном для них трактате: «Письмо о правилах российского стихосложения». Им же впервые в интересах освобождения русского языка от засилия старославянских анахронизмов была разработана более совершенная «Российская грамматика», положившая начало научному изучению русской народной речи с целью перенесения её обновленного варианта в тексты деловых государственных документов и в зарождающуюся печатную национальную литературу, в том числе поэтическую.

Начинания Ломоносова в области упорядочения литературного и поэтического творчества продолжила в век Екатерины II её сподвижница, директор Российской Академии русского языка и словесности княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1742–1810). Под её руководством группа языковедов Академии сумела закрепить линию на повышение роли языка образованного русского дворянства во всех сферах общественно-государственной деятельности, в том числе и в области национальной культуры. Помимо этого, членам Академии, не сразу, но постепенно, удалось преодолеть скептицизм русской сановной знати и находящихся на русской службе иностранцев, предпочитавших, в зависимости от групповой социальной принадлежности, пользоваться не русским, а французским, немецким или

греческим языками. Ими же были организованы, проводимые на постоянной основе литературные чтения, что делало труд писателя и поэта известным широкому кругу любителей русской словесности, придавала ему общественную значимость.

Золотой век русской поэзии

Следующим за Ломоносовым в русскую классическую поэзию вошёл талантливейший поэт Гаврила Романович Державин (1743–1816). Истинный русский патриот, честнейший и опытнейший государственный деятель, страстный любитель поэтического слова и красочной народной русской речи, он продолжил ломоносовскую традицию и стал творцом целого ряда прекрасных стихотворений, посвященных как императрице Екатерине II, так и её гениальным сподвижникам, в том числе – Григорию Александровичу Потёмкину и Александру Васильевичу Суворову. Однако главная заслуга Державина состояла в том, что он своим творчеством и горячей поддержкой молодых литераторов открыл дверь в Золотой век русской поэзии. Перед русским читателем предстали имена Николая Карамзина (1766–1826), Василия Жуковского (1783–1852) и Константина Батюшкова (1787–1855), которые не только усилили школу русского поэтического классицизма, но и украсили её, пришедшим в Россию из Европы всепобеждающим романтизмом, в рамках которого успешно творили Джордж Байрон, Виктор Гюго, Иоганн Гёте, Генрих Гейне и некоторые другие выдающиеся европейские поэты.

Вскоре в возглавляемую Карамзиным, Жуковским и Батюшковым группу поэтов влились, составившие славу русской поэзии, Петр Вяземский (1792–1878), Александр Пушкин (1799–1837), Антон Дельвиг (1798–1831), Евгений Баратынский (1800–1844), Николай Языков (1803–1846), Федор Тютчев (1803–1873) и, проживший очень короткую жизнь, талантливый поэт Дмитрий Веневитинов (1805–

1827). Замкнули группу поэтов Золотого века Яков Полонский (1819–1898), Афанасий Фет (1820–1892), Николай Некрасов (1821–1878), Аполлон Григорьев (1822–1864), Владимир Соловьёв (1853–1900) и Семён Надсон (1862–1887).

К этому же веку относится творческая деятельность женского поэтического сообщества в лице его замечательных представительниц: Зинаиды Волконской (1789–1862), Каролины Павловой (1807–1893), Евдокии Ростопчиной (1811–1858) и Юлии Жадовской (1824–1883). Всего же, по подсчётам известного советского литературоведа Владимира Орлова, в Золотой век русской поэзии официально печаталось более тысячи поэтов из разных городов России. Фактически же любителей стихотворчества было, конечно же, гораздо больше. Характерно, что все они уже писали и говорили на чисто русском, привычном для нас языке, появлению которого мы обязаны историку, поэту и писателю Николаю Карамзину, славянофилам Михаилу Погодину, Алексею Хомякову, Ивану и Константину Аксаковым, лексикографу Владимиру Далю, поэтам Василию Жуковскому и Константину Батюшкову и, конечно же, – Александру Сергеевичу Пушкину. Именно он окончательно очистил русский язык от устаревших старославянских анахронизмов. Именно он считается создателем и активным распространителем современного русского литературного языка. Все его прозаические и поэтические произведения доказывают это в полной мере. Язык нашего гениального поэта изящно прост, благозвучен, хрустально чист и красив до необычайности.

Вследствие этого, поэзия самого Пушкина и всех его великих современников: Вяземского, Баратынского, Рылева, Дельвига, Языкова, Веневитинова, Тютчева и других русских поэтов оказалась востребованной всей читающей публикой. Наблюдая это уникальное явление, литературный критик Виссарион Белинский отмечал, что поэзия для русского человека стала «биением пульса мировой жизни, её кровью, её огнём, её светом и солнцем».

Адаптированный Ломоносовым к потребностям русской речи европейский классицизм был доведен русскими

стихотворцами до совершенства. Тоже произошло и с пришедшим из Западной Европы романтизмом, который на русской почве более известен как, «сентиментализм» (Жуковский, Карамзин, Батюшков) и как, основанный на мятежных взглядах Джорджа Байрона и Виктора Гюго, «критический реализм», сторонниками которого на разных этапах жизни были Пушкин, Лермонтов, Баратынский и рано погибший Александр Полежаев.

Золотой век русской поэзии длился около семидесяти лет (1810–1880). Этот относительно короткий период был исключительно важным для набирающей силу русской поэтической школы. Усилиями её представителей отечественная поэзия стала в один ряд с аналогичными, считающимися лучшими, мировыми литературными школами. Русские поэты в совершенстве овладели и в определённой степени развили все существующие на тот момент виды и жанры поэзии: эпос, драму, лирику, трагедию, комедию и их промежуточные формы; испробовали себя во всех, существующих на тот момент поэтических течениях, доказав тем самым правоту суждения о том, что «русские медленно запрягают, но потом быстро ездят».

Вскоре, однако, пришло более сложное и тревожное время. Период относительно мирного сосуществования ведущих европейских государств подошёл к концу. Начался новый передел территорий, сопровождающийся военными конфликтами и коалиционными войнами. Всё это породило у европейской творческой интеллигенции общее уныние и предчувствие неизбежной мировой катастрофы. Реакцией на это состояние стала выработка творческими кругами Франции и некоторых других стран Европы нового, как им казалось, спасительного искусства, которое получило название «декаданс», то есть «упадничество». Главная задача этого направления состояла в том, чтобы увести читателя, зрителя и слушателя из реального, охваченного паникой мира, в параллельный, вымышленный, но приятный, лишённый каких-либо внешних угроз, мир.

Серебряный век русской поэзии

Символизм

Подобной паникой была охвачена и значительная часть русской творческой интеллигенции. Причиной этому стали военные неудачи России в Крымской (1854–1855), Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой (1914–1917) войнах, а также революционные события 1905 года. Вследствие этого, традиционные для русской поэзии классицизм и романтизм стали терять свою прежнюю привлекательность. На смену им, как и в Европе, пришёл «декаданс», который в России стал именоваться «символизмом». Использование этого термина объясняется тем обстоятельством, что для декадентов слово «символ» означало тематический код, под знаком которого они создавали свои произведения. Символ или избранный тематический код очерчивали область, в которой тот или иной представитель искусства, по склонностям своей души, хотел бы трудиться. В качестве такой области могли быть: желанный душе божественный мир; загробный спасительный покой; искусственно приукрашенная и восторженно воспринимаемая земная действительность; мистерия любви и веселья; сказочные страны и многие другие темы.

Любой поэт, в зависимости от обстоятельств своей жизни и своих идеологических установок, мог избрать для своего творчества любую из названных тем. Увлечение символизмом русских поэтов было относительно недолгим и длилось всего сорок лет, 1880–1920 годы. Но, несмотря на это, данный небольшой промежуток времени составил собой отдельную историческую эпоху русской поэзии, которая включила в себя творчество целого ряда выдающихся отечественных поэтов: Иннокентия Анненского, Фёдора Сологуба, Алексея Апухтина, Вячеслава Иванова, Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Константина Бальмонта и Александра Блока.

Встав под знамёна символизма, все перечисленные нами приверженцы этого литературного течения никогда не пели в один голос. Все они сохраняли своё индивидуальное лицо и, вне зависимости от избранного тематического кода, существенно отличались друг от друга. Отмечая эту особенность, Александр Блок ещё в начале двадцатого века справедливо заметил: «Под именем символистов принято соединять людей крайне различных между собой». В ходе последующих рассуждений он подчеркнул, что «одинаково поющих поэтов-символистов, по объективным причинам, никогда не было и быть не могло».

Хорошо известно, например, что признанные символисты Иннокентий Анненский, Фёдор Сологуб и Алексей Апухтин в огромном количестве своих стихотворений использовали в качестве тематического кода спасительный мир загробной жизни. У Анненского и Сологуба этот код звучал громко, настойчиво и открыто. Апухтин прибегал к нему реже, лишь в отдельных строках или в отдельных оборотах речи. Уход этих трёх очень талантливых поэтов в область «внеземного иллюзорного бытия» не случаен и объясняется тяжёлым опытом их личной жизни.

Иннокентий Анненский

Иннокентий Фёдорович Анненский (1855–1909) с раннего детства страдал врождённым пороком сердца и всю жизнь опасался неожиданной смерти. Он тяжело переживал разорение, болезнь и ранний уход из жизни своего отца; ощущал ущербность брачных отношений с женой, которая была старше его на 23 года и имела от первого брака двух взрослых сыновей. По этим причинам от жизненных неприятностей Анненский уходил в поэзию, а в поэзии – в заоблачный мир внеземного покоя, в мир чувств «тоски и печали». Стихи писал с юных лет, но о своём увлечении ими мало кому говорил, хотя именно их, по словам сына Валентина, «любил особенной какой-то болезненной

и ревниво-чуткой любовью». Небольшую часть этих стихов решился опубликовать впервые в возрасте пятидесяти лет под псевдонимом «Ник. Т-о».

Своей поэтической одухотворенностью Иннокентий Анненский в значительной мере обязан своей матери Наталье Петровне Карамолиной. Она хорошо знала русскую литературу и свои знания старалась передать сыну. Под её влиянием у Иннокентия появился начальный интерес к поэзии. В шестилетнем возрасте он написал свой первый стих. С этого момента поэзии уже не изменял никогда.

Отцом поэта был Федор Николаевич Анненский – крупный чиновник, занимавший высокое положение в управленческой системе Западной Сибири. В 1860 году семья Анненских переехала в Петербург. Столичная жизнь и новая должность в Министерстве внутренних дел потребовали больших денежных расходов. Не умевший зарабатывать «лёгкие деньги», Федор Николаевич быстро разорился, а разорившись, впал в депрессию, которая привела его к параличу и смерти. Несмотря на это, Наталья Петровна при поддержке своего старшего сына Николая и его жены Александры, сумела дать полуосиротевшему Иннокентию хорошее домашнее образование. В 1865 году он поступил на обучение в престижную петербургскую гимназию В.И. Беренса. В 1875 году стал студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. В ходе учёбы серьёзно увлёкся западной античной культурой и овладел несколькими иностранными языками, включая древнегреческий и древнееврейский. Это помогло ему по окончании университета стать преподавателем древних языков в специализированной петербургской гимназии Ф.Ф. Бычкова. Затем было директорство в 8-й Петербургской мужской гимназии на Васильевском острове и директорство в Царскосельской Николаевской гимназии.

Иннокентий Федорович был талантливым и сильным педагогом. Не случайно, что за годы директорства Царскосельской гимназией под его влиянием проявился поэтический талант нескольких его учеников, среди которых

были Николай Гумилёв и Николай Оцуп. Но работа в гимназии отнимала много времени и мешала поэтическому творчеству, которым Анненский занимался уже профессионально. К этому моменту им было выпущено в свет три трагедии в стихах, а также единственный прижизненный поэтический сборник «Тихие песни». Он был издан в 1904 году, за пять лет до неожиданной смерти поэта от паралича сердца, который случился с ним неожиданно на ступенях лестницы Царскосельского вокзала Петербурга.

Следующий сборник стихов «Кипарисовый ларец», включающий в себя самостоятельные разделы: «Трилистники», «Складни» и «Размётанные листы» был опубликован лишь в 1910 году при содействии Максимилиана Волошина и членов редакторского отдела петербургского журнала «Аполлон», в котором работал, уже упомянутый нами, бывший ученик Анненского по Царскосельской гимназии Николай Гумилёв. Именно он и его друзья провозгласили Анненского идейным лидером русского символизма, хотя фактически по складу своего характера и природной скромности он таковым никогда не был и быть не мог.

Похоронен Иннокентий Федорович в любимом им Царском селе на Казанском кладбище. В последний путь его провожали, высоко ценившие его творчество, поэты Максимилиан Волошин, Михаил Кузмин и Алексей Толстой. Отныне прекрасная поэзия Анненского находится в полном распоряжении нашего народа и продолжает верно служить удовлетворению его духовных потребностей.

Фёдор Сологуб (Тетерников)

Вторым крупным символистом этого же тематического направления был самобытный поэт Фёдор Кузьмич Сологуб (1863–1927). Он в своём стихотворчестве очень похож на Анненского, но отличается от него ещё большей мрачностью, ещё большим неверием в способность человека победить жизненное зло. Герой стихотворений Сологуба

придавлен страхом смерти, одинок, беспомощен и несостоятелен в своих жизненных устремлениях. Воспевая такого героя, Сологуб уводил своего читателя из реальной жизни в потусторонний мир «вечного покоя», пытался убедить его пренебрегать жизнью и не предпринимать усилий как-либо её изменить. Такая позиция поэта находила одобрительный отклик у определённой, увлечённой теорией и практикой символизма, либеральной публики. Сологуб пользовался в её среде устойчивым успехом и имел достаточно широкий круг постоянных почитателей.

Мрачное восприятие жизни, под влиянием которого Сологуб писал свои пронизанные трагизмом стихи, имело тот же источник, что и у Анненского – трудное детство и не менее сложная юность. Рождённый в семье бедного портного и безграмотной крестьянки, будущий поэт испытал на себе все тяготы небогатой городской жизни. Положение усугубилось ранней смертью отца. Опорой мальчика стала его мать, которая работала прислугой в состоятельной петербургской семье. К счастью, взрослые члены этой семьи отличались большой религиозностью и человеколюбием. Они заметили неординарные способности Фёдора и помогли ему приобщиться к литературе и иным формам искусства. С их помощью он поступил в среднее Уездное училище, а затем – в Петербургский учительский институт. Окончив его, с 1882 по 1884 год занимался школьной педагогической деятельностью в небольших провинциальных городках Северо-Западного края России. В этот период серьёзно увлёкся поэзией и предпринял первые попытки пристроить свои стихи в местные литературные журналы. В большинстве случаев эти попытки были неудачными.

Первый небольшой сборник стихов выпустил лишь в 1896 году, после переезда в Петербург. Этот сборник, неожиданно для его автора, был замечен сторонниками символизма, так как соответствовал их идейным вкусам. Благодаря этой счастливой случайности, Сологуб уже к 1904 году стал известным в стране поэтом. Далее его слава только росла. К 1907 году он был почти повсеместно при-

знан опытным литератором и маститым стихотворцем. Это произошло в том числе и потому, что Сологуб постоянно и углубленно работал над совершенствованием своей поэтической речи. Словесной вычурности, смысловой недосказанности и тем более запальчивой крикливости тщательно избегал. Манера его письма отличалась особой точностью и строгой изысканностью, которые затушевывали мрачную тематику сологубовского поэтического творчества.

Литературная деятельность Фёдора Сологуба вышла за пределы Серебряного века на семь лет и вторглась в постреволюционный Социалистический реализм. Это направление русской поэзии поэт не принял, как не принял и Октябрьскую революцию. При этом, однако, Советской властью не преследовался и даже был назначен ею на пост председателя Петроградского Союза писателей, что свидетельствовало о полном доверии к нему со стороны руководителей советской культуры – Анатолия Луначарского и Максима Горького. Своей Родины Сологуб, в отличие от многих других поэтов-символистов, не покидал. Он ушёл из жизни в 1927 году и похоронен на русской земле. Несмотря на прижизненную популярность, своей поэтической школы не создал. Но стихи его сохраняют прежнюю притягательность и, несомненно, достойны нашего благодарного внимания.

Алексей Апухтин

Робким хулителем земной жизни был и очень талантливый поэт-символист, уроженец Орловской губернии Алексей Апухтин (1840–1893). Представитель древнего дворянского рода, он не испытал на себе тех жизненных трудностей, которые испытали Анненский и Сологуб. Апухтин получил блестящее юридическое образование в привилегированном закрытом петербургском Училище правоведения, и уже в годы учёбы прославился своим необыкновенным поэтическим талантом. К шестнадцати

годам всю отечественную и лучшую зарубежную поэзию знал в совершенстве. Собственные стихи начал писать с десятилетнего возраста и уже в отрочестве поражал читателя глубоким знанием окружающей жизни. Все, выходящие из-под его пера стихотворения, отличались, как в своё время и стихотворения Лермонтова, удивительной «взрослостью и знанием потаённых жизненных проблем».

Однокашником по училищу у Апухтина был Пётр Чайковский, с которым они сдружились на всю жизнь и который на стихи своего друга написал немало замечательных романсов. Эти романсы, а также публикации юного поэта привели к тому, что о нём заговорили многие маститые литераторы России. Среди них были Лев Николаевич Толстой и Иван Сергеевич Тургенев. Последний способствовал тому, чтобы стихи девятнадцатилетнего Апухтина публиковались в самом авторитетном литературном журнале России «Современник», в одном ряду со стихами признанных мастеров русской поэзии – Некрасова, Полонского и Григорьева.читающая публика увидела в Апухтине восходящую поэтическую звезду и предрекла ему «такую же известность, какую имели Пушкин и Лермонтов». Но этого не случилось. Жизнь начала наносить по чувствительной душе поэта свои сокрушительные удары. В 1859 году умерла мать Апухтина, которая была его вдохновительницей и объектом огромной сыновней любви. Пережив тяжёлую утрату, поэт в этом же году определился на государственную службу в Министерство юстиции. Несмотря на ряд выгодных предложений со стороны известных столичных издательств, от сотрудничества с ними отказался. Исходил из того, что человеку его социального положения неудобно жить за счёт литературного труда. Стал меньше печататься, хотя поэтическое творчество по-прежнему оставалось для него главным делом жизни.

К концу шестидесятых годов Апухтина постигла новая серьёзная беда. Он заболел ожирением, которое не поддавалось излечению. Последствием этого заболевания стала водянка, которая окончательно обездвижила поэта. Последние

годы жизни он дни и ночи проводил сидя в кресле. В нём и умер в августе 1893 года при чтении вслух начальных строк одного из стихотворений любимого им Пушкина. Говоря о символистском коде Анненского, Сологуба и Апухтина, не следует делать заключение о том, что вся их поэтика была пронизана мотивами «скорби и печали». Все они были воспитаны на жизнеутверждающем творчестве лучших мастеров русского классицизма: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Баратынского, Жуковского и Вяземского. Поэтому из-под их пера вышло немало стихов в привычном для нас стиле. У Анненского, например, мы найдём непревзойдённый по нежности стих о говорящей с ним ночной звезде.

У мрачного, но искусного в своём поэтическом мастерстве Сологуба, есть не только любовные, но и шуточные стихи. Например, о юной девице, её осторожной матери и настойчивом Амуре, который хотел эту девицу поразить эротической стрелой. Немало подобных замечательных стихов можно отыскать и у Алексея Апухтина. Все они были поэтами разносторонними и очень талантливыми. Такими мы их и воспринимаем при чтении их замечательных стихов.

Вячеслав Иванов

От мистиков загробного счастья (Апухтина, Анненского и Сологуба) известный символист Вячеслав Иванов (1866–1949) отличался тем, что тематическим кодом его поэтического творчества был божественный мир, единственное, как он считал, спасительное убежище для жаждущей покоя человеческой души. Представитель старинного московского дворянского рода Вячеслав Иванов получил блестящее домашнее, а затем и университетское образование. Слыл редчайшим специалистом в области древнеевропейской истории и культуры. После событий 1905 года с головой ушёл в теорию религиозного мистицизма и стал разработчиком ряда фундаментальных статей о символизме. Будучи одним из признанных лидеров этого литературного

течения, в том же, 1905 году, на своей квартире в Петербурге организовал литературный клуб «Башня», в котором на протяжении последующих двенадцати лет собирались известные столичные философы, литераторы, литературные критики и, конечно же, – поэты. Их дискуссии были призваны вырабатывать и находить новые направления творческой деятельности и новую тематику такой деятельности. Результаты дискуссий в обобщённом виде затем печатались в столичных журналах, за которыми внимательно наблюдали многие начинающие поэты. Среди них были будущие звёзды русской поэзии: Николай Гумилёв, Осип Манделштам, Марина Цветаева, Владислав Ходасевич, Анна Ахматова и некоторые другие, ныне хорошо известные поэты.

Октябрьскую революцию с её антирелигиозными лозунгами Иванов не принял категорически и в 1924 году добровольно покинул Россию. Проживал в Италии, где продолжил свою литературную деятельность. В 1944 году издал сборник стихотворений «Римский дневник», а также нескольких научных статей о символизме. Умер в 1949 году на восемьдесят четвёртом году жизни. Похоронен на одном из римских кладбищ. Все поэтические сборники поэта в современной России переизданы и пользуются постоянным спросом взыскательного российского читателя.

Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус

К мистико-религиозной ветви русского символизма принадлежат также не менее известные поэты Серебряного века супруги Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) и Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945). Оба видели в символизме надежное средство защиты от воздействия негативных сторон реальной, охваченной тотальным безбожием жизни. В отличие от Вячеслава Иванова, который никогда не посягал на устоявшиеся догматы христианского учения, супруги Мережковские пытались,

подобно Льву Толстому, создать свою неохристианскую церковь на основе объединения всех существующих в мире христианских учений, включая и некоторые сектантские. Подобное богоискательство, идущее вразрез с православным каноническим учением, вскоре натолкнулось на активное противодействие Святейшего Синода РПЦ и не увенчалось, как и у Льва Толстого, каким либо положительным исходом. Тем не менее, оно открыло супругам возможность глубоко изучить историю, философию и моральные принципы христианства и на этой основе развиться в глубоко самобытных и очень талантливых писателей и поэтов.

Помимо богоискательства, супруги Мережковские занимались сознательным подтачиванием устоев самодержавного царского строя. В своих многочисленных статьях призывали к его скорейшему падению и приходу на его место буржуазного правительства. Поэтому Февральскую революцию встретили с восторгом. К последующей же за ней – Октябрьской – отнеслись крайне враждебно и выступили против неё с рядом обличительных статей. В течение последующих двух лет демонстративно прервали отношения с перешедшими на сторону Советской власти поэтами Брюсовым и Блоком. Всё это вместе взятое заставило Советское руководство объявить Мережковского и Гиппиус своими идеологическими врагами. После этого, опасаясь ареста, осенью 1920 года супруги нелегально перешли российско-польскую границу и перебрались во Францию. Здесь возглавили философско-литературное общество «Зелёная лампа», с которым активно сотрудничали ведущие поэты первой волны эмиграции: Георгий Адамович, Георгий Иванов, Иван Бунин и Владислав Ходасевич.

Работа Мережковского и Гиппиус в этом обществе продолжалась до 1940 года. В этом году Мережковский тяжело заболел, а в следующем, 1941 году, умер. Гиппиус тяжело переживала смерть мужа и, спустя четыре года, одинокая, забытая своими друзьями, ушла вслед за ним из жизни. Похоронены в одной могиле на русском кладбище под Парижем. Весь эмигрантский период оба супруга глубоко

переживали утрату Родины и сожалели о том, что в молодости приложили руку к её развалу и гибели. Возрождённую Россию хотели видеть только монархической и только традиционно православной. Своё богоискательство, попытку строительства новой русской церкви, перекройку устоявшихся веками молитв и церковного чина, признали ошибочными. Но время ушло, и что-либо переделать они уже не могли. И всё-таки их жизнь была прожита не напрасно. Свидетельство тому – оставленное ими богатейшее литературное наследство. Оба супруга были талантливейшими русскими поэтами и своим творчеством украсили многоцветную палитру отечественной поэзии. Марина Цветаева, например, недолюбливая манеры поведения и завышенную самооценку Гиппиус, не отрицала в ней талантливого, разностороннего и богатого творческими находками человека. И это, несмотря на то, что Гиппиус приложила немало стараний для того, чтобы на протяжении многих лет ограничивать доступ цветаевских стихов и иных публикаций на страницы парижских правоэмигрантских газет и журналов. Что же касается Мережковского, то Цветаева ставила его поэтический дар выше поэтического дара Ивана Бунина и искренне сожалела о том, что Нобелевский комитет при рассмотрении в 1933 году кандидатов на звание лауреата в области поэзии отдал предпочтение Бунину, а не Мережковскому. К этому мнению следует прислушаться, так как Цветаева имела особо острое чутьё на подлинный поэтический талант и редко в таком таланте ошибалась.

Константин Бальмонт

Ярким представителем символизма был также блистательный, совершенно неповторимый по своему природному дарованию поэт Константин Бальмонт. Кодом его поэтического творчества, в отличие от перечисленных выше поэтов, была летучая, пусть и несколько приукрашенная, красота земной жизни, каждое её мгновение, каждый её

всплеск. Правда, в молодости, в самом начале своего творческого пути, Бальмонт, отдавая дань традиционной идее упадничества, посвятил ей несколько своих стихотворений. Но в последующем таких не писал. Быстро войдя во вкус поэтического процесса, полностью отдался ему. На этом этапе попытался отречься от всех окружающих его социальных проблем. Эту позицию выразил в стихотворении «Лунный свет» следующими словами:

Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье,
Горю над миром яркою звездой.

Отныне главным содержанием стихотворчества Бальмонта становится фиксация словом яркого и неповторимого «мгновения быстротекущей жизни», постоянной изменчивости природных явлений, сиюминутного состояния человеческого духа, его молитвенного общения с Богом. Много стихов поэта посвящено России и глубокой сыновней любви к ней. Особо выделена женская тема. Поётся гимн женской красоте, непредсказуемости женского настроения, его чувственной природе.

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) родился в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии в семье небогатого помещика Дмитрия Константиновича Бальмонта, обрусевшего потомка скандинавских мореходов, осевших на постоянное жительство в России ещё в допетровские времена. И отец и мать будущего поэта – Вера Николаевна Бальмонт (Лебедева) были людьми высокообразованными и глубоко религиозными. Мать увлекалась театральным искусством, концертной любительской деятельностью, участвовала в работе литературных кружков. Именно от неё маленький Костя заразился любовью к поэзии. В пять лет, научившись чтению, приступил к изучению трудов всех известных русских поэтов, отдав предпочтение Пушкину, Жуковскому, Лермонтову, Некрасову и Фету.

В 1876 году Бальмонт был отдан на обучение в местную мужскую гимназию. Здесь начал писать стихи и увлёкся революционными идеями. На восьмом году обучения, по обвинению в распространении антиправительственных листовок, из гимназии был исключён. Стараниями матери устроен на учёбу во Владимирскую губернскую гимназию, которую благополучно окончил в 1886 году. В последующем учился на юридическом факультете Московского университета, но на втором году обучения был из него отчислен за организацию студенческих выступлений. Вследствие этого, высшего регулярного образования не получил. Тем не менее, среди своих современников считался большим эрудитом, так как обладал огромными знаниями в области языковедения, этнографии, географии, ботаники и даже геологии, которые приобрёл самостоятельно целенаправленным и упорным трудом.

Первую небольшую подборку стихов Бальмонт опубликовал в петербургском журнале «Живописное обозрение» в 1885 году в возрасте 18 лет. Первый сборник стихов вышел девять лет спустя, в 1894 году. Эти стихи за свойственное им «изящество, особую музыкальность и воздушную мимолётность» сразу же полюбили русскому читателю. На стихи молодого поэта тепло откликнулась литературная критика, а также признанные мэтры русской литературы Владимир Короленко и Антон Чехов. С этого момента началось триумфальное шествие стихов этого замечательного поэта по всем губернским и провинциальным городам России. По утверждению Брюсова, в течение последующих десяти лет Бальмонт «нераздельно царил над русской поэзией... Его знала вся читающая Россия». Читателей удивляла, помимо всего прочего, и уникальная работоспособность поэта. Он писал стихи ежедневно и непрерывно и, по свидетельству близких ему людей, «еле успевал их записывать». Помимо этого были проза и переводы стихотворений иностранных поэтов (Блейк, Уайльд, Шелли, Бодлер и другие). По подсчётам Марины Цветаевой, в общей сложности им написано 35 книг стихов, 20 книг прозы и десять тысяч стихов-переводов.

дов. Подобная творческая искромётность была, к сожалению, признана Бальмонтом за «стихийную гениальность», что позволило ему заявить: «Имею стойкую убеждённость, что до меня, в целом, не умели писать в России звучных стихов».

Подобная самоуверенность привела к тому, что к 1905 году из-под пера Бальмонта стало выходить огромное число слабых, плохо обработанных стихотворений, которые он повторно не прочитывал, не проверял и не правил, а писал сразу же набело и такими отдавал в печать. Так появились сборники: «Птицы в воздухе», «Зелёный вертоград» и «Зовы древности», по прочтению которых Александр Блок назвал их «словесным развратом и галиматьёй». Советовал «истребить, все его последние книги», чтобы в умах читателей сохранился прежний любимый ими образ поэта с его «подлинными, а не декоративными достоинствами».

Имея взрывной бунтарский нрав, Бальмонт, пропитавшийся с юности надуманной революционностью (в действительности ничего значимого ни для одной из русских революций не сделал), после событий 1905 года в своих публицистических статьях позволял себе резкие выпады против самодержавного строя России. Императора Николая II с дерзкой запальчивостью называл «царём-висельником», «грязным негодяем», «ублюдком». Опасаясь полицейского преследования, надолго исчезал за границей. Совершил путешествия в Англию, США, Мексику. Побывал в Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии, на Цейлоне, в Полинезии и Индии. Посетил многие города Южной, Северной, Центральной и Восточной Европы. Подолгу проживал в Париже и хорошо изучил Францию. В разгар Первой мировой войны с лекциями о русской литературе исколесил всю Россию от её северо-западных до восточных границ. Из Владивостока пассажирским пароходом на две недели выезжал в Японию с целью ознакомления с жизнью её народа. Февральскую революцию встретил с восторгом, Октябрьскую – с явной враждебностью, усмотрев в ней «диктат большевизма».

Несмотря на это, Советской властью не преследовался. В марте 1920 года московская общественность отметила

тридцатилетие его творческой деятельности. В мае этого же года ему были предоставлены залы Дома Союзов и Малого театра для публичного чтения стихов. Чуть позднее Наркомат просвещения РСФСР привлёк Бальмонта к созданию Всероссийского литературного отдела и к работе в Государственном издательстве. От имени этих организаций в июне 1920 года он был направлен вместе с женой Еленой Цветковской и дочерью Миррой в Берлин и Париж для установления рабочих контактов с немецкими и французскими литературными кругами. За границей попал под влияние белоэмигрантской пропаганды и, обманув доверие Анатолия Луначарского, в Россию не вернулся. В марте 1921 года он и члены его семьи получили статус политических беженцев.

Из-за своего неуживчивого характера, Бальмонт очень скоро стал чужеродным элементом и в белоэмигрантской среде. Для людей, испытавших на себе ужасы Первой мировой войны, двух русских революций и гражданской междоусобицы, уже были не нужны бальмонтовские символистские «вымыслы и грёзы». Мир огрубел и требовал для себя столь же огрублённых литературных форм. Потребность в «беззаботном», «искристом» и «радостном» поэтическом искусстве Бальмонта сошла на нет.

В этих условиях Бальмонту на первых порах ещё как-то удавалось печататься в немногочисленных эмигрантских газетах и журналах. Но всё это было случайным и ненадёжным. Из-за возникших на этой почве серьёзных материальных трудностей, он и его семья вынуждены были подолгу жить вне Парижа. В 1927 году, гонимые нуждой, поселились на берегу Атлантического океана в маленькой рыбацкой деревеньке. Здесь, брошенный бывшими друзьями, Бальмонт начал ощущать страшную ностальгию по оставленной им Родине. В одном из писем к своей бывшей жене Екатерине Андреевой с горечью писал: «Я хочу России... Пусто, пусто. Духа нет в Европе. Он только в мученической России... Я не бежал, а уехал. Уехал на полгода и не вернулся... Но нет дня, когда бы я не тосковал о России, нет часа, когда бы я не порывался вернуться». В этот период открыто сожалел о том,

что в молодые годы в своём революционном безумстве немало способствовал тому, чтобы судьба России стала именно мученической.

С этого момента у Бальмонта начался медленный процесс умственной деградации. Он ещё пытался заняться переводами стихов польских и литовских поэтов, но и эта работа была малоуспешной. В печать попадала лишь очень малая часть его трудов. В 1932 году поэта настигли первые признаки душевной болезни. Этот недуг потребовал срочного лечебного присмотра, и семья поэта в 1934 году с помощью наезжающих из России редких меценатов переехала из рыбацкой деревни в местечко Наузи-де-Гран под Парижем, в приют для русских эмигрантов. Бальмонт был уже совсем плох. В редкие минуты просветления памяти пытался читать стихи Есенина, Ахматовой и Цветаевой. Агония постепенного угасания длилась ещё около трёх с половиной лет. В декабре 1942 года поэт скончался. Похоронен на местном небольшом кладбище. На могильном камне по-французски лаконично значится: «Константин Бальмонт. Русский поэт». Так закончилась жизнь одного из замечательных русских поэтов Серебряного века, служившего длительное время примером высокого поэтического мастерства для многих начинающих свой творческий путь молодых стихотворцев, в частности, для Валерия Брюсова – яркого представителя второй волны русского символизма.

Валерий Брюсов

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) был лично знаком с Бальмонтом, восхищался его поэтическим талантом, учился у него и перенял от него многие приёмы литературного мастерства. Обладая, как и Бальмонт, неукротимой творческой энергией, Брюсов уже к двадцати годам получил известность написанием нескольких аналитических статей о русском символизме и выпуском трёх небольших поэтических сборников. Эти работы привлекли внимание

видных символистов Мережковского, Гиппиус, позднее – Блока. Положительно молодого поэта оценили Максим Горький и Иван Бунин. В качестве тематического кода Брюсов с самого начала творческого пути избрал беззаветное служение поэтическому искусству, оставив в стороне, как он заявлял, «все тревоги вселенной, все человеческие слабости, все пороки текущей действительности». И хотя в своих ранних стихах не избежал излюбленной старшим поколением символистов темы «всемирного уныния и блага замогильной жизни», таких стихов у него, как и у Бальмонта, было совсем немного. Наиболее известными из них являются «Конь Блед» и «Духи огня», написанные в 1903–1904 годах.

Валерий Брюсов родился в Москве в состоятельной купеческой семье. Дед и родители мальчика хотели видеть в нём продолжателя семейного дела, но, заметив в подростковом возрасте неподдельную тягу к научным знаниям и искусству, подавили в себе семейный эгоизм и сумели дать ему вначале хорошее гимназическое, а затем и высшее университетское образование. В 1899 году Валерий Брюсов с дипломом первой степени окончил историко-филологический факультет Московского университета и последующие четыре года служил сотрудником научного журнала «Русский архив». По роду своих занятий имел возможность глубоко изучить наследие всех русских поэтов Золотого века, что существенно сказалось на его собственной поэтической судьбе. Уже с 1905 года стал жить за счёт собственного литературного заработка, проявляя качества великого труженика. Работал много и постоянно, именуя работу «главным смыслом и содержанием своего существования». На этом пути стал широко признанным поэтом, писателем, драматургом, литературным критиком, теоретиком искусства, педагогом и переводчиком. Зная в совершенстве несколько европейских языков, прославился изящностью и точностью переводов многих поэтов и прозаиков Западной Европы.

Длительное время считался лидером второй волны русского символизма. Однако, будучи большим жизнелюбом и человеком, интересующимся всеми сторонами окружаю-

щей жизни, уже к началу девятисотых годов почувствовал, что тесные рамки символизма стали стеснять масштабы его творчества. В 1907 году в одной из своих литературных статей публично заявил о своём разрыве с ним. С этого момента в его поэзию стал входить весь окружающий мир. Как городской житель, он начал воспевать городскую действительность; как историк – историческое прошлое человечества; как любящий свою родину патриот – жизнь и беды своего народа; как наблюдательный человек – красоту родной природы и человеческую красоту. В своих стихах ориентировался на Пушкина и Баратынского, под влиянием которых, по собственному признанию, возвратился на благодатный путь русского классицизма.

До 1905 года держался в стороне от внутренних российских социальных проблем. Исповедовал веру в свои творческие силы, в непоколебимость идеалов искусства. Всё остальное, в том числе внутривластные процессы страны, оставлял за рамками этой веры. Так продолжалось до январских событий 1905 года. Расстрел мирной рабочей демонстрации на Сенатской площади в Петербурге и вспыхнувшее затем восстание рабочих в Москве потрясли душу поэта. В целом ряде вышедших затем стихов он решительно поддержал народ. С этого момента поэтическое творчество Брюсова приобретает выраженный социальный характер. Он всё чаще начал прославлять человека-труженика, человека-строителя новой справедливой жизни. Социализации взглядов Брюсова в немалой степени способствовало и его сближению с Максимом Горьким, который сыграл затем в жизни поэта существенную направляющую роль. Под его влиянием поэт воспринял Октябрьскую революцию как историческую неизбежность и потому пошёл на сознательное сотрудничество с Советской властью. Весной 1918 года, по собственной инициативе, встретился с Наркомом просвещения Луначарским и предложил свои услуги. Стал членом Государственного учёного совета, профессором Московского университета, председателем Всероссийского союза поэтов. В 1920 году вступил в ряды

большевистской партии, а в следующем 1921-м году, по поручению Советского правительства, возглавил процесс создания в Москве Высшего литературно-художественного института, получившего в 1936 году имя первого пролетарского писателя Максима Горького. Этот институт (Московский литературный институт) и по сей день готовит для нашей страны высококвалифицированных прозаиков, поэтов, драматургов, публицистов, литературных критиков и переводчиков, которые достойно выполняют благородную миссию по развитию и совершенствованию нашей литературы и искусства в целом.

Брюсов до конца своих дней оставался верным поклонником русской поэзии. В одном из последних писем по этому поводу писал: «Делая в молодости выбор между математикой, историей и философией, избрал единственно правильный путь, путь верного служения поэтической музе Евтерпе». Валерий Яковлевич был человеком огромного ума, глубоким аналитиком и человековедом. Поэтому не мог не замечать некоторых порочных сторон большевистской практики насаждения тотального единомыслия и превращения миллионов русских людей в послушных исполнителей партийной воли. Всё это вызывало в нём душевную раздвоенность и внутреннее беспокойство, о котором он неоднократно заявлял своим близким друзьям. В конечном итоге, данное состояние привело к тому, что Брюсов, как о том свидетельствует хорошо его знавший Владислав Ходасевич, пристрастился к морфию. О предрасположенности поэта к наркотикам говорит в своём очерке «Герой труда» и Марина Цветаева. Эта болезнь подточила здоровье и стала причиной раннего ухода поэта из жизни. Брюсов умер 9 октября 1924 года на руках любящей его жены, переводчицы Иоанны Матвеевны Брюсовой. Последней прижизненной репликой поэта были слова: «Мои стихи...» Ушёл из жизни ещё один рыцарь поэзии, чьи стихи продолжают верно служить не только русскому, но и мировому читателю.

В соответствии со статусом крупного представителя советской культуры Брюсов был торжественно похоронен на

Новодевичьем кладбище у высокой монастырской стены, на почётном участке. Уйдя из жизни, он оставил после себя огромное поэтическое, научное и педагогическое наследие; стал зажигательным примером для творчества целой плеяды молодых, очень талантливых поэтов, среди которых, по их собственному признанию, были Сергей Есенин, Николай Гумилёв, Осип Мандельштам, Борис Пастернак и Александр Блок.

Александр Блок

Александр Александрович Блок (1880–1921) является тем крупнейшим русским поэтом, которому было суждено подвести черту под русской поэзией Серебряного века и вместе с Брюсовым, Маяковским и Есениным встать у истоков нового направления литературного творчества, которое получило имя «Социалистический реализм». Александр Блок родился 15 ноября 1880 года в семье философа и юриста Александра Львовича Блока – дворянина полунемецкого происхождения, чей предок в 1755 году поступил полковым врачом на русскую военную службу и навсегда остался в России. По материнской линии юный Блок принадлежал к семье потомственного аристократа, гуманиста, большого знатока русской истории и литературы, профессора и ректора Петербургского университета Андрея Николаевича Бекетова, который оказал на формирование подростка огромное влияние, приучая его к внимательному «приглядыванию» к явлениям окружающей социальной и политической жизни, к умению давать этим явлениям правильную и осмысленную оценку.

До одиннадцати лет Александр обучался и воспитывался в домашних условиях. Затем был определён во второй класс Петербургской Введенской гимназии, которую успешно окончил в мае 1898 года. За год до этого, в поездке с матерью на курорт Бад-Наугейм (Германия) встретил свою первую любовь – певицу Ксению Садовскую. Тогда

же, под влиянием возникших сердечных чувств, начал писать первые лирические стихи. Молодые люди тянулись друг к другу, но слияния их душ не произошло. Возникли недомолвки и недоверие, которые привели к разрыву отношений. Но свою первую любовь Блок помнил всю оставшуюся жизнь. Позднее, при повторном посещении Бад-Наугейма, в адрес своей первой любви написал замечательный стих «Синеокая». Вот этот стих:

Синеокая, Бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,
Встал он тихий, дождями омытый,
Разметает он прошлого след,
Ему лёгкого имени нет.

Важно, что первая любовь разбудила поэтическую душу Александра Блока. С 1897 года стихи стали приходить к нему практически непрерывно. В это же время талантливый юноша серьёзно увлёкся театральным искусством. Этому в немалой степени способствовала его мать Александра Андреевна Блок, большая любительница музыки и театра, которая устраивала музыкальные вечера у себя на дому в Петербурге и в загородном родовом имении Бекетовых – Шахматово. В этих вечерах юный Блок принимал самое активное участие. Он охотно исполнял роли Отелло и Гамлета, а также многих других героев шекспировских трагедий, участвовал в музыкальных концертах в качестве певца и пианиста.

Вскоре такие вечера были перенесены и в Боблово – в усадьбу хорошего друга деда известного учёного-химика Дмитрия Ивановича Менделеева. В 1898 году для согласования театрального репертуара сюда приехал только что окончивший столичную гимназию восемнадцатилетний Александр Блок. Здесь состоялась его первая встреча, а затем длительное общение с будущей женой, дочерью Менделеева – Любой. В течение всего лета они вместе репетировали и играли на открытой сцене в бобловской

берёзовой роще шекспировских Гамлета и Офелию, воспроизводили сцены из пушкинского «Бориса Годунова» и грибоедовского «Горе от ума». Для близких родственников читали стихи Апухтина, Баратынского и Фета. Именно тогда молодой Блок почувствовал душевное влечение к своей золотоволосой семнадцатилетней напарнице и именно тогда написал ей свой первый стих:

Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетут коварство сети,
И в сердце первая любовь
Жива к единственной на свете.

Ухаживание за Любовью Менделеевой длилось целых пять лет и сопровождалось со стороны Блока сомнениями в правильности сделанного выбора. И лишь в августе 1903 года они наконец обвенчались. Торжественный обряд состоялся в церкви села Высокое, что размещено в шести верстах от имений Шахматова и Боблово. По окончании свадебной церемонии молодая семья вернулась из Шахматова на жительство в Петербург. К этому моменту Блок был студентом выпускного курса историко-филологического факультета Петербургского университета и уже пробующим свои силы поэтом. В 1901–1902 годах часть накопленных им стихов была опубликована в Москве, в руководимом Брюсовым альманахе «Северные цветы». Тоже случилось и в Петербурге, где супругами Мережковским и Гиппиус в принадлежащем им журнале «Новый путь» было опубликовано десять стихотворений молодого поэта.

В это же самое время Блок увлёкся философией русского религиозного мыслителя Владимира Соловьёва. Особое внимание поэта было обращено на его идею о «Вечной Женственности», под которой понималась некая непреходящая божественная сила, лежащая в основе всех жизненных процессов как на Земле, так и во Вселенной. Данная идея наложилась на обретенные Блоком знания о русском символизме, которые он почерпнул из книг и статей поэтов-

символистов Вячеслава Иванова, Валерия Брюсова и Андрея Белого. Под воздействием мировоззренческих взглядов этих людей двадцатичетырёхлетний Блок на последующие пять лет примкнул к их лагерю, избрав тематическим кодом своего творчества «всепобеждающую женственность», дав ей звучное имя «Прекрасная Дама». Под этой Дамой в течение последующих двух лет поэт видел свою жену Любовь Дмитриевну Блок. Он наделил её необычными свойствами нежности, красоты и мудрости. Однако уже спустя некоторое время, в этом же сериале стали появляться стихи о достоинствах других женщин, о матери поэта Александре Андреевне Блок и наконец – о России, которую Александр Александрович в запальчивой самоуверенности назвал своей женой: «О Русь моя! Жена моя!».

Сага о «Прекрасной Даме», как было сказано выше, в течение двух лет адресовалась Любви Дмитриевне Блок, женщине во всех отношениях якобы счастливой и всеми любимой. На самом же деле уже на втором году супружеской жизни между ней и Александром Блоком возникли глубокие противоречия. О них в отечественной литературе упоминается очень скупо. Тем не менее, из воспоминаний немногочисленных очевидцев, следует, что главной причиной таких противоречий стала реакция молодой жены на странное поведение своего мужа.

Во-первых, ей не нравилось, что Блок находил удовольствие в том что, наезжающий время от времени из Москвы и останавливающийся у них на петербургской квартире поэт Андрей Белый (Борис Бугаев) открыто флиртовал с ней. Это смущало её и ставило в неудобное положение. При этом молодой муж делал вид, что такие сцены позволительны и не раздражают его. Во-вторых, ей претило то обстоятельство, что супруг пытался сделать из неё объект чисто платонической любви. Это глубоко оскорбляло её. Не случайно, что именно в этот период в записке к Блоку она возмущённо писала: «Я живой человек и хочу им быть... Когда же на меня смотрят как на какую-то отвлечённость, хотя бы и идеальную, мне это невыносимо, оскорбительно, чуждо».

Поведение Блока по отношению к молодой жене было действительно странным и неестественным, что побудило многих исследователей его биографии полагать, что в период между 1903 и 1905 годами он страдал какой-то телесной болезнью, которая не позволяла ему вести нормальную супружескую жизнь. Результатом всего этого стала изуродованная судьба Любови Дмитриевны. С Блоком она не имела и не могла иметь полноценного женского счастья. В 1905 году супруги разъехались.

Этот драматический год был для Александра Блока знаменателен не только данными грустными событиями, но и тем, что именно на этом этапе он почувствовал свою неразрывную связь с русским народом. К этому его подтолкнули, как в своё время и Брюсова, трагические события у Зимнего дворца 9 января 1905 года, когда войсками столичного гарнизона была расстреляна мирная рабочая демонстрация. Охваченный протестным порывом, Блок в последующие дни присоединился к одной из новых рабочих демонстраций и прошёл в её рядах с красным знаменем по центральным улицам Петербурга. Эти же события заставили Блока в срочном порядке пересмотреть своё отношение к поэтическому творчеству. Он решил, что такое творчество должно служить только реальной жизни и только реальному человеку. Вдохновленный этой идеей, он тут же написал аналитическую статью «О современном состоянии русского символизма», в которой сделал вывод, что «обманный призрак декаданса противоречит самой природе искусства, которое создаётся людьми и для людей». Продолжая эту мысль, указал на то, что в основе поэтического творчества должен лежать не символизм с его мистической таинственностью, а испытанный временем и практическим творчеством великих русских поэтов традиционный классицизм. Отныне его стихи и публицистические произведения приобретают приближенный к реальной жизни характер. При этом, однако, полностью отойти от ранее наработанных приёмов символистского стиля стихосложения так и не смог. Поэтому в литературных кругах до конца жизни счи-

тался символистом, в том числе и в драматургии, которой активно занимался в период с 1906 по 1915 год.

С началом Первой мировой войны Блок остался в Петербурге и продолжил свою творческую деятельность. В 1916 года был призван в действующую армию в качестве табельщика инженерно-строительной дружины дислоцирующейся в Белоруссии. В марте 1917 года решением буржуазного правительства Керенского от воинской обязанности освобождён. Вернувшись в Петроград, стал членом литературной комиссии Александровского театра. Октябрьскую революцию встретил восторженно, ожидая от неё коренного улучшения положения народа и скорого прекращения военных действий. Открыто провозгласил себя сторонником Советской власти. Вошёл в контакт с Анатолием Луначарским и так же, как ранее и Брюсов, предложил ему свои услуги. Предложение было охотно принято. Блок был назначен членом Правительственной литературной комиссии. Привлечён к работе издательства «Всемирная литература» и многочисленных редакционных коллегий.

В январе 1918 года, спустя три месяца после Октябрьской революции, написал нашумевшую поэму «Двенадцать». Пришёл в смущение, узнав, что это, в муках выношенное, революционно звучащее произведение, воспринято многими читателями отрицательно. Среди них были Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Николай Гумилёв и Иван Бунин. Последний, обладая резким и бескомпромиссным характером, назвал автора поэмы дегенератом (выродком). А известнейший в России религиозный мыслитель Иван Ильин оценил поэму как «кощунственную и мерзкую». Даже пролетарскому писателю Максиму Горькому она показалась «злой сатирой». Несмотря на это, сам Блок считал данную поэму самым лучшим из того, что он когда-либо создал, так как она, по его мнению, была написана «в согласии со стихией» и «в согласии с современностью», которыми он тогда жил.

Попытаемся вникнуть в содержание этой поэмы. В первых, она, по нашему мнению, написана не лучшим по-

этическим языком. Во-вторых, в ней воспеты хамские действия перешедших на сторону большевиков безграмотных солдат столичных запасных батальонов, которые не хотели идти на фронт, предпочитая этому грабёж и насилие над мирным населением Петрограда. Присмотримся к «героическим» действиям блоквских «двенадцати». Расхристанные, в метельную зимнюю ночь они идут по притихшим петроградским улицам, стреляя по всему, что попадётся на пути. Убили неповинную девушку Катюку. Готовятся с оружием врываться в квартиры спящих горожан. Всюду высматривают священников и бывших жандармов, чтобы без суда и следствия пристрелить их на месте. Бесконечный ужас. Бесконечная, пугающая всё живое, винтовочная стрельба:

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...
Неутомонный не дремлет враг.

Безжалостнейшая и безнравственнейшая картина, которую восторженно (подчеркнём восторженно) нарисовал для нас один из умнейший и грамотнейших людей своей эпохи – Александр Блок. Стыдно и больно! Но показом разбойных действий безумцев-дезертиров дело не кончается. Оказывается, по замыслу поэта, на разбой их ведёт сам Иисус Христос. Читаем и убеждаемся:

Так идут державным шагом –
Позади голодный пёс,
Впереди с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
Нежной поступью надвьюжной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

За образ Иисуса Христа Блок в своих стихах принимался несколько раз и почти всегда глумился над ним. В этом проявилось воинственное атеистическое мышление поэта,

смысл которого он изложил ещё в 1905 году в письме другу Евгению Иванову. Уже тогда его идеологической заповедью было: «никогда не приму Христа». Как и почему это случилось с представителем глубоко религиозной православной семьи доподлинно не известно. Считается, что толчком к этому могла стать увлечённость молодого Блока немецкой поэзией, особенно стихами Генриха Гейне, который отличался воинственным атеизмом, антиклерикализмом и антимонархизмом. Возможно, что именно через него Блок до конца своих дней ненавидел христианство и, как мог, боролся с ним. Но за всё приходит расплата.

Известно, что ещё в ранние христианские времена в русском народе существовало поверье, что Бог не мстит своим хулителям, Он просто забывает о них. Так случилось и с Александром Блоком. После выхода в свет поэмы «Двенадцать» им было написано только два значимых стихотворения: «Скифы» и «Пушкинскому дому». Лучшие стихи остались позади как пережитое и невозвратное прошлое.

Во второй половине 1918 года Блок, как и многие другие его современники, погрузился в раздумья относительно последствий Октябрьской революции. Картины разрухи, голода и бегства за рубеж лучших русских людей заставило его сделать в своём дневнике многоговорящую запись: «Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь! Мы задыхаемся! Мировая революция превратилась в мировую грудную жабу». К сожалению, поэт был неосторожен и эти мысли довёл до своих ближайших знакомых. Через кого-то из них они дошли до сотрудников петроградского ВЧК*. 15 февраля 1919 года Блока арестовали по подозрению в антиправи-

* ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем – первая советская спецслужба, призванная вести борьбу против внутренних врагов Советской власти и иностранных разведок. В 1922 году реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ). В 1923 году, в связи с образованием СССР – в Объединённое Государственное политическое управление (ОГПУ). В 1934 году ОГПУ преобразовано в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД).

тельственном заговоре, дважды допрашивали и двое суток держали в одиночной камере. На его защиту встали Нарком просвещения Анатолий Луначарский и член РСДРП с 1904 года актриса и общественная деятельница Мария Федоровна Андреева. Блока отпустили, но арест и связанные с ним переживания серьёзно сказались на его здоровье. Появились первые признаки серьёзной болезни, которая уже через два года свела поэта в могилу.

В эти два года Блок практически перестал писать стихи. Пытался завершить автобиографическую повесть «Исповедь язычника», но не смог довести её до конца. Сохранились лишь отдельные краткие наброски этого труда. С конца 1920 года занялся обстоятельной чисткой своих архивов. Активная жизнь столь деятельного ранее поэта и публициста заметно угасла. Этот критический момент в жизнедеятельности Блока точно уловил современный петербургский скульптор Евгений Ротанов, автор установленного в декабре 2022 года в Санкт-Петербурге необычного, наклонённого к земле под углом в 40 градусов памятника знаменитому поэту. Фигура Блока выглядит как бы прижатой вниз обстоятельствами окружающей жизни. Она падает, но не может упасть, так как ей противостоит штормовой ветер революции:

Чёрный ветер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек...

Как пояснял сам скульптор, такую композицию памятника он избрал потому, что, длительно изучая творчество и жизненный путь поэта, понял суть его разочарованности результатами прожитой жизни, осознал всю тяжесть накопленной им в ходе этой жизни усталости. В результате этого сознание ваятеля, по его собственному признанию, покинула «молодая красавица Блока, а остались только характер и отношение к жизни».

В мае 1921 года болезнь неожиданно обострилась. Возникла угроза летального исхода. Понимая это, Максим Горький обратился к Луначарскому с просьбой направить больного на лечение в Финляндию. Просьба была доведена до Ленина. 23 июля 1921 года было принято решение о выезде Блока на лечение за границу. К сожалению, решение запоздало. Состояние здоровья поэта стало критическим, и 7 августа 1921 года он в тяжелых физических муках умер в своей петроградской квартире. У смертного ложа находились его ближайшие родственники, в том числе и мать поэта Александра Андреевна Блок, которая пережила своего знаменитого сына почти на два года.

Прах поэта захоронили на Литераторских мостках Волкова кладбища Петрограда. Так завершилась жизнь одного из талантливейших русских поэтов России. С его уходом, так же, как и с уходом через три года Валерия Брюсова, «храм символизма опустел окончательно», а его немногочисленные последователи, прежде всего – Вячеслав Иванов и Константин Бальмонт – навсегда покинули Россию, потеряв какое-либо влияние на её духовную и культурную жизнь. Но свято место не бывает пусто. На смену символизму в русскую литературу сразу же ворвались, громко заявив о себе, акмеизм, футуризм, имажинизм, неореализм, новый классицизм и некоторые иные, менее известные, поэтические течения.

Акмеизм

Понятие «акмеизм» происходит от греческого слова «асме», означающего высшую степень развития чего-либо (мысли, идеи, действия и т.п.). Как отдельное направление русского поэтического творчества акметизм возник в дворянских литературных кругах в конце XIX столетия. Просуществовал около пятнадцати лет и к 1905 году почти полностью исчез. В 1910 году возрождён усилиями молодого неутомимого поэта Николая Гумилёва, который под ак-

меизмом стал понимать наивысший расцвет духовных сил поэта, в основе творчества которого лежат материальность мира, предметность образов, точность и выразительность поэтических средств, красота и лёгкость стихообразующего слова. Вскоре деятельному Гумилёву удалось создать творческую группу своих сторонников, которой он дал звучное название «Цех поэтов». В группу вошли: жена Гумилёва – Анна Ахматова (Горенко), начинающий поэт Георгий Иванов и его жена Ирина Одоевцева, уже известные поэты Осип Мандельштам и Владислав Ходасевич. Последний примкнул к «Цеху поэтов» не по идеологическим соображениям, а для получения возможности печатания своих стихов в созданном при «Цехе» журнале «Новый гиперборей».

Николай Гумилёв

Лидер группы – Николай Степанович Гумилёв (1886–1921) к моменту возрождения им акмеизма приобрёл в российской литературной среде славу редкого романтика, обладающего необычной творческой энергетикой и уникальной устремлённостью к поиску яркого, ёмкого и точного поэтического слова. Тогда же многие из его коллег увидели в нём редкого патриота. Имея страсть к заграничным путешествиям, он выполнял за рубежом не только официальные, поставленные Российской Академией наук географо-этнографические, но и разведывательные задачи: делал топографические наброски крепостей, дорог и других важных участков местности; устанавливал в интересах российского правительства деловые контакты с лидерами и племенными вождями ряда посещаемых им стран: Египта, Йемена, Эфиопии, Сомали и Джибути.

Будучи ещё в 1907 году признанным государственной военно-медицинской комиссией из-за дефектов зрения «совершенно неспособным к военной службе», с началом

Первой мировой войны сумел добиться направления на фронт. Служил рядовым, а затем унтер-офицером в нескольких кавалерийских частях. За проявленную храбрость был награждён солдатскими Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени. В 1916 году внесён в списки офицерского состава 5-го Гусарского полка. Как младший офицер, в марте 1917 года награждён офицерским орденом Станислава третьей степени с мечами и бантом.

В момент Октябрьской революции находился во Франции в составе русского экспедиционного корпуса. Мог бы остаться в эмиграции, но без России себя не мыслил. На транспортном судне добрался до Мурманска, затем поездом прибыл в Петроград. Здесь установил деловые контакты с Максимом Горьким и при его содействии вместе с Александром Блоком вошёл в состав руководства издательства «Всемирная литература». Назначен экспертом «Отдела Западной поэзии» в качестве штатного, то есть государством оплачиваемого, сотрудника. Восстановил деятельность клуба «Цех поэтов», собрав под его крыло всех прежних сотрудников; занялся переводческой работой; приступил к выпуску статей с критикой доживающего свой век символизма. Серьёзно помышлял о привнесении в русскую поэзию новых стилистических и жанровых открытий. Своим поведением демонстративно подчёркивал верность православию и прежней самодержавной власти. При этом Советской властью не преследовался и чувствовал себя вполне свободно.

Так продолжалось до февраля 1921 года, пока не вспыхнул, спровоцированный левыми эсерами, Кронштадтский антисоветский вооружённый мятеж. Спустя месяц, в марте 1921 года, в Петрограде было арестовано несколько организаторов этого мятежа. Среди них оказался некто Таганцев, который ранее посещал гумилёвский «Цех поэтов». В ходе следствия он сообщил, что им завербовано в антибольшевистскую подпольную организацию несколько бывших царских офицеров, в том числе – Николай Гумилёв. С этого момента за Гумилёвым была установлена тайная слеж-

ка. В июне 1921 года поэт совершил поездку в Крым, где встретился с несколькими бывшими белогвардейскими офицерами. Факт контактов с ними был зафиксирован сотрудниками советской контрразведки. По возвращении в Петроград Гумилёв был передан на разработку столичным чекистским органам. В августе 1921 года арестован. При обыске его квартиры, в одной из книг нашли изготовленную им прокламацию, в которой содержался призыв к русскому народу не повиноваться Советской власти. В ходе следствия Гумилёв признался, что эта прокламация была изготовлена им собственноручно и что он действительно был готов примкнуть к Кронштадтскому восстанию, если бы оно перекинулось на Петроград. Доказательная база была собрана. На её основании поэту был вынесен смертный приговор.

25 августа 1921 года он с группой других заговорщиков был расстрелян в одном из предместьев Петрограда. Факт расстрела 1 сентября 1921 года подтвердила местная газета «Петроградская правда». В ней был помещён список казнённых участников мятежа, среди которых числился филолог, поэт, член коллегии издательства «Всемирная литература», бывший дворянин и бывший офицер Гумилёв Николай Степанович.

Ученик и верный сподвижник погибшего – Георгий Иванов назвал смерть своего учителя «ужасной и бессмысленной», оценив её как огромную потерю для русской словесности. С этим выводом нельзя не согласиться. Но смерть Гумилёва была именно такой, какую он сам себе предсказал и какую для себя предвидел:

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ручьём захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

Понятно, что после расстрела поэта все его работы на долгие годы были изъяты из общественного пользования,

а таких работ к концу его жизни было уже немало. За короткий творческий период (1905–1921) ему удалось выпустить в свет семь полноценных поэтических сборников: «Путь конквистадоров» (1905), «Романтические цветы» (1908), «Жемчуга» (1910), «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916), «Костёр» (1918), «Огненный столп» (1921). Характерной особенностью Гумилёва было то, что он ставил труд поэта выше любого иного вида человеческой деятельности. От этого мнения не отказывался никогда. Постоянно совершенствовался и достиг подлинного поэтического мастерства уже к 1915 году. К этому моменту, как отмечают многие исследователи творчества поэта, из его стихов стали постепенно уходить искусственные изысканность и красочность. На их место пришли реальные картины жизни, в том числе и картины пережитой им кровопролитной Мировой войны. Данные изменения в поэтике Гумилёва были высоко оценены Корнеем Чуковским, Георгием Ивановым, Владиславом Ходасевичем и многими другими его современниками. Анна Ахматова, отмечая коренной перелом в творческой линии своего мужа в сторону её зрелой социализации, заявила, что «ему не хватило нескольких совсем немногих лет жизни для того, чтобы перейти из великих поэтов нереализованных возможностей в подлинно великие русские поэты».

Несмотря на это, наследие Николая Гумилёва представляет для нас, несомненную, очень большую ценность. В шестидесятые годы XX столетия оно вновь вернулось в распоряжение российского читателя и до сего момента пользуется у него огромным спросом. Во многих городах России учреждены ежегодные гумилёвские чтения, собирающие большое количество любителей русской поэзии. Важно отметить, что стихи Гумилёва остаются востребованы не только взрослой, но и молодёжной аудиторией. Это говорит о том, что они по-прежнему актуальны и служат примером того как нужно относиться к великому делу поэзии, видя в нём одну из важнейших форм человеческой деятельности.

Анна Ахматова (Горенко)

Трагическая судьба Николая Степановича Гумилёва не могла не сказаться на судьбе окружающих его людей, прежде всего на судьбе его жены, выдающейся русской поэтессы Анны Андреевны Ахматовой (1889–1966). С 1921 по 1941 год она, как жена врага народа, испытывала на себе всю тяжесть гнева партийных и общественных органов Советского государства. На длительное время в тюремные застенки и исправительно-трудовые лагеря был брошен её сын Лев Гумилёв. Саму её, как «непролетарского поэта», ограничивали в публикации стихов и переводческих работ. Исключали и вновь принимали в члены Союза советских писателей. Лишали жилищных возможностей, препятствовали поступлению на работу в обычные советские трудовые коллективы. Была масса и иных издевательств, но она выстояла и сумела оставить нам ни с чем несравнимое, проникнутое особой искренностью поэтическое наследие. Все её стихи овеяны великой человеческой добротой и мудростью много страдавшего человека. Они всегда впечатляют своей стилистикой, формой и красотой употреблённого поэтического слова.

Увлечённостью поэзией Анна Ахматова в значительной степени обязана своей матери Инне Эразмовне Горенко (Стоговой), образованной, хорошо знавшей творчество русских поэтов, женщине. Собственные стихи начала писать в 11 лет. Первый сборник стихов «Вечер» выпустила в 1912 году. Несмотря на небольшой тираж (300 экземпляров), сборник привлек внимание многих известных русских поэтов, среди которых были Максимилиан Волошин и Владимир Маяковский. В этот момент Анна была уже два года замужем за Гумилёвым, который на этом этапе оказывал на её поэтическое творчество значительное влияние. В 1914 году Анной Ахматовой был выпущен второй, не менее значимый сборник – «Чётки». Но уже в нём она проявила свою самостоятельность и, по собственному признанию, «вдруг заговорила собственным, дарованным ей от природы, языком». За «Чётками» последовало ещё

пять сборников: «Белая стая» (1917), «Подорожник» (1921), «Anno Domini» (1921), «Из шести книг» (1940), «Избранное. Стихи» (1943). Все эти сборники явили собой дневник собственной жизни Ахматовой и тех событий, которые формировали эту жизнь. Основную часть этого поэтического дневника составляет любовная, большей частью очень печальная, насыщенная драматическими нотами, лирика.

Подобно Гумилёву, Анна Ахматова бесконечно верила в магическую силу поэзии и искала в ней своё спасение. И действительно, с началом Великой Отечественной войны прессинг на неё стал постепенно ослабевать. Ей было дозволено выступать со своими стихами перед ранеными бойцами Красной Армии в госпиталях Ташкента, где она находилась во временной эвакуации, а затем, по возвращении в 1944 году из Ташкента в Ленинград, – в воинских частях Ленинградского фронта. В 1951 году, по ходатайству председателя Союза советских писателей Александра Фадеева, было восстановлено её членство в этой организации. Замалчивание трудов поэтессы стало сходить на нет. Талант великой поэтессы был оценен не только на Родине, но и за рубежом. В 1964 году ей была присуждена почётная международная литературная премия «Этна-Таормина» и присвоено звание доктора литературы Оксфордского университета. Поэтический триумф ожидал её и в СССР. В Москве, в связи с 75-летием поэтессы, был организован торжественный вечер в её честь. Большим тиражом были опубликованы все её книги, в том числе и последняя прижизненная – «Бег времени». Признание заслуг Ахматовой было полным и безоговорочным.

К сожалению, насладиться славой признанного страной поэта Ахматовой было не суждено. В ноябре 1965 года с ней случился четвёртый инфаркт, а в марте 1966 года, находясь на лечении в подмосковном кардиологическом санатории, она ушла из жизни. Похоронена на Комаровском кладбище под Ленинградом. Прожив чрезвычайно трудную жизнь, она поднялась над всеми выпавшими на её долю испытаниями и в конце жизненного пути со спокойствием мудреца

заявила: «Я была в великой славе и испытала величайшее бесславие – и убедилась, что, в сущности, это одно и то же».

Георгий Иванов

Рядом с Гумилёвым и его женой Анной Ахматовой длительное время шёл их верный почитатель и друг Георгий Владимирович Иванов (1894–1958). Именно он после гибели Николая Гумилёва в течение года возглавлял оставленный им клуб акмеистов «Цех поэтов». В 1922 году, опасаясь преследований со стороны сотрудников петроградской ВЧК, покинул Россию, что стало для него до конца жизни величайшей личной трагедией. Парадокс состоял в том, что до этого момента он писал, по оценке Александра Блока, «прекрасно отделанные, но не содержавшие собственной темы, стихи». В связи с этим, тот же Блок ещё в 1914 году пожелал Иванову «как можно сильнее раскачнуться на качелях жизни», а Гумилёв – «как можно сильнее пострадать». С отъездом из России смысл этих рекомендаций Иванов ощутил на себе в полную силу. Утрату Родины он воспринял как величайшее, ничем не излечимое горе. Поэтому вся его поэтика с этого момента коренным образом преобразилась, превратившись в плач по утерянному прошлому, в желание ещё раз прикоснуться к нему и в стихах возродить его.

Оценивая революционные события февраля и октября 1917 года и анализируя состояние умов русских эмигрантов, писал:

И сорок лет мы спорили,
Кто виноват и почему,
Как в страшный час над Чёрным морем
Россия рухнула во тьму.

Особенно его возмущала сдача самодержавной Россией своих позиций фактически без борьбы вначале Керенскому, а затем Ленину. По этому поводу он с горечью заметил:

Овеянный тускнеющей славой,
В кольце святош, кретинов и пройдох,
Не изнемог в бою Орёл Двуглавый,
А жутко, унижительно издох.

Не приняв России Керенского и Ленина и держа обиду на царский режим за проявленную им слабость в переломный для него исторический момент, Георгий Иванов, тем не менее, этому режиму и той России, в которой родился и жил до 1922 года, остался верен до конца. За 36 лет изгнанничества, проживая в Берлине, а затем в Париже, он, несмотря на оторванность от Родины, написал о ней множество прекраснейших, берущих за душу стихотворений. Все они вошли в изданные им в эти годы поэтические сборники: «Розы» (1931), «Отплытие на остров Цитеру» (1937), «Портрет без сходства» (1950), «Стихи. 1943–1958», «Дневник» и «Последний дневник». Общий поэтический багаж Иванова насчитывает более пятисот замечательных, пронизанных искренним чувством страдающего сердца, стихов. Поэтому не случайно, что русское зарубежье после кончины Иванова признало его своим первым поэтом, хотя рядом с ним в это же время творили Бунин, Мережковский, Гиппиус и Цветаева.

По словам крупного литературного критика Георгия Адамовича, Иванов «пришёл в мир, чтобы писать стихи» и он действительно писал их до своего смертного часа. Эти стихи вошли в его последний поэтический сборник «Посмертный дневник». Умирая в тяжёлых страданиях, помнил о России и, обращаясь к ней, обещал вернуться к её народу своим поэтическим творчеством:

В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи, а я
Кончаю земное хождение по мукам.
Хождение по мукам, что видел во сне –
С изгнаньем, любовью к тебе и грехами.

Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами.

Путь возвращения творческого наследия Георгия Иванова на Родину оказался очень непростым и долгим. Первая полноценная книга эмигрантских стихотворений поэта была издана в Советском Союзе лишь в 1989 году. Она сразу же нашла своих благодарных читателей, которые безошибочно разглядели в её авторе большого, исключительно талантливого поэта. Отныне он с нами. С нами и творчество его жены Ирины Одоевцевой (Ириады Густавовны Гейните), поэтессы, с которой он познакомился в годы участия в деятельности гумилёвского «Цеха поэтов». С ней он прожил до конца своих дней, ею и похоронен на кладбище городка Йер под Парижем.

После смерти мужа Ирина Одоевцева проживала во Франции еще 29 лет. В 1987 году при содействии корреспондента газеты «Известия» Анны Колоницкой и сотрудников посольства СССР в Париже получила разрешение вернуться на Родину. Поселилась в Ленинграде, где опубликовала свои стихи и написала две книги воспоминаний о дозаграничном и заграничном периодах жизни с Георгием Ивановым: «На берегах Невы» и «На берегах Сены». Эти книги до настоящего момента являются почти что единственным источником сведений о детских, юношеских и взрослых годах жизни поэта. Умерла в 1990 году в возрасте 95 лет. Похоронена на петербургском Волхонском кладбище.

Осип Мандельштам

Важное место в работе гумилёвского сообщества акмеистов занимал уже известный к этому моменту поэт и переводчик Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1939). Выходец из состоятельной еврейской купеческой семьи, он обучался два года на филологическом факультете парижской Сорбонны, а затем – на историко-филологическом факультете Пе-

тербургского университета. Полного курса обучения не закончил из-за возникших в семье материальных трудностей.

Поэзией увлекался с детства. Собственные стихи начал писать в шестнадцать лет. В августе 1910 года сумел опубликовать в петербургском журнале «Аполлон» несколько стихотворений, которые привлекли внимание ряда известных поэтов, в том числе – Александра Блока. Вскоре установил личные контакты с Вячеславом Ивановым, Иннокентием Анненским, Михаилом Кузминым и Николаем Гумилёвым. Попав под гипнотическое влияние последнего, вступил в члены возглавляемого им клуба «Цех поэтов» и на последующие несколько лет заразился идеями акмеизма. С помощью Гумилёва в апреле 1913 года издал свой первый поэтический сборник «Камень». Сборник был выпущен издательством «Акме» тиражом в 300 экземпляров. Он включил в себя всего 23 стихотворения. В последующем данный сборник, дополненный новыми стихами, переиздавался ещё несколько раз, в том числе и в советское время при участии «Госиздата», что свидетельствовало о полном благополучии поэта и его органичной вписанности в культурную жизнь Советской России.

К 1921 году творчество Мандельштама вышло за рамки теоретических постулатов акмеизма. Перед ним встал вопрос о качестве поэтической речи, её формах и целях. Изучая эту проблему, Осип Эмильевич пришёл к выводу, что все существующие в России модернистские школы, в том числе и акмеизм, не способны гармонизировать речь поэта настолько, чтобы она отвечала задачам нового времени. Это, по его мнению, могли сделать только испытанный временем классицизм и устоявшиеся приёмы традиционного русского стихосложения. Данную мысль поэт обосновал в небольшой по объёму, но ёмкой по содержанию, статье «Слово и культура». Отныне для Мандельштама выводы этой статьи стали руководством к действию. Он начал больше писать о реальных проблемах страны, о людях труда, их чаяниях и заботах. Всё это способствовало подъёму его творческого авторитета.

Так продолжалось до ноября 1933 года, когда поэтом, по свойственному ему легкомыслию, была написана злая эпиграмма на руководителя страны И.В. Сталина. Эта эпиграмма звучала следующим образом:

Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полповоротца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазища,
И сияют его голенища.

Далее в эпиграмме звучала насмешка в адрес ближайшего окружения Сталина, которое было названо «сбродом тонкошеих вождей». Возможно, что подобные эпиграммы на руководителей государства писали и некоторые другие поэты, но учитывая складывающуюся к этому моменту в стране обстановку, прятали их подальше от посторонних глаз. Тщеславный Мандельштам поступил иначе. Он пригласил на прослушивание своего творения до десятка, как ему казалось, близких людей. Среди них оказался осведомитель органов госбезопасности. На основании его показаний поэта арестовали, но вскоре отпустили. Вторичный арест последовал в 1935 году. На этот раз Мандельштам был выслан в Воронеж. В период между арестами его стихи и книги перестали печатать. Эта ситуация привела ранее успешного поэта в полное отчаяние. Поэтому, после возвращения из Воронежа в Москву, он предпринял массу усилий, чтобы восстановить свои утраченные писательские позиции. С этой целью направлял многочисленные письма в адрес крупных чиновников советской культуры. В них заявлял о своей готовности жить и работать в интересах Советской Родины. Отныне, подаваемые в редакции газет и журналов новые стихи Мандельштама содержали уже совсем иное его отношение к советской действительности. Сталин в стихот-

ворении 1937 года «Если бы меня наши враги взяли» уже выступал не как «злой горец с тараканьими глазами», а как «будитель разума и жизни на нетленной земле».

Настойчивые письменные обещания Мандельштама верно служить большевизму и систематические жалобы на бедственное материальное положение из-за невозможности печатания новых трудов наконец возымели действие. В апреле 1938 года ему и его жене был предоставлен двухмесячный отпуск в подмосковный пансионат «Саматиха». Окрылённый этим событием, Мандельштам уверовал в предстоящее полное возвращение в большую литературу. Этой надежде, однако, не суждено было сбыться. В мае 1938 года он был арестован в третий раз. Последующие три месяца содержался в Бутырской тюрьме. Затем был направлен в пересыльный лагерь в район Второй речки Владивостока. Здесь, испытывая непривычные для себя ограничения в свободе, впал в депрессию, а затем – в умопомешательство. Оно проявлялось в аномальном поведении и постоянном ощущении чувства голода. В этом состоянии начал красть пищу у своих сокамерников. Пробыв в пересыльном лагере полтора месяца, 27 декабря 1938 года неожиданно скончался. В доступной для нас литературе называются три возможные причины его смерти: убит озлобленными сокамерниками, умер от сердечного приступа, стал жертвой сыпного тифа. Последний вариант наиболее распространён и считается наиболее правдоподобным. Похоронен в общей могиле на городском кладбище в районе Второй речки Владивостока. Точное место захоронения неизвестно.

История с антисталинской эпиграммой породила миф о героическом противостоянии Мандельштама террору большевизма. На самом деле он по своей натуре никогда не был и не мог быть активным бойцом. Как подтверждают многие хорошо знавшие его люди, он был личностью хрупкой и робкой, не способной на подлинную, требующую личных жертв, борьбу. Эти же люди всегда выделяли в нём две сущности: сильного поэта и слабого человека. Бескомпромиссная Марина Цветаева, очень хорошо изучившая

Мандельштама в процессе длительного общения с ним, в конечном итоге назвала его «политическим приспособленцем», способным ради личного благополучия предать любую власть. В одной из своих статей она предупреждала советских руководителей о ненадёжности избранного ими в попутчики Осипа Мандельштама.

С гибелью поэта всё его творческое наследие было изъято из общественного пользования и не переиздавалось до первой половины 1960-х годов. В 1964–1966 годах серия стихов Мандельштама была опубликована в нескольких литературных журналах. В 1967 году издательством «Искусство» на свой страх и риск была выпущена книга Мандельштама «Разговор о Данте». Полный запрет на печатание его работ был снят лишь в 1973 году. Теперь все эти работы опубликованы и находятся в полном распоряжении российского читателя.

Футуризм

Как упоминалось ранее, помимо акмеистов в рамках Серебряного века русской поэзии прославили своё имя поэты и других поэтических течений, прежде всего футуризма и имажинизма. Понятие «футуризм» проистекает от латинского слова «futurum», что означает «будущее». В отличие от футуризма, его разновидность «эгофуризм» возведён своими поклонниками на более высокое место и наделён свойствами «радикальности, всепроникновенности и вселенской масштабности».

К обычным футуристам относилось большинство поэтов этого нового поэтического течения. К ним принято причислять прежде всего Владимира Маяковского и его друзей Виктора Хлебникова и Василия Каменского. Главной целью своего творчества эти поэты считали пересмотр основ существующего поэтического языка; обновление его форм, ритмов и устоявшихся звуковых образов; употребление вновь изобретённых слов и речевых конструкций; отмену

привычной письменной графики; использование нестандартных приёмов пунктуации и даже применение новых пунктуационных знаков. Подобную цель преследовали и эгофутуристы, в том числе наиболее известный из них – Игорь Северянин (Лотарёв), который ещё в 1922 году назвал себя в одном из своих стихотворений «вселенским поэтом».

Достижение заявленных футуристами и эгофутуристами целей потребовало низвержения всех старых поэтических школ, прежде всего классицизма, а затем и символизма. С борьбы с ними и началась активная деятельность представителей этого нового поэтического течения. Сам Маяковский признавался в том, что в начале своего творческого пути на бурных собраниях своих собратьев по перу часто выкрикивал лозунг: «Долой Шекспира!». То же самое из уст его ближайших соратников звучало и в адрес первого поэта России Александра Сергеевича Пушкина.

К счастью, случилось так, что стремление футуристов изменить основы мировой и отечественной поэзии совпало с теорией и практикой большевиков революционным образом преобразить мир и построить на земле новое общество социализма и коммунизма. Данная теория и данные планы заставили наиболее талантливых представителей футуризма оставить бессмысленную борьбу со своими литературными противниками и включиться в процесс более высокого порядка, – в мировой революционный процесс. К числу таких поэтов из числа чистых футуристов принадлежал прежде всего Владимир Маяковский. Ведущий эгофутурист Игорь Северянин Октябрьскую революцию воспринял с настороженностью, но своим творчеством не осуждал её. В период с 1918 по 1920 год он свободно разъезжал по городам Советской России с поэтическими концертами и пользовался широкой поддержкой руководителей советской культуры. В 1921 году, в связи с Гражданской войной, перебрался из Центральной России в эстонский посёлок Тойла, на берег Балтийского моря. Вскоре случилось, однако, так, что Эстония, по условиям Брест-Литовского мирного договора с Германией, получила государственную

самостоятельность, и Северянин оказался в эмиграции. Это серьёзно осложнило творческую деятельность поэта. Но и здесь активным антисоветчиком он не стал.

Владимир Маяковский

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930), в отличие от политически нейтрального Северянина, к 1917 году уже был профессиональным революционером, так как с пятнадцати лет являлся членом РСДРП, вёл антиправительственную агитационную работу среди рабочих московских промышленных предприятий и подвергался арестам. Испытывая с юношеских лет тягу к литературной деятельности, уже на этом этапе самостоятельно изучил всю классическую западноевропейскую и отечественную поэзию, а также работы современников-символистов Брюсова, Анненского и Андрея Белого. С 1915 года начал публиковать собственные стихи. С победой Октябрьской революции своей искромётный талант поставил на службу Советской власти. Выступал как народный трибун, революционный поэт, драматург и художник-агитатор.

Творчество Маяковского было поддержано руководителями советской культуры – Анатолием Луначарским и Максимом Горьким. По заданию партии в годы Гражданской войны, как профессиональный художник (в молодости закончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества), организовал выпуск плакатной продукции, которая рисунком и сатирическим словом разоблачала белое добровольческое движение и пропагандировала победы Красной Армии. После Гражданской войны, с одобрения партийного руководства страны, объездил всю европейскую часть России с пропагандой достижений советской культуры.

В 1928–1930 годах с этой же целью несколько раз побывал за границей. Посетил США, Германию, Испанию, Польшу, Кубу, Францию и Мексику. Всюду выступал с

лекциями и чтением своих стихов. Придерживался особого поэтического стиля. Большинство его стихов имеют рубленную ступенчатую структуру и включают в себя массу новоизобретённых слов. Эти слова и формируемые из них строки перед глазами читателя движутся в маршевом ритмическом строе, влекут его за собой. Этому стилю Маяковский никогда не изменял и оставался до конца своей жизни истинным футуристом. В своём творчестве был уникален и потому неповторим. Именно по этой причине все попытки других поэтов использовать в своей работе его поэтический стиль до сих пор не увенчались успехом. Маяковский, как стилист и употребитель самоизобретённого поэтического языка, остался одинок и прямых последователей не имел.

Его особенностью является также то, что, будучи успешным поэтом, он был крайне неуспешен в личной жизни. Его союз с супругами Осипом и Лилей Брик был тягостным для него, но вырваться из его оков он не мог. Попытки найти счастье с другими женщинами также были безуспешными. После ссоры с одной из них – актрисой МХАТ Вероникой Полонской – поэт 14 апреля 1930 года в собственной квартире по адресу: Москва, Лубянский проезд, дом №3/6 выстрелом из пистолета покончил с собой. Его самоубийство вызвало законные подозрения у многих деятелей советской культуры. Особенно они были велики в заграничной эмигрантской среде. Поползли слухи о том, что Маяковский покончил с собой, разочаровавшись, как ранее Блок и Брюсов, в советской действительности. Для существования таких толков имелись определённые основания.

Вследствие обострения в 1930-х годах борьбы с троцкизмом, в стране усилился контроль за деятельностью различных слоёв населения, прежде всего – за деятельностью научной и творческой интеллигенции. Усиление такого контроля Маяковский ощутил на себе. В 1929–1930 годах появлялась критика в адрес ряда его произведений, усилился цензурный досмотр, последовали ограничения в свободе общения с зарубежным читателем, возникли трудности с получением визы для поездок за рубеж. По свидетельству

Лили Брик, в этот период Маяковский стал уверять себя в том, что причиной охлаждения к нему руководства страны стала утрата им прежних творческих возможностей. Он стал панически опасаться старости, приходил в отчаяние и несколько раз заявлял о желании добровольно уйти из жизни.

В эмигрантской среде особо остро отреагировала на смерть поэта его давняя знакомая Марина Ивановна Цветаева. Она увидела причину добровольного ухода Маяковского из жизни в накопившейся усталости двух его сущностных ипостасей – поэта и человека. Первый по инерции продолжал всеми силами служить Советской власти, второй отдавал себе отчёт в том, что эта власть в ряде случаев действует неоправданно жестоко. Резюмируя эту ситуацию, Цветаева в статье «Искусство при свете совести», объяснила её следующим образом: «Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил».

Позднее в статье «Эпос и лирика современной России» она усилила этот вывод словами: «уложил себя как врага, как гражданина». Данное суждение Цветаевой свидетельствует о том, что она считала причиной гибели Маяковского острое внутреннее противоречие незыблемых установок революционного поэта и усиливающихся сомнений мыслящего человека. Революционный поэт не изменил своим принципам и устранил с дороги человека, который мешал ему эти принципы соблюдать. «Кончил, – как сказала Цветаева, – сильнее, чем лирическим стихотворением – лирическим выстрелом». Как видим, версию самоубийства Маяковского из-за женщины, к тому же женщины замужней, поэтесса даже не рассматривала. Маяковский, по её мнению, не мог поступить иначе поэтому, что до конца своих дней оставался верен своей юношеской революционной мечте.

Вне зависимости от отношения к творчеству поэта различных групп современных читателей, Маяковский был и навсегда останется великим поэтом России. Поэтом, который был представителем своего очень непростого времени;

поэтом, который воспел это время так, как ему диктовала его совесть. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Московское правительство установило над его могилой величественный памятник из благородного розового гранита. У подножия памятника всегда лежат живые цветы.

Игорь Северянин (Лотарёв)

С уходом из жизни Владимира Маяковского творческая деятельность Игоря Васильевича Северянина (1887–1941) продолжилась. Провозгласив ещё в 1911 году совместно со своими друзьями Шершеневичем и Кручёных создание школы эгофутуризма, Северянин, однако, очень скоро вышел из неё и начал действовать самостоятельно. В 1913 году издал свой первый поэтический сборник «Громокипящий кубок», который получил высокую оценку Фёдора Сологуба, Александра Блока и Валерия Брюсова. За последующие шесть лет выпустил ещё пять полноценных сборников, которые до 1918 года считались самыми востребованными в России. Характерно, что своим успехом Северянин был обязан только самому себе. Он никогда не пользовался поддержкой даже сочувствующих ему поэтов. С Блоком, Бальмонтом и Белым в течение всей своей жизни не имел личных контактов. Краткое общение с Николаем Гумилёвым и членами его клуба «Цех поэтов» Анной Ахматовой и Георгием Ивановым прервалось, не успев развиться до дружеского. То же относится к Маяковскому и Ходасевичу.

Будучи человеком чрезвычайно активным и оригинальным, Игорь Северянин покорял читательскую и слушательскую среду не только публикацией новых книг, но и бурной концертной деятельностью. В период с 1914 по 1918 год он с такими концертами (поэзоконцертами) объездил всю европейскую часть России. Успех подобной деятельности был огромен. Выступая в феврале 1918 года в зале Политехнического музея в Москве, в ходе одного из таких концертов от благодарной публики получил звание «короля русской

поэзии», что позволило ему в одном из своих стихотворений тут же заявить: «Я, гений Игорь Северянин, своей победой упоён».

Почитателей таланта Северянина влекли к себе не только искромётность его стихов, но и манера авторского чтения. По свидетельству очевидцев, он свои стихи не декларировал, а искусно полупел, что вызывало бурный восторг слушательской аудитории. Помимо этого, слушатели были заворожены множеством используемых поэтом новых, лично им изобретённых слов и выражений. Всё это было необычным и потому особо привлекательным. Благодаря этому, слава Игоря Северянина продолжала расти, что давало ему возможность гордиться своими поэтическими произведениями, называя их «поэзами» и «грезофарсами».

Перебравшись в Эстонию и невольно оказавшись на двадцать один год в эмиграции, поэт продолжил поддерживать свой писательский авторитет как выпуском новых книг, так и интенсивной поэзоконцертной деятельностью. В эти годы он выпустил ещё одиннадцать поэтических сборников и провёл около ста сорока концертов в Эстонии, Польше, Югославии, Латвии, Болгарии, Румынии, Франции и Германии. К сожалению, эти концерты уже не были столь успешными, как в прежние годы. Только во Франции, выступая в эмигрантской русской среде, Северянин был вновь триумфатором и получил за свои выступления достойный гонорар.

Перед Великой Отечественной войной Игорь Васильевич всё чаще и всё с большей болью начал задумываться о России, всей душой стремился вернуться на Родину. Этого, однако, сделать не сумел, хотя почти в приказном порядке в одном из своих стихотворений писал: «Вернись домой: не дело для поэта годами жить без родины своей». Наступил период переоценки прожитой жизни. Северянин начал рассуждать об истории своей страны, многое в этой истории осудил. Не принял Гражданскую войну, которая стала причиной гибели миллионов русских людей. По этому поводу писал:

Зачем православные Бога забыли,
Зачем шли на брата, рубя и разя?
И скажут они: «Мы обмануты были,
Мы верили в то, во что верить нельзя».

И всё-таки поэту на короткий срок удалось вернуться в Россию, но теперь уже вместе с Эстонией, которая в 1940 году вошла в состав СССР. В это время Северянин уже полностью отбросил эгофутуристические эксперименты и писал свои немногочисленные стихи в традиционной для русской поэзии классической манере. Ему была представлена возможность свободно издавать свои стихотворения и статьи в ряде печатных органах страны, в частности – в популярном журнале «Огонёк». За свои публикации он из Москвы получал регулярные и довольно высокие гонорары. К сожалению, в Советской Эстонии поэт прожил всего около года, так как в 1941 году она была оккупирована немецкими войсками. Северянин тогда уже тяжело болел, но продолжал твёрдо верить, что будет свидетелем победы СССР над фашистской Германией. Этого не случилось, так как 20 декабря 1941 года, в период сражений Красной Армии с частями германского вермахта под Москвой, он скончался на руках любящей его жены Веры Борисовны Коренди в захваченном фашистами Таллине. Похоронен здесь же на главном городском кладбище.

Печатание книг Игоря Северянина не прерывалось в нашей стране на всём протяжении его творческой деятельности. Наш читатель продолжает любить его особый, очень яркий поэтический талант. К сожалению, ввиду особых свойств этого таланта, Игорь Северянин, как и Владимир Маяковский, прямых литературных наследников не имел. Понимая это, в конце своей жизни отметил:

Наследника мне нет. Его я не оставил
Ни блеску строк, ни лире золотой.
Я молнией мелькнул, при жизни не прославил
Я имени: оно – потомкам звук пустой.

Данный вывод, конечно же, не соответствует реальной действительности. Имя поэта не забыто. Его поэтические произведения не только активно читаются, но и продолжают побуждать многих молодых стихотворцев следовать его энергичной творческой напористости, активности и бесконечной любви к поэзии.

Имажинизм

Понятие «имажинизм» имеет французское происхождение и переводится на русский язык словом «образность». Такое название данное поэтическое течение получило потому, что входящие в него поэты наполняли свои стихотворения изощрёнными, чувственными, эротически окрашенными эпитетами, метафорами и иными яркими качественно-оценочными характеристиками и образами.

В Россию имажинизм проник из Англии в 1917–1918 годах, сразу же после победы Октябрьской социалистической революции. В него вошли уже известные к этому моменту поэты Шершеневич, Клюев, Грузинов, Старцев и Кусиков. Возглавил группу экстравагантный, волевой, внешне очень привлекательный поэт и публицист Анатолий Мариенгоф.

С самого своего зарождения, данная группа поэтов стала обслуживать духовные запросы всё ещё действующих в России слоёв городской торгово-купеческой и фабрично-промышленной буржуазии, а также, существенно развившегося за время столыпинских реформ, деревенского кулачества. Рост численности этих слоёв стал особенно заметен с провозглашением и введением в практику весной 1921 года ленинской новой экономической политики (НЭП).

С этого момента представители данных слоёв получили возможность получать огромные материальные доходы, которые тратили не только на развитие своего дела, но и на поддержание идеологически близких им видов искусства, в том числе – литературного. Это прямо коснулось имажинизма, который при финансовой помощи состоятельных

нэпманов получил ощутимый толчок к своему развитию. К этому времени в составе группы имажинистов уже в течение года активно работал талантливый молодой рязанский поэт Сергей Есенин.

Сергей Есенин

Сергей Александрович Есенин родился 4 октября 1895 года в селе Константинове, Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости в семье крестьянина Александра Никитовича и его жены Татьяны Фёдоровны Есениных. На третий день жизни новорождённый был крещён в местном храме Казанской иконы Божией Матери. Имя получил в честь великого русского святого Сергия Радонежского, память о котором отмечается Русской Православной церковью 8 октября.

В два года «по бедности отца и многочисленности семейства», был отдан на воспитание в семью деда по материнской линии Фёдора Андреевича Титова, местного баржевладельца, состоятельного и глубоко религиозного человека. Под его влиянием маленький Серёжа проникся уважением к русской православной вере и, став поэтом, на протяжении всей своей творческой жизни пользовался словами и выражениями церковного катехизиса, то есть краткого текста христианского вероучения в вопросах и ответах. Делал это охотно и всегда очень умело.

К моменту поступления в местную сельскую школу шестилетний Серёжа был возвращён в семью родителей. Обучение в школе осуществлялось по стандартной программе. Особое место отводилось «Закону божьему» и ряду общеобразовательных дисциплин, в числе которых были грамматика и русская литература. Именно эти два предмета привлекли особое внимание юного ученика, что было замечено преподавателем «Закона божьего» протоиреем Иваном Смирновым. Он дал совет Сергею более углубленно изучить работы русских писателей и поэтов. Следуя

этому совету, старательный ученик уже через полгода отлично знал творчество Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Языкова, и под их влиянием в девять лет начал сочинять собственные стихи. Ознакомившись с ними, протоирей Смирнов назвал их «лёгкими и хорошо написанными». Получив такую лестную оценку, Серёжа уже никогда не бросал начатого им поэтического дела.

В 1909 году курс сельской школы был успешно завершён и осенью этого же года начинающий поэт поступил в Спас-Клепиковскую церковно-учительскую школу, которая, как среднее учебное заведение, давала серьёзное педагогическое образование, позволяющее его выпускникам заниматься преподавательской деятельностью во всех начальных школах России.

Обучаясь в Клепиковской школе, Сергей продолжил писать стихи, в чём был поддержан преподавателем пения Евгением Михайловичем Хитровым. Именно он обучил Есенина редактированию и тщательной проработке текстов стихотворений. Он же настоятельно рекомендовал ему продолжить и развивать своё стихотворчество «вне зависимости от обстоятельств будущей жизни».

Спас-Клепиковскую церковно-учительскую школу Сергей Есенин окончил с «весьма хорошими показателями» и получил звание «учитель грамоты», то есть учителя русского языка. Однако воспользоваться полученной специальностью не смог, так как его отец настоял на переезде сына в Москву, где он сам уже несколько лет трудился помощником приказчика в доходной торговой лавке купца Крылова. Действия Александра Никитовича объяснялись стремлением обеспечить Сергею возможность продолжить учёбу в Московском учительском институте, который давал высшее педагогическое образование.

Этому замыслу, однако, не суждено было осуществиться ввиду того, что к этому времени Есенин уже не мыслил себя вне литературного дела. Поэтому, несмотря на противодействие отца, сделал всё возможное, чтобы приблизить себя к книжно-издательской деятельности: сначала устро-

ился продавцом в книжный магазин, затем – помощником корректора – в престижную московскую типографию печатника Сытина.

В 1915 году, преодолев юношескую застенчивость, решился представить накопившиеся за прошлые годы стихотворения кому-либо из известных столичных поэтов. С этой целью, воспользовавшись отпуском, отправился в Петроград, где встретился с Александром Блоком. К изумлению Сергея, тот принял его тепло и доброжелательно. Прочитав есенинские стихи, назвал их «свежими и голосистыми». Посоветовал обратиться к поэтам Дмитрию Мережковскому и Зинаиде Гиппиус, принимающими в печать стихотворения ранее неизвестных авторов на религиозную и деревенскую темы.

Поскольку стихи молодого рязанского поэта отражали именно эти жизненные вопросы, Мережковский и Гиппиус содействовали их публикации в собственном литературном журнале, а затем – и в других известных столичных журналах. Они же ввели Есенина в столичные литературные салоны. Здесь он познакомился с Андреем Белым и Николаем Клюевым, а через него – с Анатолием Мариенгофом. Под влиянием последнего примкнул к возглавляемой им группе имажинистов.

Благодаря своему искромётному таланту, быстро завоевал широкую известность, стал получать хорошие гонорары* и существенно обогатился. За это был особо благодарен деловому, энергичному, нацеленному на хороший литературный заработок Мариенгофу и потому, по свидетельству ряда очевидцев, в последующем, на протяжении длительного времени одаривал его предметами дорогой одежды и модной обуви, покупаемые за свой счёт.

* Дебютной публикацией Сергея Есенина стало стихотворение «Берёза» в первом номере детского журнала «Мирок» за 1914 год. Гонорар составил 2 рубля 40 копеек (16 строчек по 15 копеек каждая) – цена хороших летних ботинок или одного сытного обеда в ресторане.

Сотрудничество Есенина с имажинистами продолжалось около трёх с половиной лет. В августе 1923 года он осознал, что его собратья по перу используют провозглашённую ими образность не для высоких целей поэзии, а для украшения ею своих модных, но мёртвых по содержанию стихотворений. Именно в этот момент он решительно порвал с имажинизмом, заявив в одной из своих критических статей, что его бывшие попутчики не имеют чувства Родины, а увлечены словесным красноречием ради самого этого красноречия, которое он сравнил с «шутовским кривлянием».

Имажинизм просуществовал после этого всего лишь один год. В 1924 году он попал под жёсткую критику представителей зарождающегося Социалистического реализма, в частности – Брюсова и Маяковского. В этом же году была прекращена деятельность НЭП. Финансовая поддержка имажинизма со стороны нэпманского сообщества книгоиздателей и книготорговцев значительно сократилась. Это сказалось на моральном и материальном состоянии имажинистов, и они вскоре разошлись. Каждый из них пошёл своим индивидуальным путём. Сергей же Есенин, поддержанный руководителями советской культуры, полностью посвятил своё искромётное творчество проблемам бесконечно любимой им России.

Именно на этом этапе, его стихи приобрели черты высочайшей поэтической зрелости. Это позволило ему в январе 1925 года, на закате неожиданно оборвавшейся жизни, создать эпохальную по своей значимости поэму «Анна Снегина», в которой показана судьба всех сословий русского народа в один из самых критических моментов его трудной истории. В ней фигурируют представители исчезающего дворянства, революционная крестьянская вольница, деятели новой советской власти и идущая за ними полупролетарская молодёжь. И всё это дано в динамике живого действия, талантливо и абсолютно правдиво. С точки зрения исторической значимости данная поэма может быть смело сравнена с пушкинской поэмой «Евге-

ний Онегин», хотя в последней показана жизнь в основном лишь одного российского сословия – дворянства.

Всё творчество Сергея Есенина указывает на то, что он, как поэт, был подлинно велик и подлинно гениален. Об этом в отечественной мемуаристике и специальных исследованиях сказано очень и очень много. Вместе с тем, судьба этого уникального человека, покрытая тайной насильственной смерти, остаётся для многих из нас не до конца ясной. Не до конца ясны и мотивы Есенина на протяжении нескольких лет вести демонстративно-разгульный образ жизни, сопровождающийся пьянством, скандалами и публичными драками. Некоторые биографы поэта считают, что он делал это специально, используя маску «юродствующей личности», которой на Руси позволено было критиковать действующую власть. В пьяном или нарочито пьяном виде Есенин, по свидетельству окружающих его людей, мог выкрикивать: «Бей коммунистов, спасай Россию!»; называть труды Маркса «скукой, ерундой и мутью»; писать в стихах, что «Ленин ему не икона». И всё это молчаливо прощалось поэту с учётом его огромной популярности не только в России, но и за рубежом.

А пьянки, драки и дебоши действительно были. Об этом оставили свои воспоминания близкие Есенину люди: Владимир Маяковский, Владислав Ходасевич, Андрей Белый и Николай Клюев, а также жёны – Зинаида Райх и Софья Толстая-Есенина. Именно за дебоши с руганью и драками на Есенина в разное время было заведено тринадцать следственных дел. Последнее из них оказалось для него роковым, так как было взято на контроль следственным отделом московского ОГПУ.

Случилось так, что при возвращении поездом осенью 1925 года с женой Софьей Толстой из творческой поездки на Кавказ Есенин в дверях вагона-ресторана поссорился с советским дипкурьером Альфредом Рога. По свидетельству последнего, поэт не только оскорбил его бранной речью, но и ударил по лицу. На основании жалобы Рога в Московскую прокуратуру на Есенина было заведено следственное,

а затем и судебное дело. Ситуация приобрела крайне опасный характер, и поэт решил временно уехать из Москвы в Ленинград и далее через одну из прибалтийских стран – в Англию. Об этом намерении в полузавуалированной форме он сообщил в письме редактору газеты «Бакинский рабочий» Петру Чагину, который только что опубликовал в Баку цикл замечательных есенинских стихов «Персидские мотивы»; своему другу и секретарю Галине Бениславской, а также – жене Софье Толстой, посоветовав ей перевести занимаемую ими московскую квартиру в доме №3 по Троицкому переулку на себя, чтобы меньше за неё платить.

В Ленинграде Есенин собирался посетить ряд издательств, которые обещали ему участие в выпуске трёхтомного собрания сочинений, о котором он давно мечтал. Этим планам, однако, не дано было осуществиться. По прибытии в Ленинград Есенин был арестован и доставлен в следственный изолятор местного ОГПУ. Арест проводили ленинградские чекисты, а следствие вёл испытанный приспешник бывшего председателя Реввоенсовета Советской Республики Льва Троицкого, известный террорист Яков Блюмкин.

Троцкий был сторонником и активным пропагандистом идеи перманентной всемирной революции. Для продвижения этой идеи в жизнь он стремился привлечь на свою сторону известных в стране писателей, поэтов и журналистов. Летом 1924 года он попытался вовлечь в этот процесс и Сергея Есенина. Однако в ходе состоявшегося разговора Есенин был непреклонен и дал понять, что его перо будет служить только России и только её народу и ни в каких всемирных революциях участвовать не станет.

Раздражённый и раздосадованный Троцкий бросил в адрес несговорчивого собеседника оскорбительную фразу: «Жалкий вы человек, националист». Последовал ответ: «И вы националист». Правда, уточнений относительно того националистом какого народа тот является не последовало. Этого, однако, было достаточно, чтобы с этого момента Есенин стал остро ненавидим Троцким. Поэтому появление московской следственной группы ОГПУ во гла-

ве с Яковым Блюмкиным в Ленинграде для ведения дела Есенина было не случайным. В ходе состоявшегося допроса, сопровождающегося угрозами, издевательствами и побоями, поэт, видимо, пытался сопротивляться. В результате возникла драка, в ходе которой он был серьёзно изувечен. Ему был выбит левый глаз, повреждена правая рука, нанесено множество телесных повреждений и рукояткой револьвера проломлен череп в районе правого надбровья. Изувеченное, всё ещё живое тело Есенина истязатели перетащили подземным переходом, связывающим изолятор с гостиницей «Англетер», в пустующую комнату № 5 и здесь инсценировали самоубийство поэта. Сделать это было относительно просто, так как гостиница находилась под контролем ленинградского ОГПУ и её номерами активно пользовались работники этого контрразведывательного органа.

Стены комнаты № 5 были высотой около трёх метров. Для повешения на отопительной трубе, которая проходила под потолком, изуродованному и находившемуся без сознания поэту нужно было придвинуть к стене тяжёлый письменный стол, установить на него стул, взобраться на это возвышение и привязать себя к трубе. При этом сделать это так, чтобы отсутствовала петля, а на шее были бы намотаны без фиксирующего узла три оборота верёвки. В таком состоянии он якобы и был обнаружен соседями по гостинице в предутренние часы 28 декабря 1925 года. Прибывшая на место происшествия следственно-медицинская комиссия заключила, что Есенин погиб от удушения либо петлёй верёвки, либо руками убийц, либо – вспомогательными предметами – галстуком или поясным ремнём. Заключение комиссии свидетельствовало о том, что поэт стал жертвой насильственной смерти. Однако, чуть позже, повторная комиссия уже не настаивала на этом выводе и поэт в официальных документах был признан самоубийцей.

29 декабря 1925 года тело покойного в товарном вагоне было переправлено из Ленинграда в Москву. 30 декабря при большом скоплении народа оно было захоронено

на Ваганьковском кладбище. Среди провожающих было много друзей поэта, а также его ближайшие родственники: мать Татьяна Фёдоровна, сёстры Александра и Екатерина, жена Софья Толстая-Есенина. Каких-либо крупных чиновников от Советского правительства и Народного комиссариата просвещения замечено не было. После гибели поэта почти десять лет действовал запрет на публикацию его книг. Несмотря на это, народная любовь к Есенину не угасала никогда. Его стихи переписывались от руки и в таком виде продолжали жить всегда. На многие из них уже тогда и в последующие годы создавались прекрасные, трогательные души песни и романсы. Все они любимы нашим народом и по сей день.

Вместе с тем, тайна смерти поэта остаётся не раскрытой до сих пор. Её главный исполнитель – террорист Яков Блюмкин пережил свою жертву всего на четыре года. В ноябре 1929 года он по личному указанию И. В. Сталина был расстрелян за поддержание конспиративных связей с изгнанным из Советской России Львом Троцким. Следственное дело Блюмкина хранится в секретных архивах бывшего КГБ СССР, но по сей день остаётся недоступным для исследователей причин и обстоятельств гибели Есенина. И это при том, что данное дело не может не содержать ответов на поднимаемые данными исследователями вопросы.

Скорее всего, Блюмкин и его подручные убили поэта в пылу излишней горячности. При этом Троцкий, если и давал им какие-либо указания насчёт Есенина, то они могли ограничиваться только мерами запугивания и психологического слома непокорного поэта. В планировании убийства Есенина он вряд ли принимал личное участие, так как это могло отрицательно сказаться на его политическом, к тому времени сильно пошатнувшемся, авторитете. Но на смерть поэта Троцкий всё-таки откликнулся. В январе 1926 года в краткой заметке в газете «Правда» он заявил: «Поэт погиб потому, что был несроден революции». О личных неприязненных чувствах к Есенину идеолог перманентной всемирной революции предпочёл не сказать ничего.

Однако, очевидно, что здоровый русский национализм поэта и его бесконечную любовь к Родине гражданин мира Троцкий не мог спокойно перенести и потому косвенно явился причиной его ранней трагической гибели.

Источником подлинных сведений об обстоятельствах смерти Есенина, помимо материалов следственного дела Блюмкина, могли бы стать останки самого поэта, которые хранят на себе следы совершённого над ним насилия. Их можно установить в ходе официально проведённой эксгумации. Но на её проведение вот уже почти сто лет разрешения не дадут. Почему? – точно не знает никто. Тем не менее, поиск истины продолжается и он рано или поздно даст ответы на все нераскрытые до сего момента вопросы.

Сергей Есенин, как поэт, был творчески очень плодovit и за свою короткую жизнь сумел написать около пятисот ярких, трогающих душу читателя стихотворений. Помимо этого им написано семь интереснейших поэм: «Песнь о Еватии Коловрате», «Марфа Посадница», «Ленин», «Песнь о великом походе», «Поэма о 36», «Анна Снегина» и «Чёрный человек». Есенин обращался и к драматургии. В этом жанре им созданы драматургические поэмы «Пугачёв» и «Страна негодяев». Он оставил нам также и прозу, в частности, статьи о целях и задачах поэтического искусства. Мы являемся обладателями и его богатейшего эпистолярного наследия. Всё это богатство ныне находится в полном распоряжении российского читателя и верно служит ему.

Имажинизм, к которому некоторое время принадлежал Сергей Есенин, был последним крупным направлением творческой деятельности поэтов Серебряного века. Но оставалась ещё группа очень значимых отечественных мастеров этого вида искусства, которые действовали самостоятельно, не входя ни в какие творческие коллективы. Тем не менее, своему поэтическому стилю они дали собственное наименование. Иван Бунин, Максимилиан Волошин, Саша Чёрный (Александр Гликберг) называли его неореализмом; Владислав Ходасевич – новым классицизмом; Марина Цветаева, судя по её суждениям об особенностях ею избранно-

го поэтического стиля, – независимым универсализмом. Рассмотрим эти особые стили более подробно.

Неореализм

Как было сказано выше, неореалистами назвали себя несколько больших русских поэтов Серебряного века, в том числе – Иван Алексеевич Бунин и Максимилиан Александрович Волошин. Оба они считали себя поэтами, объединившими в своём творчестве достижения как современных им поэтических течений, так и традиционного русского классицизма. Поэтому под неореализмом они понимали реалистичное описание окружающей их жизни традиционными и некоторыми новыми, прежде всего – символистскими, приёмами стихосложения.

Иван Бунин

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) родился в Воронеже в старинной дворянской семье, которая после оставления отцом военной службы переехала в принадлежащее ему поместье под Ельцом. Здесь Ваня Бунин получил традиционное для дворянских детей домашнее образование и в десять лет поступил в Елецкую гимназию, учебный курс которой освоил при содействии старшего брата Юлия. Им же был приобщён к литературной деятельности и начальному стихотворчеству. Под его влиянием в шестнадцать лет в петербургской газете «Родина» опубликовал несколько своих стихотворений. Читающая публика неожиданно для автора нашла их «тщательно проработанными и совершенными по изложенной в них мысли». В 1889 году девятнадцатилетний Иван Бунин переехал в Орёл, где начал сотрудничать с редакцией городской газеты «Орловский вестник». Началась его самостоятельная трудовая жизнь, так как к этому времени родительская семья распалась, и

какой-либо существенной материальной помощи от неё он уже не получал.

Работая в редакции газеты корректором, корреспондентом и театральным критиком, в 1892 году подготовил и выпустил в свет свою первую книгу «Стихотворения. 1887–1891». Книга привлекла к себе внимание орловской читающей публики. За первой книгой последовали новые стихи, которые стали охотно печатать как местные, так и многие столичные журналы. Наряду со стихами Иван Бунин начал выступать и как талантливый автор повестей и рассказов.

В 1903 году за книгу «Листопад» и переводы стихов иностранных авторов был удостоен Пушкинской премией. В 1909 году избран почётным академиком Русской Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. В этом же году за 3-й и 4-й тома Собрания сочинений вторично награждён Пушкинской премией. Признан мастером в области поэтического творчества.

Иван Бунин – литератор многоплановый. Он много писал о России и о своей Малой родине. С горечью отмечал постепенное отмирание дворянского быта и разорение старых дворянских поместий. Он же – большой мастер любовной лирики. Отношение к женщине – одна из его главных поэтических и прозаических тем. Он раскрывал её жизненно и правдиво, без какой-либо нарочитой грубости и тем более – пошлости. Все его героини духовно и физически прекрасны, взяты из самой жизни, причём жизни не всегда богатой и благополучной. Сочувственно относился к женщине-крестьянке, часто наделял её природными качествами доброты и терпения.

Осуждая русофобские настроения русских либералов, переносил душевные качества русской крестьянки на Россию:

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.
Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни вёрст брела
И для него ко дню свиданья
Последний грошик берегла.

Наряду с Пушкиным, Тютчевым и Фетом Иван Бунин предстаёт перед нами и как один из лучших певцов неповторимой по красоте русской природы. Он умел уловить каждое её проявление, каждое её дыхание, каждое её потайное движение. Вот одно из его замечательных стихотворений, посвящённых апрельскому вечеру в среднерусской, столь любимой им полосе:

Догорел апрельский светлый вечер,
По лугам холодный сумрак лёг,
Спят грачи; далёкий шум потока
В темноте таинственно заглох.
Но свежее пахнет зеленью
Молодой озябший чернозём,
И струится чище над полями
Звёздный свет в молчании ночном.

Иван Алексеевич в своей жизни много любил и много страдал. Был дважды неудачно женат, но своё счастье нашёл лишь в 1906 году, женившись на Вере Николаевне Муромцевой, с которой не расставался до конца своих дней. Она была его преданным и верным другом. Помогала в творческой работе, набирала тексты его многочисленных книг и статей, вела деловую переписку.

Октябрьскую революцию Бунин не принял и жёстко осудил её в историческом очерке «Окаянные дни». В 1920 году вместе с женой убыл пароходом из Одессы в Константинополь и далее – во Францию. Осели в Париже,

где жили почти безвыездно на протяжении тридцати трёх лет. В годы Второй мировой войны уехали из столицы Франции и временно проживали в горном посёлке Граса. Здесь, в своём доме, прятали евреев и почти каждый день отмечали по карте продвижение советских войск. С нетерпением ожидали победы СССР над фашистской Германией. После войны вновь вернулись в Париж.

За годы проживания во Франции Бунин издал десять полноценных книг стихов и прозы. В 1925 году выпустил драматическую новеллу «Митина любовь», в 1930 году – автобиографический роман «Жизнь Арсеньева», в 1943 году – сборник рассказов о любви «Тёмные аллеи». В этих работах поэт подвёл итоги своих многолетних философских рассуждений о целях и смысле человеческой жизни. Ещё в 1933 году по качеству и совокупности изданных произведений стал лауреатом Нобелевской премии.

Имел гордый и независимый характер, был резок в суждениях о людях. На этой почве имел немало недоброжелателей, в том числе и в Париже, в эмигрантской среде. К деньгам и личному богатству относился как к временно-му и ненадёжному средству. Поэтому значительную часть Нобелевской премии раздал, в том числе и малознакомым, но настойчивым просителям. Оставшуюся часть употребил на издание своих книг.

Проживая за границей, постоянно тосковал по Родине. В разговорах с друзьями многократно заявлял: «Хочу домой». Хотел вернуться, но так и не решился, хотя со стороны советского правительства приглашения на возвращение поступали неоднократно. Первая попытка вернуть имя и творческое наследие Бунина российскому читателю была предпринята в 1950 году. Одно из калужских издательств напечатало серию рассказов писателя. Но все они были тут же изъяты из продажи. Директор издательства был отстранён от работы, а главный редактор получил выговор. Реабилитация великого поэта произошла лишь в семидесятые годы XX столетия. С этого момента его книги стали выходить в СССР огромными тиражами. Успех

творчества Бунина в отечественной читательской среде был огромен.

К сожалению, своего триумфа на Родине Иван Алексеевич при жизни так и не дождался. В начале пятидесятых он начал ощущать значительный упадок сил, но продолжал постоянно работать над своими многочисленными рукописями. Одна из них так и осталась лежать после смерти поэта на его рабочем столе. Он умер 8 ноября 1953 года в своём доме на руках любящей жены. Похоронен на знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. В Москве в 1990-е годы, в сквере на пересечении улицы Поварская с Борисоглебским переулком, Бунину был установлен замечательный бронзовый памятник. Поэт изображён во весь рост с гордо поднятой головой, спокойно смотрящим на шумную жизнь российской столицы.

Своеобразным памятником великому писателю стала также начавшаяся экранизация ряда его литературных произведений. В 2022 году на экраны страны вышел фильм молодого режиссёра Анастасии Нечаевой «Велга» по мотивам одноимённого бунинского рассказа. Фильм повествует о неразделённой любви скандинавской девушки Велги к своему возлюбленному Ирвальду. Важно, что съёмка подобных фильмов планируется и в будущем.

Максимилиан Волошин

Как было упомянуто выше, вторым большим русским поэтом, именующим свой творческий стиль неореализмом, был Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932). Он родился в Киеве в семье юриста Александра Максимовича Волошина, который в связи со служебной необходимостью вместе с семьёй несколько раз менял место жительства. Некоторое время проживали в Таганроге, Севастополе и затем – в Москве. Здесь юный Максимилиан поступил в местную Поливановскую мужскую гимназию. На третьем году обучения неожиданно скончался отец.

В семье возникли серьёзные материальные трудности. В этих условиях мать будущего поэта Елена Оттобальдовна Волошина решила перебраться в более дешёвый для проживания Крым. Для этого в его восточной части, на берегу Чёрного моря, приобрела небольшой участок земли и с помощью местных строителей из пористого крымского ракушечника возвела просторный, смотрящий окнами на море, дом. Место нового жительства было выбрано по малой его стоимости, а также потому, что находилось на территории легендарной Киммерии – родине амазонок, где, по мнению новых его владельцев, всё ещё царил дух эллинской культуры. Это был Коктебель.

Своё обучение шестнадцатилетний Максимилиан продолжил в Феодосийской гимназии. По её окончании, в 1897 году, поступил на юридический факультет Московского университета. Проучившись два года, из него за участие в студенческих беспорядках был исключён. В 1900 году в студенческих правах восстановлен, но от дальнейшего обучения в университете отказался. С 1901 года приступил к освоению хорошо продуманного, поддержанного матерью, плана самообразования. Фундаментально изучал мировую историю, философию, западноевропейскую и отечественную литературу. Для этого в течение девяти лет неоднократно ездил во Францию, Италию, Швейцарию и Грецию. Во Франции, в знаменитой Сорбонне, прослушал специализированный курс лекций по европейской поэзии. В других странах работал в лучших библиотеках, изучая работы историков и философов. В это же время начал активно писать и публиковать свои стихи.

В 1910 году в издательстве «Гриф» выпустил свою первую книгу стихотворений «Годы странствий», в которую вошли стихи за 1901–1910 годы. С 1911 года большую часть своего времени стал проводить в Коктебеле. Здесь, в летнее время, с одобрения матери, большой любительницы русской поэзии и русского театрального искусства, в течение нескольких лет организовывал встречи с молодыми, подающими надежды, поэтами. У него несколько раз по-

бывали Николай Гумилёв, Осип Мандельштам, Елизавета Димитриева, Аделаида Герцык и многие другие начинающие поэты. В Коктебеле впервые встретились Марина Цветаева и её будущий муж Сергей Эфрон. В судьбе этих двух людей Волошин сыграл очень важную роль. Цветаевой он помог войти в большую русскую литературу, а Эфрону – сохранить брак с Мариной от почти неизбежного распада.

По воспоминаниям Цветаевой, Волошин обладал огромными знаниями, жил земными стихиями, умело отображал эти стихии в своём литературном творчестве. Любил и уважал творческое начало в других людях. Имел удивительный педагогический дар. Умел в молодых поэтах быстро и точно распознать природный талант и дать этому таланту нужный стимул к его развитию. Был бескорыстен и благороден. Отличался подчёркнутой аккуратностью, педантичностью и обязательностью. Умел дружить с конкретным человеком и его врагом. Это качество особенно проявилось в годы Гражданской войны, когда Максимилиан Александрович в своём коктебельском доме «спасал белых от красных, а красных от белых».

Октябрьскую революцию не принял, но своим творчеством не пытался ей противодействовать. Он считал её временной народной смутой, которая рано или поздно, как и все иные смуты, сойдёт на нет. Любил Россию историческую, патриархальную. Верил в её воскрешение в рамках привычного для неё «неторопливого бытия». По этому поводу в одном из своих стихотворений писал:

Взвывается победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной –
Верной своей судьбе.

Как поэт, Волошин отдавал предпочтение времени не настоящему, а минувшему, историческому. События трёх русских революций, Первой мировой и Гражданской

войн в его стихах почти не отражены. Ему были близки античность, древняя Московская Русь, жизнь старой Европы. О них он писал много и охотно. Будучи большим эстетом, тщательно оттачивал каждое стихотворное слово. Все его стихотворения отработаны до совершенства. В них много рассуждений о человеке, его поведении, смысле и назначении жизни. Эти стихотворения глубоко философичны, но, как правило, тяжеловесны. Кто-то из литературных критиков даже сравнил их звучание с поступью пушкинского командора. В какой-то мере это относится и к его любовной лирике. Она у Волошина по форме всегда изящна, но в ней не улавливается глубокого сопереживательного чувства, восторга или острого сердечного страдания. Может быть, это произошло потому, что к своему подлинному счастью Волошин пришёл очень поздно – за пять лет до кончины. Это счастье ему составила писательница, а затем смотрительница коктебельского Волошинского музея Заболоцкая Мария Степановна. С нею он, как ранее и со своей матерью, был спокоен и абсолютно уверен в себе.

В 1932 году поэт серьёзно заболел и 11 августа этого же года скончался в любимом им Коктебеле. Незадолго до смерти просил похоронить себя на высоком месте. Не хотел, чтобы это место засаживали кустарниками и деревьями. Так и поступили. Гроб с телом покойного из коктебельского дома на руках по каменистой тропе вознесли на вершину прибрежного утёса Малый Янычар, с которого хорошо просматриваются просторы моря и крымская степь. Здесь и захоронили. До 1976 года могила поэта представляла собой простой земляной холм. Но после подзахоронения в неё тела умершей в 1976 году жены поэта, общее захоронение прикрыли массивной каменной плитой, на которой значатся имена супругов Волошиных. Могила постоянно посещается многочисленными туристами и любителями волошинской поэзии. Память о нём жива, а творческое наследие продолжает верно служить российскому читателю.

Новый классицизм

Такое название дал своему поэтическому стилю крупный поэт Серебряного века Владислав Филицианович Ходасевич. Этот стиль единичен и свойственен только этому очень талантливому русскому поэту. Под ним он понимал использование в описании явлений новой жизни испытанных временем приёмов русского классицизма. Поэтому в своей творческой практике сторонился всех модернистских поэтических течений, всегда стремился быть образцовым классиком. Для этого строго соблюдал законы и формы литературного классицизма, наполнял свои стихи духом высокой философичности и просветительства. Это вызывало со стороны ряда его коллег завистливую иронию и даже открытую враждебность. Но своих позиций Ходасевич не менял никогда. Писал свои стихотворения, будучи уверенным в том, что они найдут себе чуткого и благодарного читателя. В этом суждении, как показала жизнь, он не ошибался.

Владислав Ходасевич

Владислав Филицианович Ходасевич (1886–1939) родился в Москве, в дворянской семье польского происхождения Масла-Ходасевичей. Его отец – Филициан Иванович был художником и известным московским фотографом. Мать – Софья Яковлевна Брафман – дочь еврейского литератора. В собственной семье занималась воспитанием детей. Пройдя традиционный для дворянских семей курс домашнего воспитания, девятилетний Владислав был определён в 3-ю Московскую мужскую гимназию, которую успешно закончил в 1904 году. В этом же году поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Учился успешно до 1910 года, но полного курса обучения не закончил из-за возникшей болезни лёгких, для лечения которой был вынужден уехать в Венецию, где находился более одного года.

Ещё будучи студентом второго курса, в 1905 году женился на Марине Эрастовне Рындиной, но через два года она по каким-то причинам от него ушла. В последующем был женат ещё трижды. С третьей женой – Ниной Берберовой, не выдержав условий Гражданской войны, в 1922 году, под предлогом лечения туберкулёза лёгких, выехал в Берлин, а затем – в Париж. Единой семьей жили до 1933 года. В 1933 году разошлись, и Владислав Ходасевич женился в четвёртый раз на еврейке Ольге Борисовне Марголиной.

Писать стихи Владислав Ходасевич начал в детстве. Хорошо знал всю европейскую и отечественную поэзию. Особенно ценил Пушкина, Вяземского и глубоко философичного Баратынского. В своём стихотворчестве всегда следовал их примеру как в подборе слов, так и в их ритмическом оформлении. Но подражателем никогда не был. Имел свой характерный стиль написания стихов. Своё творчество ценил, считал его частью современной ему русской поэзии, а самого себя в разговорах с друзьями относил, подобно Бальмонту и Игорю Северянину, к большим русским поэтам. И это действительно было так, ибо стихи Ходасевича обладают удивительной мудростью и тонким изяществом.

Октябрьскую революцию Ходасевич воспринял в целом положительно и до середины 1920 года считал, что «большевиком быть не плохо и не стыдно». В это время сблизился с Максимом Горьким, который любил его поэзию и называл Владислава Филициановича «поэтом-классиком и большим, строгим талантом». Он же относил его к своим друзьям. Так продолжалось до 1922 года, пока Ходасевич не выехал в Европу на лечение, а затем, обманув доверие Горького, не вернулся в Советскую Россию. Узнав об этом, пролетарский писатель исключил беглеца из числа своих друзей и назвал его поэтическое творчество «злым». Подобная оценка была подхвачена советскими литературными критиками и до сих пор кочует во многих их трактатах. Был ли Ходасевич злым? Да был, но в очень немногих своих стихотворениях. Одно из них «Про себя» он посвятил своей

персоне, сравнив её с ядовитым пауком, которого боятся и сторонятся окружающие люди. Столь же критичен он был к себе и в стихотворении «Перед зеркалом»:

Я, я, я. Что за дикое слово?
Неужели вон тот – это я?
Разве мама любила такого?
Жёлто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Есть и ещё один злой стих «Сумерки», в котором поэт рисует охватившее его чувство злобы по отношению к простому прохожему, которого ему вдруг захотелось пырнуть ножом:

Пустынный тянется вдоль переулка дом.
Вот человек идёт. Пырну его ножом –
К забору прислонится и не охнет.
Потом опустится и ляжет вниз лицом.

Отмечая определённую озлобленность Ходасевича, советский литературный критик Владимир Николаевич Орлов избрал для доказательства этой озлобленности первую строфу стихотворения поэта «Ни жить, не пить почти не стоит».

Ни жить, ни пить почти не стоит:
В непрочной грубости живём.
Портной тачает, плотник строит:
Швы расползутся, рухнет дом...

В этой строфе Орлов усмотрел злостное неверие Ходасевича в прочность и незыблемость земного мира. Всё это так. Действительно Ходасевич был зол на окружающий его мир – мир русской жизни разрушенной Гражданской войной. В 1922 году, в момент написания этого стихотворения, он всё ещё ощущал на себе голод и холод разграбленной

этой войной Москвы. Гнев и озлобленность поэта на эти обстоятельства были вполне оправданными. Орлов же делал свои оценки в 1976 году, в духовно и материально благополучное время. Мог ли он объективно понять и оценить настроения Ходасевича, которые тот переживал за пятьдесят четыре года до этого момента. Стихи Ходасевича в массе своей действительно грустны и печальны. Но таковой была и его жизнь.

Поэтическое творчество Владислава Ходасевича отражено в пяти изданных им при жизни сборниках: «Молодость» (1908), «Счастливый домик» (1914), «Путём зерна» (1920), «Тяжёлая лира» (1922) и «Европейская ночь» (1923). В 1927 году поэт издал итоговое «Собрание стихов», в которое включил стихотворения из ранее изданных поэтических сборников «Путём зерна», «Тяжёлая лира» и «Европейская ночь». Помимо этого, он в 1934 году издал книгу «Некрополь. Воспоминания» о Валерии Брюсове, Андрее Белом, Сергее Есенине, Максиме Горьком и Николае Гумилёве. Отзываясь на раздел этой книги об Андрее Белом, Марина Цветаева написала: «Лучше нельзя!.. что надо сказал... И сказал – всё: где можно – словом, где не можно – интонацией, голосовым курсивом, всем, вплоть до паузы».

Владислав Ходасевич – искусный мастер любовной лирики. Его стихи о своей Музе, которую он назвал Кузиной, замечательны как по содержанию, так и по звучанию особо подобранных слов. Вот стих «Она»:

Как неуверенно-невинна
Её замедленная речь!
И поцелуи у жасмина
И милая покатошь плеч!

Над взором ласковым и нежным
Легко очерченная бровь, –
И вот опять стихом небрежным
Поэт приветствует любовь!

А вот свидание с ней в летнем дождливом саду:

У освещённого окна
Темнея тонким силуэтом,
Ты поцелуем смущена
Счастливым медлила ответом.

И вдруг – ты помнишь? – блеск и гром,
И крупный ливень, чаще, чаще,
И мы таимся под окном,
А поцелуи – глубже, слаще...

Что это, если не само совершенство любовной лирики, подлинное поэтическое мастерство влюблённого в свою Музу поэта! Ходасевич был очень наблюдателен, а наблюдаемому предмету всегда стремился дать ёмкую философскую оценку. Правда, некоторые ненавистники называли его за это «маленьким Баратынским». Но это осталось на их завистливой совести. Поэт много писал и о природе, улавливая все её самые сокровенные свойства. Многократно обращался к Богу, делал искусные словесные зарисовки бытовых сцен:

Тихо, так тихо, и грустно, и сладостно.
Смотрят из окон огни...
Звон колокольный вливается благостно...
Плачу, что люди одни...

Искренне сочувствовал своим современникам пережившим беды Гражданской войны. Верил в возрождение любимой им России. В стихотворении «Путём зерна» предсказывал:

Сверкает золотом в его руке зерно,
На землю чёрную оно упасть должно.
И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрёт и прорастёт.

Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт – и оживёт она.
И ты, моя страна, и ты её народ,
Умрёшь и оживёшь, пройдя сквозь этот год.

Находящиеся в эмиграции русские люди описывали Ходасевича как щуплого и раздражительного человека с исхудалым жёлто-серым лицом. Он был действительно таковым в силу довлеющих над ним обстоятельств, в том числе и преследующей его длительной болезни лёгких. Но человека в России принято судить не по его внешнему виду, а по его делам. О его поэзии мы уже сказали немало. Но он был помимо этого замечательным литературным критиком и публицистом. Рецензировал работы многих своих современников. Среди них был Сергей Есенин, Андрей Белый и Марина Цветаева. Несмотря на то, что Есенин позволял отпускать в адрес Ходасевича различные критические замечания и даже высказывал сомнения в его таланте, Владислав Филицианович всегда высоко ценил есенинский поэтический дар и внимательно следил за его развитием. Был глубоко опечален безвременной гибелью поэта.

С Андреем Белым они были хорошими друзьями и, как могли, поддерживали друг друга. Что касается Марины Цветаевой, то он рецензировал несколько её работ, в том числе – стихотворный цикл «Стихи к Пушкину». Будучи всегда доброжелательным, честным и беспристрастным в своих оценках, Ходасевич, анализируя этот цикл, заметил, что «в нём слишком много полемики с почитателями Пушкина и слишком мало сказано о самом Пушкине». Одного этого было достаточно, чтобы отношения между обидчивой Цветаевой и Ходасевичем на длительное время серьёзно охладели. Примирение наступило лишь через восемь лет. Откликаясь на сборник стихов Цветаевой «После России», поэт писал: «Есть богатство эмоциональное и словесное, расточаемое, быть может, беспутно, но несомненное. Сквозь все несогласия с её поэтикой и сквозь все досады – люблю Цветаеву». Марина Ивановна ответила

письмом, в котором заметила: «Нашей ссоры совершенно не помню, да, по-моему, её и не было вообще. За одного настоящего поэта, даже за половину, или за осьмушку его отдам сотню настоящих не-поэтов». Здесь же назвала своего адресата великим лириком. Позднее передала Ходасевичу объёмную тетрадь для «последних стихов», полагая, что подарок заставит его вновь обратиться к поэзии.

Следует отметить, что Ходасевич, как сторонник классицизма, не мог терпеть «грубые изыски футуристов», особенно – Маяковского. Его поэтику именовал «лошадиной поступью», а пятнадцать лет поэтической карьеры – «лошадиным веком». Что поделаешь! Вкусам не прикажешь! Маяковский не нравился и многим другим своим современникам, но это не умалило исторической значимости его творчества.

О покинутой России Ходасевич тосковал всегда. Через год после отъезда за границу писал:

России – пасынок, а Польше –
Не знаю сам, кто Польше Я.
Но: восемь томиков, не больше, –
И в них вся родина моя.

Вам – под ярмо ль поставить выю
Иль жить в изгнании, в тоске.
А я с собой свою Россию
В дорожном уношу мешке.

Марина Цветаева подарила тетрадь Ходасевичу не случайно. Она хотела вернуть его к поэзии потому, что в последние годы своей жизни он перестал писать стихи. Придавленный трудной эмигрантской жизнью, занялся газетной работой, сосредоточившись на литературной критике, фельетонной и мемуарной прозе. В своё удовольствие писал лишь о трудах Державина и Пушкина, но этой работы не довёл до конца. Горестное и бедственное существование подкосило последние силы поэта. Возникла

роковая вспышка хронической лёгочной болезни. Жене Ольге Марголиной удалось поместить мужа в больницу для бедных русских эмигрантов. Здесь он и скончался в 1939 году, перед началом Второй мировой войны. Похоронен в предместье Парижа на кладбище Булонь-Биянкур. Супруга пережила своего талантливого мужа всего на один год. В 1940 году Франция была оккупирована фашистской Германией. В Париже начались облавы на евреев. Ольга Марголина была арестована и отправлена в Польшу, в концлагерь Освенцим. Здесь и погибла среди множества других жертв озверелой неметчины.

Что же касается Владислава Ходасевича, то он, как и многие другие поэты русской эмиграции, «проросшим зерном» своего поэтического творчества вернулся в Россию и продолжает радовать нас замечательными стихами, которые всегда филигранно отточены, глубоко философичны и на редкость умны.

Независимый универсализм

Независимым универсализмом именуется особый индивидуальный поэтический стиль, которым пользовалась поэтесса Марина Ивановна Цветаева. Научного толкования этому стилю нет. Сама же Цветаева понимала под ним некую универсальную всеохватность стиха, которая содержит в себе голоса всех, прошедших через её душу, поэтов. «Я – много поэтов, а как это во мне слилось – это уже моя тайна», – любила повторять она.

Марина Цветаева вообще рассматривала поэзию как бесконечный творческий процесс, как слияние голосов поэтов всех времён и народов в единую, никогда не смолкающую звуковую ораторию, в которой каждый новый певец непременно повторяет те или иные качества своих знаменитых предшественников. К таким качествам она в первую очередь относилась жизненность и абсолютную правдивость творческой позиции поэта.

Марина Цветаева

По ходу текста настоящего очерка мы неоднократно упоминали имя поэтессы Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941). Исходя из её многократных заявлений, она не относила себя ни к одной из современных ей русских поэтических школ, считая себя поэтом свободным и идейно независимым. В 1931 году по этому поводу писала: «Не принадлежу ни к какому классу, ни к какой партии, ни к какой литературной группе». Это действительно так, но только отчасти. На её творчество оказали сильнейшее воздействие символисты Бальмонт, Белый и Блок. Используя главным средством своей поэтической речи ритм и музыкальность, она многое взяла также и от футуристов, особенно от Маяковского и Хлебникова. Это сильно отразилось на звуковом и графическом оформлении её стихов. В них очень часто через тире делятся слова, а через дефис – слоги. В избыточном количестве используется пауза как в середине строки, так и в её конце. То же самое относится и к знакам препинания (точкам, запятым, многоточиям, вопросительным и восклицательным знакам).

Не отказывалась она и от применения редких для русского языка речевых оборотов и отдельно взятых слов. В этом смысле стихи поэтессы всегда оригинальны и их никогда нельзя спутать с чьи-либо иными стихами. Она не любила плавной поэтической речи и неоднократно говорила: «Я не верю стихам, которые льются. Рвутся – да!». И она умышленно рвала свои стихи на части, подчиняя их задуманной ритмике, задуманному звучанию.

Марина Ивановна Цветаева родилась 26 сентября 1892 года в Москве в семье известного филолога и искусствоведа профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева. Матерью будущей поэтессы была Мария Александровна Мейн – дочь обрусевшего немца Александра Даниловича Мейна и его жены Марии Лукиничны Бернацкой, представительницы старинного обедневшего польского дворянского рода, которая, дав

жизнь ребёнка, из-за возникших послеродовых осложнений, вскоре скончалась. Глава осиротевшего семейства поручил воспитание дочери давно жившей в его доме гувернантке, которая заменила ей умершую мать.

Будучи весьма состоятельным человеком, Александр Данилович сумел дать девочке блестящее домашнее образование. Она свободно владела четырьмя европейскими языками, хорошо знала мировую и отечественную историю и литературу, обладала высокими музыкальными и художественными способностями. В юные годы писала лирические стихи как по-русски, так и по-немецки. Занималась переводами стихотворений иностранных авторов.

Обладая такими редкими качествами, Мария Александровна, став сама матерью, не могла не передать их своим детям – дочерям Марине и Анастасии. Именно она стояла у истоков возникновения у старшей Марины острой тяги к стихотворчеству. От неё и совершенный музыкальный слух, который оказал на мелодику стихов поэтессы самое сильное положительное влияние.

Марина начала рифмовать слова с четырёх лет, а свои первые стихи написала в шесть. Оценщицей этих стихов была Мария Александровна. Готова из дочери музыканта, она уже на этом этапе не исключала, что та может стать и поэтом. «Ходит вокруг меня и всё складывает слова в рифмы, – может быть, будет поэт», – говорила она. Учитывая это, целенаправленно учила её мелодичным и содержательным стихам Пушкина, Данте, Шекспира и Гёте. Уже после смерти матери, оценивая её влияние на себя, Марина Ивановна заявила: «После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом».

Мария Александровна, наряду с воспитанием детей, много помогала своему мужу в собирании и хранении художественных экспонатов для создаваемого им Московского музея изящных искусств. В ходе этих работ простудилась и заболела гриппом. Не долечившись до конца, продолжила прежние занятия. В результате грипп переродился в чахотку. Несмотря на все предпринимае-

мые усилия, сопровождавшиеся поездками на лечение в Италию, Швейцарию и Германию, болезнь продолжала развиваться. В конечном итоге немецкие врачи посоветовали больной вернуться в привычный для неё российский климат. Некоторое время проживали в Ялте. Затем больную перевезли на дачу в Тарусу. Здесь 4 июля 1906 года она ушла из жизни. Перед смертью попросила привести детей к своей постели и, прощаясь с ними, сказала: «Живите по правде, дети! По правде живите!» Похоронили Марию Александровну в Москве на Ваганьковском кладбище. Дети остались на попечении своего вечно занятого общественными и научными работами отца. И он в полной мере вкусил сложность процесса их воспитания и обучения.

Ася была покладиста и послушна. Марина же отличалась сложным и противоречивым характером. Ссорились со своими сёстрами – старшей сводной Валерией и младшей – Асей, противоречила и дерзила отцу. Пристрастилась к курению и лёгкому вину, бутылки из-под которого бросала из окна чердака родительского дома в Трёхпрудном переулке на мощёный тротуар, чтобы они, разбившись о камни, вызывали у обслуживающего дом дворника Лукьяна бурный, но безадресный гнев. Устраивала она и другие пакости. Отец всё это видел и, как мог, старался сдерживать свою непослушную строптивую дочь.

В эти подростковые годы Марина увлеклась также чтением революционной литературы и некоторые из её образцов приносила в гимназию для ознакомления с ними своих соучениц. Директриса и учителя гимназии запрещали ей это делать. Но и им она грубо дерзила. Однажды, вступив в спор с директрисой, гневно заявила: «Не пытайтесь меня уговорить. Не боюсь ваших предостережений... Вы хотите меня исключить – исключайте! Пойду в другую гимназию – ничего не потеряю!» И действительно ей пришлось сменить несколько московских гимназий, в которых она проучилась в общей сложности семь лет. До этого, ещё при жизни матери, была трёхлетняя учёба в детских

интернатах Лозанны и Фрейбурга, позднее – на двухмесячных литературных курсах в парижской Сорбонне. Иного регулярного образования Марина Цветаева не получила и свои огромные знания добывала посредством постоянной погруженности в чтение книг.

Свой первый поэтический сборник «Вечерний альбом» выпустила в 1910 году, в возрасте восемнадцати лет. Два года спустя вышел второй сборник – «Волшебный фонарь», чуть позднее – книга «Юношеские стихи». Эти работы молодой поэтессы были сразу же замечены мэтром русской поэзии, взыскательным литературным критиком Валерием Брюсовым. Он отметил реалистичность и самобытность стихов Цветаевой. Ещё более решительно приветствовали её стихи Николай Гумилёв и Максимилиан Волошин. Последний встретился с ней в её родительском доме и выразил ей свою полную поддержку. После состоявшейся встречи посвятил юной поэтессе большое стихотворение, в котором есть следующие замечательные строки:

Кто вам дал такую ясность красок?
Кто вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать от детских ласок
До весенних, новолунных снов?
Ваша книга – это весть «оттуда» –
Утренняя благостная весть...
Я давно уж не приемлю чуда...
Но как сладко слышать: «Чудо есть!»

Вдохновлённая поддержкой столь значимых для неё поэтов, Марина Цветаева продолжила своё поэтическое творчество. За относительно короткую земную жизнь она написала большое количество стихов. Все они вошли в упомянутые уже сборники «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь», а также в выпущенные позже книги: «Юношеские стихи», «Вёрсты-1», «Вёрсты-2», «Лебединый стан», «Стихи к Блоку», «Ремесло» и «После России». Небольшое количество стихов было напечатано в советских

журналах уже после возвращения поэтессы в 1939 году из Франции в СССР.

Принято считать, что поэтическое творчество Цветаевой охватывает несколько основных тем: Россия, её природа и люди; поэты и поэзия; любовь и любовная магия; биография лирического «Я»; состояние души, сердечная тоска, смерть и бессмертие. Много стихов поэтессы посвящено конкретным людям (мужчинам и женщинам). Есть стихи-погружения в свои чувствования, в том числе и суицидальные. Таких стихов много. Они пронизывают всё творческое наследие Цветаевой, начиная с юных лет и кончая последним годом её драматической жизни. Небольшая часть стихов связана с темой эллинского и библейского мира. Есть стихи, посвящённые близким людям – мужу, сестре, детям, друзьям. Есть и такие, которые не подпадают ни под одну из названных тем. Они единичны и касаются конкретных жизненных ситуаций: встреч и расставаний с людьми, переживаний тоски и страха, внутренней надломленности, неуверенности в себе, душевного одиночества, особенно после ареста её ближайших родственников – сестры, мужа и дочери.

Стихи о Родине, её природе и людях

Данной очень важной теме Марина Цветаева посвятила в общей сложности около ста стихотворений, что составляет почти одну шестую часть её стихотворного наследия. Впервые мотив Родины прозвучал в её юношеском стихотворении «На возу». В нём она с задиристостью молодого автора мастерски передала ощущение русской природы, русского раздолья, русского мирозерцания:

Что за жалобная нота
Летней ночью стук телег.
Кто-то едет, для кого-то
Далеко ночлег.

Целый день шумели грабли
На откосе, на лужке.
Вожжи новые ослабли
В молодой руке.

Счастье видится воочию:
В небе звёзды, – сны внизу.
Хорошо июльской ночью
На большом возу!

Затем последовали стихи о полюбившихся юной поэтессе прекраснейших приокских местах Тарусы, о бесконечно любимой ей Москве и её предместьях. К сожалению, присущая этим стихам восторженность Россией и её природой вскоре прервалась. Это было связано с началом Первой мировой войны и принесёнными ею изменениями в жизнь русского народа. С этого момента стихи Цветаевой о Родине стали приобретать всё более печальный характер. С началом же Гражданской войны в них зазвучала громкая протестная нота, которая особо сильна в строках «Лебединого стана», в котором она воспела подвиг офицеров Белой гвардии, вставших на защиту устоев старой, милой её сердцу России.

Вынужденно вернувшись в июне 1939 года из-за границы в СССР, о России до конца своей жизни не написала ни одного стиха. Не написала потому, что жила под страхом ареста, так как все её ближайшие родственники уже находились в заключении. Писать правду о большевистской России не могла и не могла писать о ней льстивую неправду. Поэтому молчала.

Любовная лирика

Любовная лирика, как и сама любовь, в поэтическом творчестве и жизни Цветаевой занимают огромное место. Это главная её «стихия», это её «тайный жар», «сверхта-

лант», «неизбывная потребность». Любила Цветаева много и многих. Любила очно и заочно, любила физически и платонически, часто, – эпистолярно, то есть через почтовую переписку. Любила мужчин и женщин. Любила до конца своей жизни. В одном из последних прижизненных писем отмечала: «Живая любовь – это то, без чего я не живу, не я живу! Это – единственное, что вне меня, что я не властна создать и без чего меня нету». Имела до десятка, а, может быть, и более любовных попутчиков преимущественно из еврейской и полуеврейской среды. Любила страстно, самозабвенно, требовательно, порой – истерично.

Эта склонность Цветаевой к постоянным любовным романам приносила глубокие страдания мужу Сергею Эфрону, ранила душу дочери Ариадны, вызывала осуждение окружающих, но справиться со своей греховной сущностью Марина не могла и продолжала действовать изуверски откровенно. Измученный этими обстоятельствами, Сергей Эфрон в одном из писем поэту Максимилиану Волошину писал о том, что демонстративные измены Марины превратили его жизнь в сущий ад. «Вокруг меня всё отравлено», – подчёркивал он. Но и оставить её не мог, так как испытывал к ней сочувствие и жалость, в том числе и потому, что она, в случае его ухода, грозилась покончить с собой. Повзрослевшая дочь Ариадна осуждала поведение матери, называя его «подлым и позорным». В результате Цветаева вынуждена была признать, что «её дочь – первый человек, который её презирал».

Стихи на любовную тему она начала писать рано. Первым наиболее известным стихом из этой серии был стих «Новолуние», в котором она в свои семнадцать лет полунамеком, но достаточно ясно, изложила свои девичьи тайные грёзы. Любовные стихи посвящала многим людям, к которым испытывала то или иное любовное чувство. Среди них были старший брат Сергея Эфрона – Пётр Эфрон, поэтесса Софья Парнок, поэт Осип Манделштам, друг мужа – Константин Родзевич, актриса Софья Голлидей и другие.

Все эти стихи прекрасно оформлены и искусно отделаны. На некоторые из них написаны замечательные романсы. Наиболее известный из них «Мне нравится, что вы больны не мной», посвящён мужу сестры Анастасии Маврикию Минцу, к которому Марина была, по-видимому, также равнодушна.

Стихи и статьи к поэтам и о поэтах

Статьи и стихи о поэтах, поэзии и поэтическом искусстве занимают в литературном творчестве Цветаевой также немаловажное место. Ею были написаны уникальные и интереснейшие по содержанию аналитические работы о целях и задачах поэтического творчества: «Искусство при свете совести», «Поэт и время», «Поэты с историей и поэты без истории», «Поэт о критике». Составлены очерки о поэтах Валерии Брюсове («Герой труда»), Осипе Мандельштаме («История одного посвящения»), Максимилиане Волошине («Живое о живом»), Андрее Белом («Пленный дух»), Михаиле Кузмине («Нездешний вечер»), Константине Бальмонте («Слово о Бальмонте») и, конечно же, об Александре Сергеевиче Пушкине («Мой Пушкин»), любовью к которому она прониклась ещё с младенческих лет, глядя на картину А.А. Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом», которая висела в спальне её матери.

К Пушкину и его творчеству Цветаева, по её собственному признанию, всю жизнь испытывала неизбывную сердечную любовь. Для неё Пушкин был только её Пушкиным. Она воспринимала его как живого человека, как своего современника, как своего близкого друга. Отсюда жгучая ревность к Наталье Гончаровой – «красавице без корректива ума, души, сердца, дара», которую великий поэт «взял вместе с Дантесом, то есть с собственной смертью!» Любимому поэту Марина Ивановна посвятила до десятка стихотворений, в которых с присущей ей страстностью отстаивала его честь и достоинство.

Иным, более сложным, было её отношение к Валерию Брюсову. До 1910 года она его боготворила, именуя «волшебником в каждой его поэтической строчке». Но когда он раскритиковал её книгу «Волшебный фонарь», обиделась и в следующем своём сборнике «Из двух книг» поместила в его адрес довольно язвительное стихотворение:

Я забыла, что сердце в вас – только ночник,
Не звезда, я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти – критика.

На этом не остановилась и даже после смерти поэта продолжала настойчиво говорить о его «фатальной недодарённости». Об этом она заявляла много и часто, в том числе и в очерке «Герой труда», который был выпущен в свет в Праге в августе 1925 года. Это суждение, конечно же, несправедливо потому, что Брюсов – большой и очень талантливый русский поэт, творчество которого составило целую эпоху нашей национальной поэтической культуры. Подобная же метаморфоза произошла и с Осипом Мандельштамом. Известно, что он некоторое время имел с Мариной Цветаевой любовный роман. На этом этапе, она всячески расхваливала его талант, именуя его стихи результатом выдающегося поэтического дарования.

Так продолжалось до 1922 года пока Мандельштам не опубликовал статью с резкой критикой в адрес её поздних московских и некоторых ранних эмигрантских стихов. Он осудил поэтессу за нестерпимую трескучесть её риторики, за историческую фальшь относительно идеалов Белого движения, за потерю поэтического чутья. Цветаева тут же ответила острой статьёй: «Мой ответ Осипу Мандельштаму». В ней она обвинила своего оппонента во множестве грехов, прежде всего – в трусости и склонности к предательству. Назвала его политическим приспособленцем. Предупредила Советскую власть о том, что он в момент её ослабления предаст Ленина так же, как ранее предал

Керенского. С этого момента Марина Ивановна навсегда выбросила Мандельштама из своей памяти.

Среди современных Цветаевой поэтов были и такие, которых она любила, ценила и уважала до бесконечности. К ним относились Константин Бальмонт, Александр Блок, Максимилиан Волошин, Владимир Маяковский, Райнер Рильке и Борис Пастернак. Всем этим поэтам она посвятила немало своих стихов и статей. От всех из них брала что-то ей особо нравящееся. Это взятое умело переплавляла в горниле своего мощного поэтического таланта. В этом и состоял особый универсализм поэтического творчества Цветаевой. В этом была её несомненная, всепобеждающая сила.

*Душа и суицидальные мотивы
в поэтическом творчестве Цветаевой*

Цветаева всю свою жизнь не представляла себя вне поэзии; чувствовала, считала и называла себя поэтом; требовала от себя стоизма и жертвенности в служении раз и навсегда избранному делу. В письме своей подруге чешской общественной деятельнице Анне Тесковой в декабре 1925 года писала: «Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес – только преображённая, т.е. – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая». Творчество поэта она определяла как трепетное биение жизни, как саму эту жизнь. При этом утверждала, что каждый стих и каждое слово поэта должны быть пронизаны правдой и страданием живого человеческого сердца, болеющего за всё, что происходит вокруг.

Она внимательно наблюдала и изучала окружающую действительность. В описании явлений жизни стремилась быть максимально правдивой и точной. Была последовательно честной в отстаивании своего поэтического кредо, своего индивидуального творческого почерка. Стихии Цве-

таевой, за исключение, может быть, некоторых юношеских, носят на себе выраженный личностной характер. Это всегда разговор со своей душой, душевное переживание, сердечное излияние своих чувств, надежд и затаённых чаяний. В сущности, всё её творчество есть сосредоточение на своей душе, уход в эту душу, показ её состояния в самых разнообразных жизненных ситуациях:

Солнцем жилки налиты – не кровью –
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе

признавалась она в небольшом стихотворении, написанном в 1913 году. В 1916 году, развивая эту же мысль, пишет: «Вся моя жизнь – роман с собственной душой». И как бы резюмируя это суждение, уже в 1925 году отмечает: «Буюсь, что беда (судьба) во мне, я ничего по-настоящему, до конца, т.е. без конца, не люблю, не умею любить, кроме моей души... Эта болезнь неизлечима и зовётся: душа». По мнению многих литературоведов, именно любовью к своей душе, любовью к самой себе пронизаны все её произведения. Эта любовь так или иначе присутствует и даёт о себе знать в каждом из них. При такой любви к себе и при удивительной жизнестойкости, которые были присущи Марине Цветаевой, поражает то, что с самых молодых лет она была отягощена мыслями о самоубийстве. Уже в семнадцать лет в стихотворении «Молитва», обращаясь к Богу, просила у него смерти:

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Год спустя, по свидетельству сестры Анастасии, на спектакле Сары Бернар «Орлёнок» пыталась застрелиться, но

пистолет дал осечку. В последующие годы, вплоть до самой кончины, мотив насильственного ухода из жизни не покидал поэтессу (стихи: «Настанет день – печальный, говорят!» «Знаю, умру на заре!», «Закачай меня, звёздный чёлн» и другие). К 1936 году, испытывая трудности эмигрантской жизни и кризис в поэтической деятельности, Цветаева во многих своих стихах желание ухода в небытие довела почти до крика:

Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела
Вон хочу!
За потустороннюю границу:
К Стиксу.

Особенно обострились суицидальные настроения у поэтессы с её приездом в июне 1939 году в Советскую Россию. Поселилась на подмосковной даче НКВД Болшево, где уже проживали, прибывшие ранее в СССР муж Сергей и дочь Ариадна. Здесь узнала, что в 1937 году арестована и отбывает срок тюремного заключения младшая сестра Анастасия. В конце августа 1939 года, по подозрению в связях с французской разведкой, аресту подверглась дочь Ариадна, в октябре – муж Сергей Эфрон. Всё это самым пагубным образом отразилось на моральном состоянии Цветаевой. Её соседи по большевской даче отмечали, что в этот момент она была «замкнутой, неулыбчивой, молчаливой, будто ушедшей глубоко в себя». Вскоре её положение усугубилось тем обстоятельством, что в июне 1941 года грянула война.

С группой других писателей её с сыном отправили парходом из Москвы в Татарию, в город Елабугу. Все, кто её видел по прибытии на место назначения, отмечали в ней «нервозность, резкость и особую быстроту движений». Попав в Елабугу, поселилась на квартире в частном доме местного жителя Михаила Ивановича Бродельщикова. В малом городке работы найти не могла и пыталась найти её в бли-

жайшем Чистополе. Здесь был размещён крупный лагерь немецких военнопленных и Марина Ивановна, знавшая в совершенстве немецкий язык, сделала попытку устроиться туда переводчицей. Состоялась её беседа с уполномоченным местного отдела НКВД. Он обещал содействовать разрешению её проблемы, но при условии, что она станет осведомителем и будет собирать информацию о поведении литераторов, проживающих в Чистополе.

Поставленная в очень затруднительное положение, Марина Ивановна обратилась за советом к лауреату Сталинской премии поэту Николаю Асееву. Он ответил, что «сотрудничество с органами НКВД – это дело политической зрелости и патриотизма каждого». При повторном разговоре с уполномоченным НКВД Марина Ивановна, не способная на доноительство, от его предложения отказалась. Тот заявил, что в этом случае на какую-либо приличную работу она вряд ли может рассчитывать.

Тем не менее, сочувствующая Цветаевой группа чистопольских литераторов добилась того, чтобы ей разрешили здешнюю прописку и предоставили работу в писательской столовой. Но она, по воспоминаниям дочери Корнея Чуковского Лидии, этому не обрадовалась и высказала сомнение относительно своих способностей быть полезной на предлагаемом месте работы. В этом же разговоре вдруг задала неожиданный вопрос: «Стоит ли жить? Разве вы не понимаете, что всё кончено, вообще всё». Этот разговор состоялся за четыре дня до фактического ухода поэтессы из жизни.

Цветаева страшно боялась войны, опасаясь за судьбу шестнадцатилетнего сына Георгия, стремящегося выйти из-под её суровой опеки. Между матерью и повзрослевшим подростком постоянно вспыхивали ссоры. Марина Ивановна понимала, что теряет над ним контроль, а с его потерей – надежду на будущую жизнь. Все, кто общался с ней в это время, отмечали «абсолютную замученность и почти полную сожжённость её лица, полную растерянность и неспособность управлять собой». Наконец настал

роковой час. Решение на самоубийство возникло у Цветаевой в момент проводов сына на городской субботник. Вспыхнула очередная ссора, в ходе которой он заявил: «Ну, кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперёд ногами». После ухода Георгия дом остался пуст: хозяйка дома ушла также на субботник, хозяин с внуком – на рыбалку. Воспользовавшись этим обстоятельством, Цветаева повесилась в тёмном чулане этого злополучного дома на верёвке, которой Борис Пастернак перевязал её чемодан во время проводов из Москвы в Елабугу.

Тело покойной было доставлено в местную больницу, а из больницы – на елабугское городское кладбище. Георгий не захотел видеть свою мать мёртвой и на её похороны не пошёл. Не приезжала на могилу матери и вышедшая из многолетнего тюремного, а затем и ссыльного заключения дочь Ариадна. Вследствие этого место захоронения Марины Цветаевой было утеряно. Позднее его поиском занималась сестра Марины Ивановны – Анастасия. Ей указали лишь на ту сторону кладбищенской территории, где та могла быть захоронена. Именно там, Анастасия Ивановна установила простой металлический крест с поминальной табличкой. Спустя десять лет, здесь же в честь поэтессы, был возведён бронзовый поростный памятник. Приблизительно в те же сроки подобные памятники были установлены в Москве, в Борисоглебском переулке, и в Тарусе, у величественного Петропавловского собора. В 2012 году памятник работы Зураба Церетели был установлен также и во Франции, в городе Сен-Жиль-Круа-де-Ви, где она в эмиграции провела около полугода.

Поэзия Марины Цветаевой вернулась к российскому читателю лишь в начале 1960-х годов, благодаря усилиям сестры Анастасии и дочери Ариадны, а также ряда литературоведов, которые сумели собрать, систематизировать и опубликовать все известные на тот момент труды поэтессы. Теперь все её стихи, проза и эпистолярное наследие находятся в полном распоряжении нашего народа и верно служат ему.

**Социалистический реализм.
Творческая деятельность поэтов
эпохи Социалистического реализма**

На протяжении 1917–1925 годов в отечественной поэзии всё ещё ощущалось сильное влияние поэтики Серебряного века. В Советской России продолжали успешно творить Фёдор Сологуб, Валерий Брюсов, Александр Блок, Сергей Есенин, Анна Ахматова, Владимир Маяковский, Игорь Северянин, Борис Пастернак и некоторые другие известные на тот момент поэты. Их творчество стало естественным переходом от прежней модернистской поэзии к поэзии советской, названной позднее поэзией Социалистического реализма. Исторической границей её появления принято считать период с 1925 по 1930 годы. Именно в это время мощно зазвучали таланты Николая Тихонова, Павла Антакольского и Арсения Тарковского. Вслед за ними заявили о себе поэты Исаковский, Прокофьев, Сурков, Симонов, Твардовский, Асеев и Михалков. Рассвет их творческой деятельности пришёлся на 1930–1950-е годы и был связан с освещением процесса строительства первого в мире социалистического государства, с героикой труда народных масс, с хвалебными стихами в адрес руководителей государства, прежде всего – И.В. Сталина. С началом Великой Отечественной войны главным мотивом их яркой и самобытной поэтики стала борьба советского народа против фашизма: картины боёв, конкретные подвиги бойцов Красной Армии, героика работников тыла, этапы освобождения территории страны от немецких оккупантов.

Стихи всех перечисленных поэтов, особенно Алексея Суркова, Александра Твардовского, Михаила Исаковского и Константина Симонова, являются уникальным свидетельством их высочайшего патриотизма по отношению к своей Родине. Этими же поэтами в годы войны была создана совершенно неповторимая любовная лирика, основанная

на мотивах разлуки любящих сердец, на их верности, на их сопереживательных страданиях, на ожидании лучшей, заслуженной этими страданиями, жизненной доли. Появление этой прекрасной лирики произошло, несмотря на существование в Советском Союзе жёсткой цензурной практики. Время требовало честности и особой правдивости в описании жизненных сцен, и они в стихах поэтов этой поры появились.

На этот процесс оказала самое сильное влияние и женская, до боли искренняя, патриотическая поэзия. Именно в это время с полной силой зазвучали стихи замечательных советских поэтесс Ольги Берггольц, Маргариты Алигер, Юлии Друниной, Агнии Барто и Вероники Тушновой. В отечественную поэзию наконец-то вернулась, созданная ещё поэтами Золотого века, лирика естественных человеческих чувств и естественных человеческих отношений.

Все вышеперечисленные поэты и поэтессы проявили себя в этом отношении самым наилучшим образом, но особо ярко, нежно и чувственно прозвучала лирика замечательного советского поэта, выходца из народа, Михаила Васильевича Исаковского.

Михаил Исаковский

Михаил Васильевич Исаковский (1900–1973) родился на Смоленщине в деревне Глотовка, в семье крестьянина-бедняка. Грамоте выучился самостоятельно ещё до поступления в местную земскую школу. После школы два года отучился в Смоленской мужской гимназии, но из-за тяжёлых семейных обстоятельств был вынужден её оставить. В дальнейшем учился самостоятельно по курсу методик средних учебных заведений гуманитарного профиля. Это позволило поступить на учительскую работу. В 1919 году Исаковский стал редактором уездной газеты города Ельня. Затем десять лет проработал сотрудником смоленской газеты «Рабочий путь».

Стихи писал с детства, но началом своей литературной деятельности считал 1924 год. Первую книгу стихов «Провода в соломе» издал в 1927 году. Она сразу же была замечена и одобрена Максимом Горьким. За первой книгой последовали сборники стихов «Провинция» (1930), «Мастера земли» (1931), «Четыре желания» (1936). В них поэт поднял вслед за Есениным деревенскую тему. Его стихи уже на этом этапе приобрели свойства жизненности, абсолютной правдивости и широкой народности.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период поэт написал целый ряд замечательных стихотворений, которые тут же были переложены на музыку. Всем хорошо известны, ставшие народными, песни: «Ой, туманы мои, растуманы», «До свиданья, города и хаты», «Одинокая гармонь», «Катюша», «Летят перелётные птицы», «В прифронтовом лесу» и другие. Помимо стихотворчества много и успешно занимался переводческой работой. Хорошо известны его переводы на русский язык стихов болгарских, украинских и белорусских поэтов. Исаковский является также автором немалого числа прозаических произведений, в которых отражены его взгляды на задачи и цели советской поэзии, освещена жизнь советского народа в трудные военные и первые послевоенные годы. За свои труды дважды становился лауреатом Сталинской премии. Награждён орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Творчество Исаковского знаменито ещё и тем, что в нём продолжена линия «особого русского лиризма», основоположниками которого были Фёдор Тютчев и Афанасий Фет. Нежная мелодика этого лиризма передалась от них через много лет Сергею Есенину, а от него – Михаилу Исаковскому. Он считается носителем редкого по красоте и особо приятного для русского слуха звучания стихотворных строк. Эти строки хочется и слушать, и читать, и петь. Они прекрасны, зажигательны и по-особому неповторимы. Умер Михаил Васильевич на 73-м году жизни в Москве. Похоронен на почётном участке Новодевичьего кладбища,

в ряду с другими ушедшими из жизни представителями советской культуры. Память о нём по-прежнему жива в нашем народе. Его стихи и песни, как и ранее, радуют нашего взыскательного читателя и слушателя.

Поэзия, как и всё на этом свете, проходит волнами. Прошла и поэзия 1930–1950-х годов. В начале 1960-х в русской поэтической среде вновь возродился интерес к поэтам Серебряного века. Их наследие напрямую отразилось на творчестве Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной и некоторых других представителей новой поэтической эпохи.

Евгений Евтушенко и Роберт Рождественский

Стихи Евтушенко и Рождественского несут на себе следы подчёркнутой гражданственности. В стихах Рождественского она проступает ясно, чётко и искренне. У Евтушенко – более завуалированно и с некоторыми оговорками. Поэтому ему полностью не доверяешь, ловишь себя на мысли о том, что он о чём-то не договаривает и в чём-то лукавит. Эту мысль усиливает то обстоятельство, что в трудное для России время Евгений Александрович предпочёл укрыться в Америке и там благополучно пересидел все текущие беды своей Родины. И на Рождественского и на Евтушенко сильное влияние оказал футуризм Маяковского. Оба они, по крайней мере на первом этапе своего поэтического творчества, пытались следовать за ним, прислушивались и приглядывались к созданным им литературным образам и стилистическим приёмам «делания стихов», неоднократно применяли их в собственных произведениях, о чём откровенно признавались своим коллегам по поэтическому цеху – Вознесенскому, Визбору, Ахмадулиной и другим.

Роберт Рождественский в своём поэтическом творчестве был строг и предельно целеустремлён. Евгений Евтушенко допускал в стихах некоторую вольность в трактовке своего

личного любовного опыта. Но в целом его стихотворения можно также назвать вполне благопристойными. Это, однако, нельзя сказать в полной мере о творчестве Андрея Вознесенского. Поэтому мы вынуждены уделить ему более расширенное внимание.

Андрей Вознесенский

Андрей Андреевич Вознесенский (1933–2010), находясь в живом творческом общении со всеми вышеперечисленными поэтами, особенно с Евтушенко и Ахмадулиной, всё-таки существенно отличался от них. Если для последних двух главной ценностью стиха являлся реализм картин жизни, то для Вознесенского ей стала изоощрённая метафора. Он и вошёл в советскую поэзию шестидесятых годов как разработчик теории «поэтического метафоризма» или «метафорической поэзии».

Увлёкшись украшением своих многочисленных, но, к сожалению, не всегда гармонично звучащих стихотворений экстравагантными словосочетаниями, основанными в том числе и на терминологии конструктивизма, он придал многим из них огрублённую, какофоническую окраску, внёс в их тексты нецензурную брань, что вызвало у многих советских людей естественное в таких случаях неприятие вознесенсовщины как таковой. Поэтому не случайно, что на одной из открытых встреч с московской писательской аудиторией тогдашний Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв подверг творчество Вознесенского испепеляющей критике. Правда, эта критика не имела для поэта каких-либо серьёзных последствий. Хрущёв же, напротив, позднее сожалел, что вступил с Вознесенским и другими, присутствовавшими на встрече писателями, в эмоционально окрашенный, бесполезный назидательно-полемический спор.

На метафоризм Вознесенского оказал несомненное влияние символизм, особенно символизм Константина Бальмонта, который также украшал свои стихи яркими словесными

зарисовками. Вознесенский до некоторой степени похож на Бальмонта и количеством плохо отредактированных и грубо обработанных стихотворений написанных в зрелом возрасте. Известно, что такие стихотворения, чуткий на поэтическую красоту Александр Блок, именовал «словесным развратом и галиматъёй». Так оно, видимо, и есть.

Перечисленная группа поэтов, особенно знаменитая тройка: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина – была дружна между собой и выступала перед читательской аудиторией более или менее единым творческим коллективом. Их деятельность носила выраженный публичный характер и длительное время пользовалась поддержкой миллионов любителей советской поэзии.

Белла Ахмадулина

В отличие от своих коллег-мужчин, представительница женской поэзии – Белла Ахатовна Ахмадулина (1937–2010), хотя и находилась под сильным влиянием поэтов Серебряного века, но никогда не пользовалась их приемами по усилению своих стихов необычайно яркими образами, метафорами или словесными новообразованиями. Её стихам свойственно задумчивое и плавное течение мысли. В них очень много лиричного и чувственного, что было найдено пытливым умом поэтессы в окружающей её действительности, а затем умело обращено в чёткое, по-женски изящное, поэтическое слово.

Ахмадулиной многие её почитатели упорно приписывают свойства активного борца против посягательств государства на свободу писательского труда. Откровенно говоря, в эти времена никаких серьёзных посягательств со стороны государства на такой труд уже не было. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что именно тогда книги со стихотворениями всех только что названных поэтов издавались в стране многотысячными тиражами. Помимо этого, перечисленные поэты свободно общались со своими

почитателями во многих городах страны на многочисленных открытых площадках, вплоть до стадионов.

Сама Ахмадулина, обладая особым даром стихочтения (читала с придыханием), принимала в таких мероприятиях многократное участие и искренне гордилась этим. Во-вторых, по наблюдению многих очевидцев, Ахмадулина была по своей природе человеком хрупким и робким и поэтому охотно перепоручила все свои проблемы спутнику жизни – художнику и искусствоведу Борису Мессереру. Он тщательно оберегал её от семейных и общественных неурядиц, о чём хорошо знали все друзья и знакомые этой семейной пары.

В конце жизни Белла Ахатовна сильно болела. Незадолго до кончины в интервью редактору московского журнала «Сноб» заявила: «По прошлому я совершенно не скучаю. Конечно, поэт сейчас вряд ли сможет собрать «Лужники», да это и не нужно. В 60-е годы люди собирались в таком количестве не гармонией – сутью поэзии, а просто сутью времени. Они полагали, что именно поэты дадут им ответы на вопросы, которые их тревожат». К сожалению, ни Ахмадулина, ни Евтушенко, ни Вознесенский таких ответов не дали и дать не могли.

Ещё при жизни Беллы Ахатовны многие её почитатели задавались вопросом о том, сравним ли её талант с талантом Анны Ахматовой или Марины Цветаевой. Нет, не сравним! ибо её талант, как и всякий иной талант, единичен и определён индивидуальными природными дарованиями. Ахмадулина – замечательный русский поэт, занимающий в отечественной поэтической культуре своё достойное место. Она была певцом своего времени и в соответствии со своими возможностями отразила это время, как могла, – ярко и честно.

Похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище в одном ряду с другими ушедшими из жизни представителями отечественного искусства. Над её прахом возвышается небольшой бронзовый памятник работы Бориса Мессерера. Он изображает поэтессу в момент чтения ею своих стихов.

Фигура Ахмадулиной напряжена, взор устремлён за вырывающимся из уст летучим поэтическим словом. В своём порыве она и здесь прекрасна.

Далее хотелось бы сказать и ещё об одной отдельно стоящей группе российских поэтов, которых в народе называют бардами или поющими поэтами.

Поющие поэты России

К бардам или поющим поэтам советской, а затем и современной России мы вправе отнести трёх замечательных мастеров этого вида искусства: Владимира Высоцкого, Булата Окуджаву и Николая Рубцова. Первые два пели песни и романсы на свои стихи и свою музыку под гитару, игре на которой научились самостоятельно, один в школьные, другой в юношеские, более зрелые годы. В отличие от них, Николай Рубцов помимо игры на гитаре ещё в годы учёбы в школе детского дома села Никольское на Вологодчине овладел игрой на гармошке и баяне. Он боготворил эти инструменты и, по воспоминаниям очевидцев, когда брал их в руки «то словно совершал какое-то таинство: не рвал меха, разводил их умиротворённо, благостно отдаваясь звукам».

Рубцов отличался от Высоцкого и Окуджавы ещё и тем, что пел для широкой аудитории не очень часто. Его слушателями, как правило, были ближайшие друзья: матросы эсминца Северного флота, на котором он прослужил четыре года; рабочие Кировского завода в Ленинграде, где после демобилизации в 1959 году он более двух лет работал рабочим и где впервые начал выступать с публичным чтением своих стихов; студенты-однокашники Московского Литературного института; московские «поэты-деревенщики», к которым он примкнул по совпадению взглядов на цели и задачи современной ему русской поэзии; просто хорошие знакомые, с которыми он долгие годы шёл вместе по жизни.

Выдающийся талант этих трёх русских поэтов-песенников признан и высоко ценится нашим народом. Многие

их песни и романсы давно перешли в разряд особо любимых музыкальных произведений. К счастью, несмотря на все испытания, которые пережила наша отечественная культура в течение последних тридцати лет, эти песни и эти романсы продолжают жить в сердцах благодарных россиян. Потребность в творческом наследии Высоцкого, Окуджавы и Рубцова по сей день огромна, а это – верный признак высочайшей талантливости этих выдающихся русских поющих поэтов.

Владимир Высоцкий

Владимир Семёнович Высоцкий (1938–1980) родился в Москве в семье советского офицера, участника Великой Отечественной войны Семёна Владимировича Высоцкого. Его матерью была Нина Максимовна Высоцкая (Серёгина), много давшая сыну в обретении им артистического дара и тяги к стихотворчеству. Детские годы будущий поэт провёл в Москве, в Большом Каретном переулке, по соседству со зданиями знаменитого МУРа. Во время войны с матерью выезжал в эвакуацию в Бузулукский район Оренбургской области. После войны семья вернулась в Москву и поселилась на Первой Мещанской улице. Обучаясь в местной средней школе, Владимир, по собственным воспоминаниям, начал писать стихи на блатную и уличную темы. В выпускных классах приступил к перекладыванию таких стихов на собственную музыку.

Так возник первый опыт поэтической и композиторской деятельности, которая получила дальнейшее развитие в годы учёбы Высоцкого в Школе-студии МХАТ. Уже тогда творчество молодого барда было отнесено к антиподам официального советского поэтического искусства. Открыто Высоцкий не преследовался, но и не поощрялся руководством Министерства культуры СССР. Он много выступал и вскоре его песни, исполненные под гитарное сопровождение, зазвучали по всей огромной стране от её западных до

восточных границ. В течение короткого времени Владимир Высоцкий сравнился по своей популярности с уже известным бардом Булатом Окуджавой. Они не конкурировали между собой, а, напротив, – подружились и поддерживали друг друга. Высоцкий высоко ценил своего старшего товарища и называл его своим учителем.

Творчество Высоцкого, в центре которого всегда был обычный человек, было высоко оценено многими современными ему поэтами, в частности, – Андреем Дементьевым и Валентином Гафтом. Высокого мнения о нём был и Иосиф Бродский. Он назвал Высоцкого «лучшим поэтом России, как внутри её, так и во вне». Уже после гибели поэта отмечал успешность его работы над словесной фактурой русского языка, считал эту работу более успешной даже чем у Маяковского. В отличие от вышеназванных поэтов, Евтушенко и Вознесенский до определённого времени относились к молодому барду снисходительно, как к «меньшему брату». На это Владимир Семёнович отреагировал следующими ироническими стихами:

И мне давали добрые советы
Чуть свысока, похлопав по плечу,
Мои друзья – известные поэты:
Не стоит рифмовать «кричу – торчу».

Отношение Евтушенко к Высоцкому в последующие годы мало изменилось. Вознесенский же, напротив, сумел разглядеть в нём большого поэта и посвятил ему несколько своих стихотворений. В одном из них по дешифровке имени Высоцкого назвал его «человеком владеющим миром».

Удивительно то, что Владимир Семёнович при жизни не издал ни одного сборника своих стихов. Лишь однажды, в 1975 году, в альманахе «День поэзии» было напечатано единственное его стихотворение «Из дорожного дневника». Поэтому получилось так, что в течение двадцати лет творческой деятельности стихи любимого народом барда больше слушали чем читали. Все они были собраны и

опубликованы лишь после смерти поэта. В этом процессе приняли участие близкие друзья Высоцкого, а также мать Нина Максимовна, сын Никита, жёны Людмила Абрамова и Марина Полякова (Влади). В результате активной поисковой работы этих людей удалось собрать, а затем и издать несколько полноценных поэтических сборников. В них помещены стихи поэта на самые разнообразные темы. Есть стихи-посвящения своей матери, своим жёнам и своим сыновьям. Он много писал о мужской дружбе, о войне и людях военной профессии, о спортсменах, о любви – иногда искренне, мягко и проникновенно, но чаще с полугрубоватой иронией. Есть немало стихов на бытовые и семейные темы. Материал для них Владимир Семёнович брал из сцен окружающей его жизни. Поэтому они всегда выглядят до смешного правдивыми и живыми. Вспомним для примера забавный стих «Диалог у телевизора», в котором звучит речь умилённых телевизионным спектаклем супругов:

Ой, Вань, гляди какие клоуны!
Вот хоть завязочки пришей...

А вот не менее замечательный стих о любви незадачливого подвыпившего ухажёра:

Ой, где был я вчера – не найду, хоть убей!
Только помню, что стены с обоями,
Помню, Клавка была, и подруга при ей, –
Целовались на кухне с обоими.

Великолепен Высоцкий в стихах на военную тему: «Военная песня», «Он не вернулся из боя», «Разведка боем», «Песня о погибшем лётчике», «Чёрные бушлаты», «Штрафные батальоны», «Спасите наши души» и другие. Победный порыв советского солдата, его неудержимое стремление на Запад было выражено в стихотворении «Мы возвращаем землю» столь зримо и столь профессионально, что читающие его фронтовики не верили в то, что написавший его

человек лично не испытал опасностей военного лихолетья.
Вот основные строки этого стихотворения:

От границы мы Землю вертели назад –
Было дело сначала, –
Но обратно её закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.

Наконец то, нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востоке.

Мы не меряем Землю шагами,
Понапрасну цветы теребя, –
Мы толкаем её сапогами –
От себя, от себя...

После окончания в 1960 году Школы-студии МХАТ Владимир Высоцкий опробовал свой актёрский талант в нескольких московских театрах. В 1964 году стал актёром театра на Таганке, которым руководил режиссёр Юрий Любимов. Именно он открыл в своём новом соратнике большой актёрский талант и дал этому таланту толчок к всестороннему развитию. К 1967 году Высоцкий заслуженно считался одним из ведущих актёров этого театра.

К сожалению, уже к этому моменту он начал страдать свойственным для многих деятелей русского театрального искусства недугом – тягой к алкоголю. Любимов приложил немало усилий к искоренению этой болезни, но добиться положительного результата так и не смог. Высоцкий продолжал играть на сцене и сниматься в кино, но при этом не оставлял своего пагубного пристрастия к винопитию. К концу 1960-х начал употреблять помимо этого и лёгкие наркотические средства. Всё это привело к тому, что его здоровье серьёзно ухудшалось. В 1971 году с ним случился первый серьёзный сердечный приступ и он в тяжёлом со-

стоянии был доставлен в клинический госпиталь имени Н.К. Склифосовского. Находился при смерти. По этому поводу, переживавший за его судьбу, Андрей Вознесенский написал небольшой, нарочито грубоватый стих:

Владимир умер в 2 часа,
Под утро, рано...
Стояли серые глаза,
Как два стакана.

А над губой росли усы
Простой утехой,
Резинкой врезались трусы,
Разит аптекой.

К великому огорчению, этот трагический случай не излечил Высоцкого от пагубного пристрастия к алкоголю. Не помогли и настойчивые увещевания матери, жён Людмилы, а затем и Марины. К тому же к этому моменту он проживал от них отдельно в своей квартире по адресу Малая Грузинская № 28. Будучи не способным отказать своим многочисленным, часто мнимым друзьям, принимал их у себя дома. По их просьбе пел им песни. Последняя из таких встреч состоялась в ночь с 24-го на 25-е июля 1980 года. В первом часу ночи Высоцкому от выпитой водки стало плохо. Он прилёг на кровать, но затем стал порываться подняться с неё. Его движения были резкими и судорожными. Окружающие его полупьяные друзья приняли их за эпилептические конвульсии и с силой прижали страдальца спиной к постели. Спустя некоторое время он в их «братских» объятиях скончался. Причина смерти – обширный инфаркт. Его могла спасти скорая медицинская помощь, но он её, в силу описанных выше обстоятельств, не получил.

Прощание с телом покойного состоялось в театре на Таганке. По Садовому кольцу его гроб затем был доставлен на Ваганьковское кладбище и здесь, недалеко от главного входа, под стенами кладбищенского храма, захоронен. Учи-

тывая массовый сбор людей на погребальную процедуру, место похорон было оцеплено конной милицией. Спустя несколько лет на могиле поэта был установлен бронзовый памятник. Его тело и колени спелёнуты жёсткой погребальной тканью, которая символизирует скованность творчества Высоцкого советскими властями. Это явная и не совсем справедливая натяжка. Не было и нет в России больше ни одного поэта, который бы гремел над ней своими стихами и песнями столь громко и столь долго, как Высоцкий. Спелёнутость его не от этого, а от его рокового недуга – неизлечимого пьянства.

Высоцкий гениален как поэт, как актёр и как искусный бард. Он чтим и любим нашим народом. Именно поэтому память о нём запечатлена не только в кладбищенском памятнике, но и в бронзовой скульптуре поэта у Петровских ворот в Москве. Здесь он представлен с раскинутыми в стороны руками в позе шекспировского принца Гамлета, роль которого неоднократно исполнял на сцене театра на Таганке. У самого же театра двумя десятками лет позже одну из местных небольших улиц назвали его именем. Есть в Москве и несколько памятных досок, установленных в его честь на стенах домов, где он ранее жил*. Ему посвящено также немало стихов любящих его советских поэтов: Валентина Гафта, Андрея Дементьева, Юрия Визбора, Беллы Ахмадулиной и Булата Окуджавы.

Булат Окуджава

Булат Шалвович Окуджава родился в Москве 9 мая 1924 года в семье профессиональных революционеров-большевиков. Отец – Шалва Степанович Окуджава к моменту рождения сына был крупным партийным деятелем. Окончив

* Всего в городах и крупных посёлках России именем Владимира Высоцкого названы 222 улицы, установлено 32 памятника и 21 мемориальная доска.

в 1924 году Московские академические курсы партийной учёбы, был направлен на Кавказ комиссаром грузинской дивизии. Позднее занимал пост секретаря Тифлисского горкома ВКП(б). В этой должности вступил в конфликт с руководителем грузинской компартии Лаврентием Берией. Вследствие этого, был переведён на работу в Россию. В городе Нижний Тагил исполнял обязанности парторга Уральского вагоностроительного завода, затем – первого секретаря Нижневартовского горкома партии.

В феврале 1937 года, по доносу бывшего директора вагоностроительного завода Л.М. Марьясина, был обвинён в принадлежности к подпольной троцкистской организации и арестован. В августе этого же года – расстрелян. После ареста главы семьи, мать будущего поэта Ашхен Степановна Налбандян перебралась в Москву и вместе с сыном поселилась в коммунальной квартире на улице Арбат, дом 43. Булату в этот момент исполнилось 13 лет. Он тяжело пережил трагедию своей семьи и потому к сталинскому режиму всю оставшуюся жизнь относился крайне отрицательно. Это нашло отражение в его стихотворениях: «Чёрный ворон сквозь белое облако глянет», «Шестидесятники развенчивать усатого должны», «Письмо к маме» и некоторых других подобных стихах.

В 1938 году по троцкистскому делу была арестована и мать Булата Окуджавы Ашхен Степановна, работник партийных аппаратов Москвы, Тифлиса и Нижнего Тагила. Она отбывала девятилетний срок заключения в Карагандинских лагерях. Испытала все превратности судьбы, но от своих взглядов, о чём свидетельствует сам Булат Окуджава, никогда не отказывалась. Осталась верной своим юным мечтам о построении в СССР справедливого социалистического общества. Была освобождена из лагерного заключения лишь в 1947 году.

Лишившись обоих родителей, сам Булат, в ту пору шестнадцатилетний подросток, в 1940 году был вынужден уехать из Москвы к своим родственникам в Тбилиси. Здесь продолжил учёбу в школе, затем некоторое время

работал на тбилисском заводе учеником токаря. С достижением совершеннолетия, в августе 1942 года, был призван в армию и направлен в 10-й отдельный учебный мотомётный дивизион. Пройдя в нём двухмесячную подготовку, назначен миномётчиком в кавалерийский полк 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса. Прослужив два месяца, в декабре 1943 года, под Моздоком был ранен. После госпитального лечения, с января 1943 года служил в 124-м стрелковом запасном полку, позднее – в 126-й гаубичной артиллерийской бригаде, прикрывавшей границу СССР с Ираном и Турцией. В прямых боевых действиях больше не участвовал.

Демобилизован по состоянию здоровья в 1944 году в звании «гвардии красноармеец». Награждён медалями: «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После увольнения из армии вернулся в Тбилиси. Здесь в июне 1944 года закончил среднюю школу. В 1945 году стал студентом филологического факультета Тбилисского педагогического университета. По окончании университета был распределён на работу в Калужскую область. Сюда приехал вместе со своей первой женой Галиной Смольяниновой, выпускницей этого же университета. Работал учителем русского языка и библиотекарем в калужских школах сёл Шамордино и Высокиничи. В феврале 1952 года перевёлся на работу учителем русского языка и литературы в школу № 5 города Калуги. Проработав в ней около двух лет, занялся редакторской деятельностью. Сотрудничал с несколькими издательствами газет Калужской и Московской областей. В 1956 году при содействии редакции калужской газеты «Молодой ленинец» выпустил свой первый поэтический сборник «Лирика». В этом же году, после реабилитации родителей, был принят в члены КПСС.

Через два с половиной года переехал на постоянное жительство в Москву. Здесь продолжил редакторскую работу в издательстве журнала «Молодая гвардия», год спустя – в издательстве «Литературной газеты», где выполнял функ-

ции заведующего отдела поэзии. В 1961 году уволился и полностью переключился на творческую деятельность. Её начало сам Булат Шалвович связывает с 1946-м годом, когда его стихи впервые появились на страницах гарнизонной газеты Закавказского военного округа «Боец РККА». Десятью годами позже начал карьеру самодеятельного певца. В 1957–1958 годах прозвучали, ставшие очень популярными, песни: «Сентиментальный марш», «До свидания, мальчики», «Ах, Надя, Наденька» и некоторые другие.

К 1967 году Булат Окуджава был признан одним из лучших представителей отечественного бардовского искусства. Его песни «О Лёнке Королёве», «О голубом шарике», «О полночном троллейбусе», «О пехоте», «Не бродяги, не пропойцы» буквально заворожили Москву и другие крупные города Советского Союза. Популярность автора песен в 1961–1970 годы достигла своего пика.

В эти же годы Булат Шалвович начал активное сотрудничество с советским кинематографом. В 1970 году на экраны страны вышел замечательный фильм на военную тему «Белорусский вокзал», в котором прозвучала неповторимая по эмоциональному накалу песня «Нам нужна одна победа». Она была исполнена под гитарное сопровождение актрисой Ниной Ургант и произвела на зрителей подлинно неизгладимое впечатление. Успех этой песни, да и самого фильма, был огромен.

В общей сложности песни на стихи Окуджавы прозвучали в более чем 80 фильмах. Музыка для этих песен в ряде случаев писал не сам автор стихов, а другие композиторы, в частности – Исаак Шварц. Совместно с ним написано 32 песни. Среди них «Ваше благородие, госпожа удача» (фильм «Белое солнце пустыни»), «Кавалергарда век недолог» (фильм «Звезда пленительного счастья»), «Любовь и разлука» (фильм «Нас венчали не в церкви»). Всего же на счету Булата Окуджавы около 200 таких песен. Все они хорошо известны нашему благодарному зрителю и слушателю.

Получив полное и абсолютное признание миллионов советских граждан, Окуджава с 1967 года приступил к регу-

лярным концертным поездкам за рубеж. Он неоднократно побывал во Франции, в США, Канаде, Польше, Германии и Израиле. Во всех этих странах русского барда встречали с большим интересом, а не редко и с восторгом (особенно в русской эмигрантской среде). Так зародилась международная заслуженная популярность этого исключительно талантливого человека.

Многими исследователями творчество Булата Окуджавы названо универсальным. Помимо сочинения стихов и музыки к ним, помимо увлечённости кинематографией и актёрским искусством, Булат Шалвович занимался ещё и прозой. Писал романы, повести и рассказы. К наиболее известным из них относятся романы: «Путешествие дилетантов» (1976), «Свидание с Бонапартом» (1983) и автобиографическая повесть «Будь здоров, малыш». Не оставлена им без внимания и детская литература. Хорошо известные его детские очерки: «Фронт приходит к нам» и «Прелестные приключения». В молодые годы Окуджава немало времени посвятил также и переводческой деятельности. Много работал над стихами поэтов кавказских народов, переводил на русский язык стихи арабских, испанских, финских и шведских поэтов.

Как бард, прозаик и переводчик, Булат Шалвович оставил после себя огромное творческое наследие. Оно отражено в 22-х сборниках его стихотворений и в 16-и книгах прозаических произведений, изданных в период с 1956 по 2007 год в СССР, а затем и в постсоветской России.

В 1989 году советским издательством «Современник» осуществлён выпуск избранных стихотворений поэта в двух томах. Замечателен цикл стихов Окуджавы в книгах «Надежды маленький оркестрик» и «Под управлением любви», изданных в 2002 году екатеринбургским издательством «Фактория». Подобные издания имеются практически во всех республиках и автономных краях Российской Федерации. Поэтическое творчество Булата Шалвовича остаётся любимым у всех народов нашей многонациональной Родины.

Земной путь Окуджавы был непростым, во многих случаях драматическим. Он всю жизнь тяжело переживал гибель своего отца и других родственников. Искренне сокрушался по поводу девятилетнего лагерного заключения матери и потому, когда начались ельцинские преобразования, в своей восточной горячности решительно их поддержал. В 1990 году вышел из состава КПСС. Проявил симпатию к диссидентскому движению. Безудержно влюбился в западную демократию. Начал порочить Сталина и построенный им в СССР социалистический строй. Открыто выступил с требованием запрета коммунистической партии. Одним из первых вбросил в средства массовой информации мысль об идентичности сталинской и гитлеровской предвоенной политики, о равнозначности сталинского и гитлеровского режимов. Оправдал действия чеченских террористов в Будённовске. В 1995 году в интервью радиостанции «Свобода» заявил, что «когда-нибудь Басаева назовут героем». Видимо забыл о беззащитных женщинах родильного дома, которые были атакованы басаевскими бандитами. Наговорил и наделал в этот период массу труднообъяснимых глупостей, от которых, к счастью, в конце своей жизни был рад отречься, потому, что, как человек мудрый и опытный, уже к 1996 году осознал лживость и предательский по отношению к России характер деятельности Ельцина и его вороватых приспешников. Но сил для борьбы с новой напастью уже не осталось. Окуджава, как общественный деятель, резко замолчал и незаметно сошёл с политической сцены страны.

В 1997 году, во время деловой поездки во Францию, заболел гриппом. Болезнь протекала в тяжёлой форме и вызвала осложнение работы сердца и почек. Вследствие этого, в ночь на 12 июня этого же года поэт-песенник скончался на руках своей второй жены Ольги Арцимович во французском военном госпитале. Тело умершего барда было доставлено в Москву и захоронено на Ваганьковском кладбище в первом ряду за заданием колумбария, в левой его угловой части. Над прахом покойного возложен боль-

шой гранитный валун. На нём высечены фамилия, имя и отчество усопшего, а также даты его рождения и смерти. Так закончил свою сложную жизнь один из самых выдающихся поэтов-песенников России.

Поэтический и музыкальный багаж этого замечательного человека насчитывает более шестисот хорошо отработанных, совершенных по форме и содержанию стихотворений и песен. Своей тематикой они охватывают практически все стороны человеческого бытия. Много стихов и песен поэта посвящено России, которую он, хотя и был по национальности грузином, считал своей Родиной. Он мыслил, говорил и творил свои произведения на русском языке. О России, Москве, любимом им Арбате и других старинных улицах столицы написал множество замечательных стихов.

Конечно, Окуджава никогда не забывал и о родине своих предков. Об этом свидетельствует ряд его замечательных стихотворений посвященных Грузии и обычаям грузинского народа. К таким стихам относятся прекрасные стихотворные миниатюры: «Осень в Кахетии», «Житель Хевсуретии», «Последний мангал» и ряд других подобных им стихотворений. Но особенно хорош и трогателен стих «Грузинская песня»:

Виноградную косточку в тёплую землю зарю,
И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
И друзей созову, на любовь своё сердце настрою...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Булат Шалвович, как мы упоминали ранее, много ездил по странам Западной Европы и Северной Америки. Им он также посвятил немало своих стихов. Особенно ему нравилась Франция и её столица – вечный город Париж. Свои впечатления об этом городе и парижанах он отразил в стихах: «Мы стоим с тобой в обнимку возле Сены», «Парижская фантазия», «Париж для того, чтоб ходить по нему». О поездках в США оставил воспоминания в сти-

хотворениях: «Манхеттен», «Калифорния в цвету», «Из Вашингтона в назначенный срок». С десятков стихов адресовал Израилю, Англии, Польше и Латвии. Все эти стихи исполнены в благожелательной, чуточку восторженной манере, что указывает на добросердечный характер автора, на его влюблённость в большой земной мир.

Немало стихов Окуджава посвятил своим родственникам, друзьям, коллегам по поэтическому цеху. Особенно трогательны стихотворения обращённые поэтом к своим родителям – отцу Шалве Степановичу и матери Ашхен Степановне. Стихотворения эти в основном горестные. Боль о ранней утрате родителей жила в сердце Булата Шалвовича всю жизнь. Может быть, поэтому его реакция на смерть Сталина, а в последующем и на развал СССР, была столь раздражительна и столь мстительна.

Стержневым элементом стихотворчества Окуджава была и до конца дней оставалась военная тематика. На неё им написано более пятидесяти проникнутых глубокой грустью и печалью стихотворений. Первым в этом ряду стоит уже упомянутый ранее стих «О Лёньке Королёве». Затем были «Я ухожу от пули», «Чёрный мессер», «Песенка о московских ополченцах», «Песенка о пехоте», «Шла война к тому Берлину», «Из фронтового дневника» и множество других замечательных стихотворений. О солдате, об этом молчаливом труженике войны Булат Шалвович всегда говорил с большим личным сопереживанием, с неподдельной личной участливостью. Искренне жалел тысячи советских солдат, полёгших на полях сражений безжалостной Второй мировой войны. Бесценность и вместе с тем роковая уязвимость солдатской жизни им мастерски отражена в стихотворении «Бумажный солдатик». Как замечательны и трогательны слова этого грустного стихотворения:

Один солдат на свете жил,
Красивый и отважный,
Но он игрушкой детской был:
Ведь был солдат бумажный.

Он переделать мир хотел,
Чтоб был счастливым каждый,
А сам на ниточке висел:
Ведь был солдат бумажный.

В этого бумажного солдатика поэт вложил душу вчерашнего школьника-москвича, рвавшегося добровольно на фронт и погибающего там в ожесточённой схватке с врагом. В своих военных стихах Окуджава до боли искренен и, как мастер поэтического слова – великолепен.

Много стихов Окуджава посвятил своим жёнам, сыновьям, любимым и нравящимся женщинам. Булат Шалвович был женат дважды. О первой жене Галине Васильевне Смольяниновой мы уже упоминали. Она умерла от сердечной недостаточности на 40-м году жизни. От неё у поэта был сын Игорь и умершая в младенчестве дочь. Игорь в юности связался с плохой компанией и пристрастился к наркотикам. Умер в 43 года.

Вторая жена – Ольга Владимировна Окуджава (Арцимович) прожила с поэтом 35 лет до его последнего вздоха. От неё у Булата Шалвовича родился сын Антон, ставший впоследствии музыкантом и композитором. По его свидетельству, отцу всю жизнь были свойственны особая наблюдательность и особое умение радоваться мелочам жизни. Отсюда множество прекрасных ситуативных стихов с зарисовками состояния городской жизни, с показом человеческих переживаний, с отражением текущего состояния природных явлений, с умением выразить всё это философски со здоровой иронией, в том числе и по отношению к самому себе. Вот мы видим его бегущим за кем-то на «тоненьких ножках», вот он машет кому-то вслед своей, опять же «тоненькой ручкой». Вот он сетует по поводу перегоревшей в коридоре коммунальной квартиры лампочки, которую жильцы никак не могут заменить потому, что не могут собрать на неё денег. Вот он ведёт душевный разговор с сыном, в котором именуется себя «лежебокой и плутом», который и на войне смог пристроиться «в тёплом

окопе на сытую должность стрелка» и который всё стремится заработать себе и сыну на штаны не тяжкой киркой, а лёгкой поэтической строчкой. В этом ироническом толковании себя и своих поступков Окуджава также велик и неповторим.

Пожизненный памятник поэт воздвиг себе сам. Это его великолепные стихи и песни. Посмертные предметные памятники, барельефы и настенные доски – это лишь наше отношение к барду, напоминание людям о нём. Самый известный памятник Булату Окуджаве работы скульптора Георгия Франгуляна установлен на Старом Арбате в Москве. Изящный барельеф в его память находится во дворе калужской школы № 5, где он в начале 1950-х около двух лет работал учителем. Памятная доска о нём размещена на фасаде нижнетагильской школы № 32, где он в 1936–1937 годах учился в шестом классе. Все эти памятные предметы воспроизводят образ и этапы жизни прекрасного русского поэта-песенника. Сам же он по-прежнему живёт в сердцах граждан нашей страны, в сердцах благодарных почитателей его большого поэтического и песенного таланта.

Николай Рубцов

Рядом с Высоцким и Окуджавой, но на некотором личностном расстоянии от них, в 1960-е и 1970-е годы успешно творил ещё один замечательный поэт-песенник России – Николай Михайлович Рубцов (1936–1971), чей голос выдающийся русский композитор Георгий Свиридов назвал «тихим голосом великого народа, голосом потаённым и глубоким». Талант Рубцова он ставил в один ряд с талантом Сергея Есенина, с которым Рубцова роднит не только особая лиричность их стихов, но и их музыкальность. На стихотворения и того и другого написано множество прекрасных романсов и песен, часть из которых, по праву, в наше время уже считается народными. Из них к рубцовским относятся: «В этой деревне огни не погашены»,

«В минуты музыки печальной», «Я буду долго гнать велосипед», «Звезда полей», «Я люблю, когда шумит берёза», «В горнице моей светло» и другие. Всего к настоящему моменту на стихи Рубцова написано не менее 150 песен и романсов.

Николай Рубцов в какой-то мере сроден с Сергеем Есениным и по скандальным эпизодам своей жизни. Он, как и Есенин, был склонен к выпивкам и шумным пьяным ссорам. Да и ранняя смерть Рубцова в чём-то схожа с есенинской насильственной смертью.

Николай Рубцов родился 3 января 1936 года в посёлке Емецк Северного края (ныне Холмогорского района Архангельской области) в семье начальника отдела рабочего снабжения местного леспромхоза Михаила Андриановича и домохозяйки Александры Михайловны Рубцовых. В январе 1941 году семья переехала в Вологду. Мать умерла в июне 1942 года, когда отец уже был призван в армию. От некогда большой семьи осталось четверо осиротевших детей. Двух старших взяли родственники, а младших – Николая и Бориса – определили в Красковский дошкольный детский дом под Вологдой.

Через год Николая перевели в школьный детский дом в селе Никольское Тотемского района Вологодской области. Село, называемое в народе «деревней Николой», будущий поэт стал считать своей Малой родиной и затем часто упоминал о нём в своих стихах. Сюда он потом многократно возвращался в ходе своей взрослой скитальческой жизни, здесь находил временный приют и отдохновение от многих пережитых им жизненных испытаний.

Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу.

Любимыми школьными предметами у Николая были рисование и музыка. Он сам научился игре на гармонии и по праздникам выступал на самодеятельных концертах. В 1945 году, в возрасте девяти лет, написал одно из своих

самых ранних стихотворений «Зима». Тогда же завёл альбом, куда начал записывать все последующие стихи. Каждое из них иллюстрировал. Чаще всего на рисунках в альбоме было изображено море. Он с детства мечтал служить на флоте, чтобы повидать другие страны и их города.

В 1950 году Николай, окончив семь классов, отправился поступать в Рижскую мореходку, где у него по малолетству (было 14 лет) не приняли документы. Пробовал поступить в Ленинградское художественное училище, но тоже – безуспешно. В августе того же года был зачислен в Тотемский лесотехнический техникум, где окончил два курса. Летом 1952 года, получив паспорт, пытался поступить в Архангельскую мореходку, но вновь – неудачно. По неподтверждённым документами данным, какое-то время якобы работал в избе-читальне, выполняя обязанности администратора, библиотекаря и истопника. В это время, как утверждают некоторые биографы Рубцова, серьёзно увлёкся чтением отечественной литературы, особенно трудами русских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Фета. Под их влиянием приступил к написанию своих уже более зрелых, но всё ещё подражательных стихотворений. Осознавая это, самокритично отмечал:

Строптивый стих, как зверь страшенный,
Горбатясь, бьётся под рукой.

Осенью 1952 года Рубцову удалось, как он говорил, «прорваться» к морю. Именно тогда он устроился на Архангельский траловый флот помощником кочегара на тральщик РТ-20 «Архангельск». Убирал золу из топок и подвозил тачки с углём. В этот период продолжал писать стихи, которые стали приобретать всё более совершенные формы. Так появились стихотворения: «Морские выходки», «Шторм», «На берегу», «Утро на море», «Ненастье» и другие.

Я весь в мазуте, весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!

Работа была тяжелой. В июле 1953 года Николай уволился с тральщика и уехал в город Кировск Мурманской области, где поступил в горно-химический техникум. Профильные предметы – математика, физика, химия и черчение ему давались с трудом. В январе 1955 года Рубцов был отчислен из техникума за неуспеваемость. Потерпев неудачу в учёбе, уехал в Вологду, где впервые с 1942 года встретился с отцом и старшим братом Альбертом. Во второй отцовской семье Николаю места не нашлось – мачеха не захотела жить с пасынком. Рубцов отца понял, но, очевидно, не простил*. Перебрался в посёлок Приютино под Ленинградом, где некоторое время работал слесарем-сборщиком на артиллерийском испытательном полигоне.

В конце 1955 года Николая призвали на военную службу, которую он проходил на Северном флоте матросом эсминца «Острый». Через год стал отличником боевой и политической подготовки. В свободное от вахты время писал стихи, посещал занятия литературного объединения при флотской газете «На страже Заполярья». В ней и появились его первые публикации: стихи «Старпомы ждут своих матросов», «Хороший улов», «В океане», «Летел приказ» и другие. Некоторые стихотворения были опубликованы во флотском коллективном сборнике «На страже Родины любимой» в 1958 году и в первом номере флотского альманаха «Полярное сияние» в 1959 году.

Во флотской среде Николай Рубцов зарекомендовал себя и как исполнитель песен на собственную музыку. Он мастерски исполнял их под гармонь и гитару, которыми овладел ещё в детские и юношеские годы. Военная служба прошла под знаком увлечённости поэзией Сергея Есенина. «Коля прочитал всё, что было у меня о Есенине... – вспоминал рязанский прозаик Валентин Сафонов, служивший вместе с Рубцовым. – Брат прислал мне двухтомник Есени-

* Понять и простить – разные вещи. В 1957 году, прибыв в отпуск с Северного флота в Приютино, написал стихотворение «Берёзы», где есть строка «На войне отца убила пуля...»

на, вышедший в 56-м в Госиздате... Вот это был праздник!.. Тогда, в машинном отделении, мы не читали друг другу собственных стихов... Говорили только о Есенине».

Демобилизовавшись осенью 1959 года, Николай приехал в Ленинград, где около трёх лет работал кочегаром, слесарем и шихтовщиком на знаменитом Кировском заводе*. В 1960 году поступил в вечернюю школу рабочей молодёжи. Одновременно с этим начал посещать занятия литературного объединения «Нарвская застава». Писал стихи постоянно, в том числе для заводской многотиражки «Кировец» и городской газеты «Вечерний Ленинград». Работы молодого автора понравились ленинградскому читателю и 24 января 1962 года он выступил с чтением своих стихов на вечере молодых поэтов в ленинградском Доме писателей. После этого к Рубцову пришёл первый, но уже вполне значимый для него успех.

Уже тогда он начал осознавать слабость своей ранней, несколько приклатнённой поэтики и перешёл на написание более серьёзных, волнующих душу советских людей, стихов. Помимо этого, на этом этапе он резко отошёл от футуристической ударной манеры делания стихов (некоторое время подражал Маяковскому) и переключился на строгие, близкие его сердцу, классические формы стихосложения. Так появились замечательные стихотворения: «Деревенские ночи», «Берёзы», «Добрый Филя», «Видения на холме», «Утро утраты», «Разлад» и другие. С появлением этих стихотворений перед советским читателем предстал уже совсем другой Рубцов – Рубцов со своим особым стилем и особыми тематическими установками. Он вслед за Тютчевым, Фетом, Есениным и Исаковским стал искусным лирическим певцом своей Родины, её людей и её природы.

* В 2001 году в Петербурге на здании управления Кировского завода установлена мраморная мемориальная доска с барельефом поэта и его знаменитыми словами: «Россия! Русь! Храни себя, храни!». В 2010 году одна из новых улиц северной столицы названа именем Николая Рубцова.

Летом 1962 года литератор Борис Тайгин для Николая напечатал на машинке шесть экземпляров его первого поэтического сборника «Волны и скалы»*, каждый из которых содержал тридцать восемь специально отобранных стихотворений.

С одним из этих сборников, а также с выпускным аттестатом за десять классов вечерней школы поэт поехал в Москву для поступления в Литературный институт имени Максима Горького. Экзамены сдал успешно и 23 августа был зачислен на очное отделение института. На стихи Рубцова обратил внимание руководитель поэтического семинара опытный педагог Николай Николаевич Сидоренко. Своё восхищение работами первокурсника он дошёл до ректора института Ивана Николаевича Серёгина и тот, ознакомившись с ними, сумел безошибочно определить в Рубцове большой поэтический дар, развитию и совершенствованию которого стремился затем всячески содействовать.

Обучаясь в институте, Николай Рубцов вошёл в контакт с рядом молодых московских поэтов, объединённых в литературный кружок по идентичности взглядов на цели и задачи современной им русской поэзии. Их они видели в обслуживании интересов читателей так называемой «глубинки», то есть жителей малых городов, деревень и сёл, сохранивших, как они считали, дух подлинной России. Это небольшое объединение насчитывало около десяти поэтов. С вхождением в него более зрелого по возрасту Николая Рубцова оно постепенно начало превращаться в поэтический клуб так называемых «деревенщиков», в новое литературное течение, названное позднее «тихой лирикой». Под влиянием наиболее талантливых членов этого литературного движения творчество Николая Рубцова существенным образом преобразилось. Он смог в полной

* Название сборника Рубцов позднее объяснил так: «волны» – это волнения жизни, а «скалы» – препятствия на жизненном пути человека.

мере осознать истинную ценность избранного его друзьями пути и прочно утвердился вместе с ними на нём.

Проживая в Москве, продолжал активно писать стихи. Часть из них была опубликована в популярных московских журналах «Юность» и «Октябрь». Именно эти стихи тремя годами позже легли в основу его первой, изданной в Архангельске трёхтысячным тиражом, книги «Лирика». Она стала популярной в читательской среде и немало способствовала росту авторитета Рубцова, его относительно быстрому вхождению в большую советскую литературу.

Благополучное течение событий продолжалось до июня 1964 года. В этот период у получившего уже значительную известность поэта возник конфликт с администрацией московского Центрального Дома литераторов (ЦДЛ). Он часто посещал этот Дом. В июне месяце, неожиданно для себя, стал участником заседания представителей Министерства образования СССР, на котором обсуждалась программа преподавания русского языка и литературы в средней школе.

Среди предложенных писателей и поэтов, чьи труды должны были изучаться школьниками, не оказалось Сергея Есенина. Рубцов резко возмутился по этому поводу и с места громко заявил о неправильности такого подхода. Поскольку он не был членом учредительной комиссии, его попросили не вмешиваться в ведущуюся дискуссию. В конечном итоге возникла перебранка, а затем – и потасовка со служебным персоналом Дома литераторов. Имя возмутителя спокойствия было установлено, а сущность инцидента передана в ректорат Литературного института. Ценивший талант Рубцова ректор Серёгин находился в этот момент на лечении в больнице, а временно его замещающий проректор Алексей Андреевич Мигунов, не разобравшись до конца в существе дела, поспешил издать приказ об исключении Рубцова из института. Отчисление состоялось уже через несколько дней. Спустя полгода, по поданной Рубцовым апелляции, было принято решение ректората Литинститута о восстановлении его в правах

студента, но студента не очного, а заочного факультета. Это вынудило поэта покинуть Москву и возвратиться на родину, в село Никольское.

Отныне в столицу он стал наезжать только для сдачи экзаменов, но и в этих условиях ухитрялся попадать в пьяные истории, вследствие чего ещё трижды рисковал быть отстранённым от учёбы. Учась в институте, продолжал жить в Никольском, пытался устроиться на работу в редакции некоторых местных газет, но безуспешно. Делал попытки жить за счёт стихотворчества, для чего некоторые из своих стихотворений направлял в региональные издательства Тотьмы и Вологды, но эта деятельность также не принесла нужного результата. Получаемые за неё гонорары были мизерными. Жизнь оставалась бедной и скудной. Несмотря на это, Рубцов в 1967 году всё-таки сумел в издательстве «Советский писатель» выпустить свою вторую книгу «Звезда полей», которую в декабре 1968 года* представил в Литинституте в качестве дипломной работы. Защита диплома прошла блестяще. Эту защиту ректор института назвал праздником и заявил, что институт «провожает в большую литературу не новичка, а уже сложившегося поэта, причём поэта самобытного и талантливого».

Книга была действительно замечательна. Она включила в себя более пятидесяти совершенных, проникнутых особым сердечным чувством стихотворений. Среди них: «В горнице моей светло», «Много серой воды, много серого неба», «Я уеду из этой деревни», «В святой обители природы», «В минуты музыки печальной», «Люблю ветер». В этих и других стихах книги раскрылась широкая душа Рубцова, душа страдающая и щедро отзывающаяся на все явления русской народной жизни. Поэтому с этого момента в чи-

* Весной 1968 года Рубцов побывал на родине Есенина. Тогда же, 19 апреля, был принят в члены Союза писателей СССР. Писательским билетом гордился и очень им дорожил. Диплом об окончании Литинститута получил 23 мая 1969 года по специальности «литературный работник».

тательской и писательской среде он всё чаще стал негласно именоваться народным поэтом.

Особый талант Рубцова заметило и партийное руководство страны. 19 августа 1967 года главный печатный орган КПСС газета «Правда» поместила обзорную статью о поэзии, в которой отмечалось: «Наиболее приметное и самобытное явление – книга Николая Рубцова «Звезда полей», лучшие страницы которой захватывают чистым и проникновенным лиризмом, чем-то отвечающим есенинскому, но совершенно самостоятельным по своему характеру».

После «Звезды полей» Николай Михайлович Рубцов сумел в короткие сроки опубликовать ещё две книги стихов: «Душа хранит» и «Сосен шум». Помимо этого, в 1970 году в Москве несколькими циклами был опубликован ряд уже известных и совсем новых стихов поэта в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Октябрь». Стихи названных сборников и циклов хранят на себе оттенок созерцательной печали и грусти, а также бесконечную любовь поэта к своей скуповатой на яркие краски северной Родине. Особенно хороши стихотворения: «Зачем ты, ива, вырастаешь?», «Ветер под окошками», «Привет Россия, – родина моя», «Как далеко дороги пролегли», «До конца». В последнем из названных стихотворений поэт искренне исповедуется перед своим единственным божеством – любимой им Россией:

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Жёлтой, захолустной,
Стороной берёзовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной

В дни осенних
Горестных дождей.
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

Замечательно также стихотворение «В этой деревне
огни не погашены». В нём вся боль Рубцова за свой люби-
мый край, за свою Малую родину:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звёздами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное – всё забывается,
Светлые звёзды горят.

Как истинный пророк, поэт своей душой ощущал гря-
дущие беды России и всеми доступными средствами стре-
мился оградить её от них:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.

Беда в Россию придёт позже, в начале 1990-х. Перестанет существовать воспетая им Советская Родина. Новые «татары и монголы» сделают всё возможное, чтобы это случилось со всем непредвиденным трагизмом и тяжёлыми людскими несчастьями. Но это будет потом. Во второй половине 1960-х годов Рубцов продолжал жить и писать стихи в своём родном Никольском. Ютился на съёмных квартирах, иногда на короткое время уезжал в города Тотьму и Вологду. Единственным источником жизни оставались гонорары московских журналов, но они были невелики и непостоянны.

Ещё до окончания Литинститута, в июле 1967 года, обращался в Вологодский обком КПСС с просьбой о предоставлении жилой площади. В 1968 году такую площадь наконец получил в общежитии совпартшколы, в комнате на трёх постояльцев. Затем была комната в коммунальной квартире со сварливыми соседями. Свою небольшую однокомнатную квартиру в Вологде обрёл лишь весной 1969 года. Переезжая в новое жильё, имел на руках всего лишь потрёпанный чемодан и томик Тютчева. Осенью того же года был зачислен в штат редакции газеты «Вологодский комсомолец» литературным консультантом. Был женат. В браке имел дочь Лену, но с семьёй не жил, хотя поддерживал с ней постоянную связь. В Вологде сошёлся с Людмилой Дербиной, которая тоже была литератором, занималась мемуаристикой и стихотворчеством.

Как отмечают многие литературоведы, в эти, уже казалось бы, более или менее спокойные годы, рубцовская

поэтика стала окрашиваться трагической тональностью. Появилось много стихов на тему о смерти, о конечности жизни, о кладбищенском покое и тишине. Свою раннюю гибель поэт предсказал ещё в 1960 году в возрасте двадцати четырёх лет в десятистрочном стихотворении «Я умру в крещенские морозы». Накануне фактической смерти, сетуя на неудавшуюся личную жизнь, как бы прощаясь с ней, писал:

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой,
Пусть меня ещё любят и ищут
Над моей одинокой рекой

Пусть ещё всевозможное благо
Обещают на той стороне...
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне.

Столь же грустными и пророчески трагичными были стихотворения «Стоит село на правом берегу» и «Кто-то стонет на тёмном кладбище». Поэт предчувствовал свою скорую гибель, и она случилась именно в крещенские морозы, в четыре часа утра 19 января 1971 года. Как это нередко бывало и ранее, Рубцов сильно выпил и поссорился со своей гражданской женой Людмилой. Подавленная, она сидела на кровати, у стены. Он же, допив стакан вина, швырнул его в стену над её головой. Стакан разбился, и его осколки посыпались на постель и на неё. В отчаянии она подумала: «Вот сегодня он уедет в Москву, а я покончу с собой»*. Но случилось иначе. Рубцов вдруг пригласил её ложиться спать и, подойдя к ней, потянул к себе. Завязалась короткая борьба, в ходе которой Людмила, будучи женщиной по телосложению крупной и сильной, сумела

* Рубцов действительно собирался ехать в московское издательство «Советская Россия» для решения вопроса о выпуске сборника «Зелёные цветы».

перехватить его руку и затем указательным и большим пальцами правой руки упёрлась в его шею. Он резко оттолкнул её от себя, но тут же неожиданно перевернулся вниз лицом и затих. Через мгновение он был уже мёртв.

Испуганная и подавленная случившимся, Дербина бросилась в милицию и заявила, что она виновата в гибели мужа, что непреднамеренно удушила его. Её судили и признали виновной. Молодая женщина была обречена на семь лет пребывания в Вологодской женской колонии. Удушить Рубцова, по её оценкам, она не могла. Он оттолкнул её резко и с силой от себя. Удушенный человек, конечно же, сделать этого не мог. Скорее всего, как она считала, он скончался от инфаркта, инсульта или тромбоэмболии. Почему этого не установили вологодские патологоанатомы осталось для неё тайной. Вследствие их ошибки жертвой всей этой печальной истории стала якобы именно она – Людмила Дербина, потерявшая своё честное имя, здоровье, перспективу стать профессиональным литератором, а по двум, уже составленным книгам стихов – членом Вологодского отделения Союза писателей СССР. В 1994 году ей всё-таки удалось опубликовать одну из этих книг под названием «Крушина»*.

После гибели Николай Рубцов был похоронен в Вологде на Пошехонском кладбище. Над его могилой стоит скромная прямоугольная стела с обозначением на ней кратких биографических сведений о покойном. В июне 1998 года

* Сцена гибели Николая Рубцова представлена в данной книге на основании личных оценок Людмилы Дербиной. Но она их в ходе следствия, а затем на протяжении последующих лет неоднократно меняла. В ряде случаев, в том числе и в своих стихах, прямо говорила о том, что непреднамеренно, в состоянии аффекта, действительно задушила своего, не особенно ею любимого гражданского мужа.

Убийцей Рубцова Дербину безоговорочно считают многие авторитетные российские литераторы: Валентин Суховский, Глеб Горбовский, Виктор Коротаев, Егор Исаев, а также практически все бывшие друзья поэта по Литинституту.

в самой Вологде, недалеко от дома, где жил и погиб Рубцов, был установлен бронзовый памятник. Поэт стоит во весь рост с небольшим дорожным чемоданом в руке. Так автор памятника череповецкий скульптор Александр Михайлович Шебунин через предметный атрибут изобразил извечную скитальческую жизнь Николая Рубцова, великого, к сожалению, столь рано ушедшего из жизни нашего современника.

В родной для Рубцова Тотье его имя присвоено местной библиотеке. Здесь же, на берегу реки Сухоны, разбит парк, на одной из центральных аллей которого сооружена посвященная поэту скульптурная композиция работы известного советского ваятеля Вячеслава Михайловича Клыкова. Вологодская земля помнит своего великого сына и продолжает чтить его особый поэтический талант.

Значительную роль в увековечивании памяти Рубцова сыграли его ближайшие друзья. Их усилиями все последние журнальные циклы стихотворений поэта были объединены в отдельные поэтические сборники: «Зелёные цветы», «Последний пароход», «Избранная лирика» и «Подорожники». Совместно с прижизненно изданными книгами: «Лирика», «Звезда полей», «Душа хранит» и «Сосен шум» все эти литературные шедевры составили бесценное наследие продолжателя особой лирической русской поэтики, которая, как мы упоминали ранее, прошла через творчество Тютчева, Фета, Есенина, Исаковского и остановилась на Рубцове. Других поэтов равных этим светилам русской, нежно-печальной, глубинно-сердечной, особо близкой нам поэзии русская земля пока не родила. Возможно, что к ним со временем будут отнесены замечательные современные поэты-песенники Роберт Рождественский и Николай Добронравов. Однако в наше переходное время и тот и другой задвинуты руководителями российской культуры в непроглядный мрак полузабвения. Их поэтическое песенное искусство упорно замалчивается. О них практически ничего не слышно, а если и слышно, то только по каким-либо официальным датам. А ведь это – большие и очень талант-

ливые поэты, на произведениях которых могли бы воспитываться новые поколения истинных патриотов нашей страны.

Можно допустить, что в 1990-х и 2000-х годах в нашей стране появились и иные, подобные им поэты, но мы о них ничего не знаем, потому, что за последние тридцать лет в России резко изменилось отношение к поэзии, как и к национальной культуре в целом. Это отношение во многих случаях стало либо равнодушным, либо открыто враждебным.

Современное состояние русской поэзии

Николай Рубцов ушёл из жизни в 1971 году. Последние пять-шесть лет его творческая деятельность соприкасалась с деятельностью поэтов более старшего поколения: Анны Ахматовой, Николая Асеева, Давида Самойлова, Константина Симонова, Расула Гамзатова, Булата Окуджавы и некоторых других известных поэтов сталинской и хрущёвской эпох. Они сохраняли свой вес и влияние в советской литературе, но их творческий потенциал по естественным возрастным причинам стал постепенно иссякать. К началу 2000-х почти все они один за другим ушли из жизни. На передний план выдвинулись рождённые в «хрущёвскую оттепель», упомянутые ранее: Рождественский, Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский, Визбор, Галич и другие поэты.

Их творчество, как и в прежние времена, оставалось публичным и широко освещалось средствами массовой информации страны. По-прежнему действовало много площадок постоянных встреч поэтов со своим читателем, в том числе – знаменитый зал Политехнического музея в Москве, где поэты организовывали чтение своих стихов перед широкой аудиторией столичных любителей русской поэзии. Помимо этих возможностей поэты – члены Союза

писателей СССР имели право на печатание своих книг за государственный счёт практически во всех государственных издательствах страны.

Поэты не имеющие этого статуса могли на конкурсной основе печататься в многочисленных как столичных, так и региональных журналах и газетах, получая за опубликованные стихи вполне приличные гонорары. Так было, и отрицать этого ни один честный человек не может. Даже не особо нравящимся советскому руководству поэтам Вознесенскому и Бродскому удавалось в советское время издавать свои книги многотысячными тиражами. Так продолжалось и в брежневские и горбачёвские годы. Такому положению вещей некоторый период времени в немалой степени способствовал истинный патриот России, последний министр культуры СССР Николай Николаевич Губенко. Именно он, понимая ухудшающееся положение писательского состава страны, делал всё возможное, чтобы обеспечить ему нормальные условия работы.

Крах отечественной культуры и всех её основных направлений наступил с приходом к власти в стране в начале 1990-х предательского ельцинско-собчаковского и гайдаро-чубайсовского политического режима. Именно этим режимом было изуродовано и выжжено всё человеческое, всё доброе, всё созидательно-значимое, что было создано многими предшествующими поколениями представителей подлинно русской многонациональной культуры.

На передний план выдвинулся прозападный, глетворный, разрушающий традиционный уклад русской жизни, её образец. Серьёзно пострадала проза. Поэзия же вообще сделалась почти недоступной народу. Новому буржуазно-компрадорскому государству поэт стал не нужен. Исчезли авторские вечера, исчезла государственная поддержка творчества поэтов. Все отделения бывшего Союза писателей СССР были поставлены на колени. Их объявили общественно-коммерческими организациями, на основе чего, полностью лишили планового государственного материально-денежного обеспечения. Вместо живого русского слова,

вместо русского стиха и песни во всех средствах массовой информации, как по команде, зазвучала картавая, трудно воспринимаемая на наш слух англо-саксонская речь.

Всё это было достигнуто за счёт пригретых Западом русских либералов, к числу которых, несомненно, принадлежал и продолжает принадлежать бывший министр культуры, а затем бывший председатель Федерального агентства по культуре и кинематографии Михаил Швыдкой. Не успев занять министерский пост, он тотчас же выступил с рядом критических замечаний в адрес некоторых советских писателей. Не остались вне критики и работы некоторых классиков русской литературы, в том числе Александра Сергеевича Пушкина, первого и неповторимого по своему значению поэта России. В 2008 году, занимая пост президента АРТ и отвечая за деятельность российского радио и телевидения по подготовке к празднованию предстоящей 210-й годовщины со дня рождения поэта, Швыдкой позволил себе, обращаясь с речью к многомиллионной аудитории телезрителей, усомниться в пользе для россиян пушкинского поэтического наследия. При этом лучшим поэтом страны назвал Иосифа Бродского (видимо кулик хвалил своё болото). Может быть, Бродский действительно является неплохим поэтом, но даже бы и он, услышав столь вольное противопоставление себя Пушкину, вряд ли бы одобрил его.

Возможно у Швыдкойя, судя по его многочисленным наградам Российской Федерации и ряда иностранных государств, и есть какие-то заслуги перед русской культурой, но уже эти, совершенно необоснованные нападки на первого поэта России, сводят эти достижения к нулю. Он и сейчас продолжает крутиться подле русской культуры. Его нередко можно видеть на телеэкранах с лукавой ухмылкой на лице, потирающим лоснящиеся от жира ладони рук, произносящим какую-нибудь очередную шутку на свой особый хитроватый манер.

Пост министра культуры РФ после него занимало несколько иных, ныне хорошо известных, персонажей. До 2020 года одним из них был интеллигентный, тихий по

своей природе, Владимир Ростиславович Мединский. Судя по выпущенным им книгам в защиту России, он является безусловным патриотом нашей страны. В своих работах он умело и доказательно развенчал западные мифы об особой жестокости русской истории, о русской технической отсталости, о России, как тюрьме народов, о русском воровстве и мздоимстве. Наконец, он показал и назвал конкретных лиц, которые вопреки реальной правде, распространяли и распространяют подобные мифы. Всё это, конечно же, очень и очень хорошо. Но возникает вопрос, а что же сделано Мединским собственно для русской культуры, для её развития и расцвета? Об этом можно догадываться лишь по выполнению некоторых текущих программных задач: где-то что-то подлатали, где-то что-то открыли, чему-то присвоили какое-то имя и т.д. Существенных положительных изменений в отечественной культуре во время исполнения Мединским своих министерских обязанностей, по мнению многих россиян, не произошло. Тому, конечно, есть объективные объяснения. Бюджет Министерства культуры сжат до предела и формируется с начала 1990-х годов по остаточному принципу. Конституционные законы сковывают действия министра и его аппарата по пресечению разнузданной деятельности некоторых представителей искусства, вставших на путь очернения русской действительности, на путь демонстрации порнографии и разврата.

Особенно это касается театра. Некоторые режиссёры и постановщики позволяют себе исказить по своему усмотрению даже уже устоявшиеся пьесы и гоняют по сцене оголётанных, в том числе и уже немолодых, актёров и актрис, заставляя их исполнять откровенно эротические роли. К сожалению, данное явление широко распространено и свойственно многим как столичным, так и периферийным театрам нашей страны. Оно предопределено погоней за лёгкими и большими деньгами, а не традиционной установкой русского театра и русской культуры в целом нести в народ умное, честное, доброе и поэтому вечное национальное искусство.

Подобное явление перенесено и на литературу. В настоящее время появилось немало прозаиков и поэтов, которые с маниакальным упорством настаивают на использовании в литературных произведениях нецензурной речи. Мало этого, где только можно, они эту речь применяют, ссылаясь на необходимость усиления прозы и стихов «народным словом и народным чувством». В этом отношении министр культуры беспомощен. У него нет рычагов воздействия на эту ситуацию! Нет здоровой цензуры! Он даже пальцем пригрозить не может подобным псевдоноваторам, а на самом деле – гробовщикам нашей традиционно-гуманной национальной культуры.

20 января 2020 года пост министра культуры в правительстве РФ заняла бывшая руководитель Департамента кинематографии Любимова Ольга Владимировна. Перед ней стоят всё те же трудновыполнимые задачи. Правда, под её патронажем в 2022 году наметился как будто бы небольшой сдвиг в работе центральных литературных объединений, в том числе и в работе Союза писателей России (СПР). Вроде бы начат разговор о объединительных процессах, о поддержке литераторов государством в более расширенных масштабах, чем это было до сих пор.

Этот сдвиг назрел давно, так как даже такая большая, включающая в себя более трети писателей и поэтов страны, организация, как Московская городская организация Союза писателей России (МГО СПР), испытывала и продолжает испытывать существенные трудности как организационного, так и материального порядка. Какой-либо существенной помощи ей со стороны государства в лице Министерства культуры РФ в последние годы не было и до сих пор нет. Судя по материалам докладов руководителя МГО СПР Владимира Георгиевича Бояринова, нет такой помощи и от Московского правительства. Более того, МГО СПР обязана платить этому правительству огромные налоговые суммы за занимаемые ею помещения и землю. Эти платежи поглощают практически все доходы организации и сказываются на качестве её работы с писательским составом.

вом. Достаточно сказать, что для экономии материальных средств штат МГО СПР в последние четыре года был сокращён более чем в два раза.

Доходы же организации невелики и складываются из ежегодных взносов её членов; средств, получаемых от издательской и переводческой деятельности, а также от кооперативных деловых связей с другими организациями, в частности, с библиотеками Москвы и Подмосковья. В 2019 году общая месячная сумма таких доходов составила не более трёх миллионов рублей. Этого, конечно же, недостаточно для нормального финансирования такой важной организации, как Московская городская писательская организация.

Тем не менее, несмотря на все указанные трудности, МГО СПР, к чести её руководителей и сотрудников, продолжает делать всё возможное для поддержания писательского дела в России. Не имея возможности оплачивать расходы авторов на печатание своих книг, она даёт им выход на страницы центральных и региональных альманахов, журналов и газет. Помимо этого, ею продолжают устраиваться встречи писателей и поэтов со своими читателями в многочисленных залах различных общественных и государственных учреждений, в том числе – в Большом и Малом залах Московского Центрального дома литераторов. Периодически организуются конкурсы претендентов на завоевание литературных премий имени выдающихся деятелей русской национальной культуры. Победителям вручаются памятные дипломы и медали. Таким образом, несмотря на все сложности текущего момента, деятельность МГО СПР продолжается, а с ней продолжается деятельность и входящего в неё писательского состава.

Всё это до некоторой степени вдохновляет. Но вопрос развития национальной культуры в стране остаётся нерешённым. А без этого невозможно развитие и укрепление национальной государственности России. Советский Союз был сильнейшей мировой военной державой, но разрушился в один момент как только были подточены его

культурно-нравственные устои. Обманчивая перспектива сытой и беззаботной западной жизни ослабила и развратила политическую элиту и значительную часть интеллигенции нашей страны. С их нравственным падением пало и государство.

Поэтому следует вновь осознать, что истинные скрепы государственной устойчивости находятся не столько в военной сфере (хотя она очень важна), сколько – в «культурном патриотизме» наших граждан. Именно здесь находится ключ к нашим победам и нашим роковым промахам. Не уделять внимания традиционной национальной культуре, национальному языку, национальному, поддерживаемому государством, процессу обучения и воспитания молодых соотечественников, значит умышленно идти по пути неминуемой гибели. На культуру, её развитие и совершенствование в духе традиционных ценностей народов нашей многонациональной страны должны быть направлены надлежащие усилия как государственных структур, так и наших лучших людей, в том числе и из писательской среды. При этом, как заметила талантливая журналистка Елена Колядина, именно «литература должна стать особо охраняемым объектом России». Гнилой либерализм и слепое западничество из неё должны быть раз и навсегда решительно изгнаны.

Подобных взглядов придерживаются очень многие истинные патриоты нашей страны. Особый вред и особую опасность развращающего влияния Запада на нашу культуру отмечают известные современные мыслители России Александр Проханов и Александр Дугин. На таких же позициях стоят иерархи Русской Православной церкви, а также все без исключения лидеры ведущих партий России. Их поддерживает абсолютное большинство патриотически настроенных русских писателей и поэтов.

Отражая их мнение, сопредседатель Союза писателей России, лауреат Государственных премий СССР и РФ Пётр Проскурин в недавно опубликованной статье «Тревога за ниву духовности» прямо указал на недопустимость переко-

са национальной культуры в сторону западного либерализма. Высказался за решительное возрождение национального искусства в традиционных для него жанрах и видах. Призвал писательский состав ориентировать своего читателя на «государственность, патриотизм и народность», как на единственно верное средство ведения правильной национально-ориентированной культурной политики.

К счастью, такой состав в нашей стране есть и он продолжает активно работать в интересах народа. Есть много талантливых поэтов, в том числе и из молодёжной среды. Беда в том, что во многих случаях они не могут, в силу ряда ограничений, должным образом себя проявить и представить. Любительской поэзией занимаются тысячи талантливых людей из самых разных социальных слоёв нашего общества. Действуют и профессиональные поэты. Но даже и их голос остаётся почти неслышимым. Поэтому государство, как и в советские времена, должно им помочь приблизить своё творчество к народным массам, а сами эти массы должны быть научены глубокой любви к национальной литературе, в том числе и к поэзии. Настороженность же государства к правдивой критике, исходящей от поэзии, должна быть преодолена и изжита. Для этого само государство должно вновь стать народным, социально ориентированным и справедливым. Да и сам поэт обязан существенно преобразиться и вновь стать подлинной совестью народа, как это было в лучшие времена существования нашей могучей Родины. Он должен стать таковым хотя бы уже потому, что в начале 1900-х годов современная русская поэзия оказалась идейно раздробленной.

В любительской, а порой и в профессиональной поэзии, появились и продолжают действовать поэты, восхваляющие западный и порочащие российский образ жизни, преднамеренно искажающие историю нашей страны, демонизирующие деятельность наиболее успешных правителей России как царского, так и советского периодов.

Есть небольшая, поддерживаемая спецслужбами западных государств, подпольная группа литераторов, в том

числе и поэтов, пропагандирующая открытый содомизм. Её целью является моральное разложение молодого поколения России. Сюда же относятся, финансируемые Западом, литераторы и поэты, воспевающие неонацизм и сатанизм. Их задача заключается в подрыве духовного, в том числе и религиозного, единства российского народа. Всё это наши злейшие враги и с ними нужно поступать как с врагами. Наша «бесцензурность» в этом вопросе не только неуместна, но и крайне вредна.

А вот настоящим, патриотически настроенным поэтам должны быть открыты все дороги созидательной, пронизанной любовью к Родине творческой деятельности. Это нужно сделать хотя бы потому, что, как говорил известный советский поэт Михаил Львов:

Без слова поэта – истории нет.

Без слова поэта – грядущего нет.

Без нас не полна современность.

Поэтому, пусть творчество русских поэтов вновь обретёт прежний размах и станет подлинным и ярким отражением жизни нашего народа, его благородных порывов к счастью, благополучному, защищённому силой российского государства, будущему. Надёжным же ориентиром поэта на этом пути должны стать вещи слова основателя русского поэтического классицизма Михайло Васильевича Ломоносова о том, что целью труда всякого, уважающего себя поэта, должна быть ИСТИНА. Именно она делает этот труд подлинно важным и подлинно бессмертным.

СТИХИ

*Стих – единица ритмически организованной речи,
строка стихотворения и само это стихотворение.*

*Стихотворение – отдельная частица поэзии,
её обособленная единица, небольшое произведение
в стихах.*

*Поэзия – искусство образного выражения мысли словом
и в слове. Словесно-ритмическое художественное
творчество. Совокупность всех стихотворных
произведений вообще.*

*Поэтика – учение о поэтическом творчестве;
поэтическая манера, свойственная данному поэту,
направлению, эпохе.*

СВЕТОЯВЛЕНИЕ

*И в день седьмой, в какое-то мгновенье,
Она возникла из ночных огней
Без всякого небесного знаменья...
Пальтишко было лёгкое на ней.*

Б. Окуджава

Я вас не знал, но слышал разговоры
О Ваших качествах, дарованных судьбой,
И вот настал тот миг, когда в лучах Авроры
Явились Вы неожиданно предо мной.

Вы ворвались живым посланцем Бога
В коротком платьице, с распущенной косой,
И встали у дверей, у самого порога,
Пленив меня девичьей красотой.

Тиха, застенчива, улыбчиво-смешлива,
Стояли вы, не поднимая глаз.
Я руку протянул навстречу торопливо,
Вы подали свою, связав касаньем нас.

И годы потекли, и время полетело,
Всё памятен тот миг, всё памятен тот день,
Пусть старится душа, пусть увядает тело, –
В сердцах ещё жива былого счастья тень.

Январь 2018 г.

ОТКРОВЕНИЯ ВОЛАНДА

К 130-летию со дня рождения
Михаила Булгакова

Я – похититель вольности людской,
Хожу под Небом я, но Бога не приемлю,
Душой своей греховный мир объемяю,
Тружусь без отдыха, всечасно, день-деньской.

Хожу во мгле, презрев церковный клир,
Не признаю прославленных кумиров,
Не жалую вождей, их расписных мундиров, –
Моя стихия – огненный эфир.

Таков я есть! Меня не переделать!
Живу во зле, питаю злобой грудь
И говорю себе: «О смертном позабудь,
Нельзя заглохший сад в былой красе возделать».

Притихло всё. Всё поглотила тьма.
Угас последний луч на мутном небосводе.
Всё сном охвачено. Нет ропота в природе.
Течёт река времён. Глухая ночь нема.

Один бунтую я! Мне чуждо покаянье!
Борюсь с Еговой* я и только тем живу.
Мы силы равные. На бой врага зову.
Тот бой сулит мне миром обладанье.

Январь 2018 г.

* Егова (Иегова, Яхве, Ягве) – в иудаизме одно из имён Бога.

ЗВЁЗДНОЕ НЕБО

*Затеplились звёзды одна за другою
Над тёмною далью лугов...*

Ив. Никитин

На нас с тобой взирают звёзды,
Десятки, сотни ярких звёзд,
Луны ущербной гнутый гвоздь,
Созвездий огненные гроздья.

Прекрасен высей полог тёмный, –
Блестит искристой синевою,
Влекомый светлою мечтой,
Пылает страстью неуёмной.

Пылает, блещет и горит,
Взирает смело в наши очи,
Во мраке уходящей ночи
По кругу вечности парит.

Стою один в открытом поле,
Смотрю на яркий неба свод, –
Кружится звёздный хоровод
По непреклонной Божьей воле.

Февраль 2018 г.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЧАСТУШКА

Я не знаю, я не знаю,
Я не знаю, как мне быть,
Иль в любви дойти до краю,
Или вовсе не любить.

Под окном милёнок ходит,
На меня глядит с тоской,
Глаз влюблённых не отводит,
Хочет встретиться со мной.

Я ж не знаю, что мне делать,
Сердце девичье болит,
Мне бы в клуб на танцы сбегать,
Да мамаша не велит.

Сердце девичье страдает,
Сердце с милым встречи ждёт...
Кто ж, скажи, об этом знает?
Кто ж, скажи, меня поймёт?

Февраль 2018 г.

В ДОРОГЕ

Я шёл дорогой долгой-долгой,
И ветер мне в лицо дышал,
Шёл над Окою, шёл над Волгой
И песнь в дороге распевал.

А годы шли своей чредою,
Мой пыл сбивая на ходу,
Теперь во снах и лишь порою
Путями прежними бреду.

Март 2018 г.

ВЗАИМООБАЯНИЕ

По мотивам Генриха Гейне

Затеплилась в чаше небесной
Звезда золотистым огнём
И розы коснулась прелестной
Своим боязливым лучом.

И, тихие сны навевая,
Ласкала царицу ночей,
А роза, головкой качая,
Ревниво следила за ней.

И чувство тревоги струилось
По алым её лепесткам...
Что бедной красавице снилось?
Что в любящем сердце творилось? –
О том, кто поведает нам?

Март 2018 г.

ПРИХОД ЮЖНОЙ НОЧИ

Ночь. Бездонная тьма...

Мацуо Басё

Закатный луч ещё искрится
На серых кручах крымских гор,
То вспыхнет враз, то затаится,
Как в поле дремлющий костёр.

Уж ветер вынес из долины
Пьянящий дух весенних трав,
Ручей пробился у плотины
И зазвенел на сто октав.

С ним в мир вошли восторг и радость,
Судёб всеобщее родство,
Ночная тишь, покой и благодать,
И вечной жизни торжество.

Апрель 2018 г.

ЖИЗНЬ

Жизнь коротка, но как она прекрасна
Своей сущностью, порывом, глубиной...
С рожденья нашего, служить всем нам согласна,
Она ведёт нас всюду за собой.

За ней мы следуем неторными путями,
У каждого в руке судьбы витая нить,
Идём по жизни с верными друзьями,
Идём вперёд, чтоб душу в мир излить.

Подобно Ариадне и Тесею,
Мы ищем в жизни жгучей новизны,
Идём, огонь любви в сердцах лелея,
Идём вперёд, надеждами полны.

Апрель 2018 г.

О ПОЭТЕ

Над кромкой гор, над водной гладью,
Плывёт царица звёзд – Луна.
Укрывшись дымчатой вуалью,
Струит свой свет на нас она.
А среди нас, под этим светом,
Живёт загадка-человек,
Друзья зовут его поэтом,
Враги, с издёвкой, – имярек*.
Не жаждет он летучей славы, –
Поёт как в поле ветерок,
Порой кипуч подобно лаве,
Порой не даст и пары строк.
Его обычная забота –
Слова в витую нить сплести,
Затем, покрыв их позолотой,
Беспечной публике вручать.
Поэт – подобье всех поэтов
Былых и нынешних времён,
Он автор пламенных сонетов
И грустных песен автор он.
Он среди нас – избранник Бога,
Глашатай правды на земле,
Он наших душ – оценщик строгий,
Он – свет, блуждающий во мгле.

Май 2018 г.

* *Имярек* – слово, заменяющее чьё-либо имя, в значении некто, тот-то.

СБОР МАЛИНЫ В КРЫМУ

Лето в пёстрой косынке бежит по России...

Л. Лисицына

Утро украшено ритмами танго,
Музыкой ныне забытой страны...
Сад поливаю из гибкого шланга,
Не нарушая закон тишины.

Льётся вода серебристою струйкой
На чернозём и на горный песок,
А за спиною, за стройною туйкой,
Ярко горит лучезарный Восток.

Утро встаёт над цветущей долиной,
Птицы проснулись и громко кричат,
Люди по тропке идут за малиной.
И собирают, и с веток едят.

Будет варенье, и будут компоты,
Лакомство будет для малых детей,
Ягоды много! Срывай без заботы, –
В доме с малиною жизнь веселей.

Июнь 2018 г.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Там, в синей мгле, за тощим перелеском,
Вдруг вспыхнул луч закатный над рекой
И, преломясь в воде, своим искристым блеском
Ушёл в степную даль по тропке луговой.
Вечерний час. Прохладой тихо веет.
От сосен поползла по склону полутень.
Ночь у дверей, но заходить не смеет, –
Повсюду разлилась томительная лень.

И я, присев на шаткие ступени,
Пишу летучей стих усталую рукой,
Луч, просияв, ложится на колени,
И сумеречный свет струится над землёй.
Дремотный дух царит в бескрайнем поле,
Слова летят к тебе, мой незабвенный друг,
К тебе одной по Высшей Божьей воле,
Что теплится ещё огнём любви вокруг.

Но где же ты, Звезда моей печали?
Когда же ты взойдёшь на небосклон?
Но дремлет мир. Тихи и скорбны дали.
Над ними только Бог. Всем управляет Он.
Он, Он один – Податель жизни нашей,
Он, Он один – Владыка душ людских...
Спустилась ночь. Простор Звездой украшен,
Её лучистый свет проник в мой беглый стих.

Июнь 2018 г.

**ЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ НАД ЦЕРКОВЬЮ
СЕЛА БЁХОВО**

И тихо, тихо ночь текла...

Б. Пастернак

Спустилась ночь, и в синеве небесной
Вдруг ярко вспыхнул звёздный фейерверк,
Мрак отступил, и мыслям стало тесно, –
Мой праздный взор враз устремился вверх.

А там, среди звёзд, на тёмном небосклоне,
Плыла Луна, блистая серебром,
Её двойник на влажном окском лоне
Горел живым магическим огнём.

И блеск огня, и звёзд ночных мерцанье
Вдруг облеклись в крылатые слова,
В невольное сердечное признание,
В минувшее, что сберегла молва.

И думалось: «Как дивно мир устроен,
Как он обширен, горд и величав»,
И лился свет небес на главы колоколен
И с них стекал на бархат летних трав.

Июнь 2018 г

О ПЕРВОЙ ЗЕМНОЙ ЛЮБВИ

*Я не могу любовь определить,
Но это страсть великая! – любить.*

М. Лермонтов

Юный Адам, пробудившись от сна,
С жадностью смотрит на юную Еву,
Мира краса перед ним, а не дева,
Не океан, а восторгов волна.

Встань же с травы изумрудной, приятель,
Вслушайся в девичьи речи и смех,
Создал на счастье вас Мудрый Ваятель,
Создал для жгучих и сладких утех.

Слейтесь же, слейтесь скорей в поцелуе,
Крепче, сильнее сомкните тела,
Время не тратьте бесценное всеу,
Слейтесь, чтоб искра любви расцвела.

Слейтесь в единое бурное море,
В шёпот прибоя, в молчанье глубин,
Только любовью врачуется горе,
Только в любви человек – ИСПОЛИН.

Июнь 2018 г.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА БРАГИНА

*Душа, как раненая птица,
Рвалась взлететь, но не могла...*

З. Гиппиус

Ушёл мой друг в просторы неземные
И просиял там яркою звездой,
Глядят с небес глаза его живые,
Глядят на мир, на жизнь, на нас с тобой.

И видит он сиреневые дали,
Кудрявый лес и сеть степных дорог,
Разливы рек из серебра и стали
И сердцу дорогой родительский порог.

Пред ним лежат заснеженные горы,
Встаёт пред взором круг былых друзей,
И северных зарниц искристые узоры,
И золотистый злак полуденных полей.

Всё это видит он, объемля мыслью землю,
И из груди исходит слабый стон,
И слышим мы: «Я смерти не приемлю.
Я жить хочу. Мне чужд могильный сон».

Июль 2018 г.

**ПАМЯТИ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА
ВЯЗЕМСКОГО**

*Сча́слив, кто от хлада лет сердце охранил,
Кто без ненависти свет бросил и забыл.*

В. Жуковский

«Я пережил и многое и многих», –
Сказал поэт на склоне лет своих,
Подвёл в душе минувшего итоги
И головою гордою поник.

Нет Баратынского, нет Пушкина, нет Греча,
Забрало Небо семерых детей...
Надежды нет. Свет лучших дней далече.
И сил уж больше нет. И близких нет друзей.

И возроптал на Господа с укором,
Протест свой гневный Богу предъявил,
Но, в вечность уходя, окинул Землю взором
И бранным возгласом Небес не возмутил.

Июль 2018 г.

У СОННОЙ РЕКИ

*Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?*

В. Жуковский

Ещё заря свой стяг не проносила,
Ещё лежал в низине мрак ночной,
И лишь борей* с порывистой силой
Гнал облака над сонною рекой.

Ты помнишь, милая, мы у воды стояли,
Шумел волною плёс у наших ног,
И где-то вдалеке отчётливо звучали
Слова любви, любовной оды слог.

Небесный хор до слуха доносился,
Дробился на лету и в поле затухал,
На зеркале реки двойник луны искрился,
И, отыскрясь, за молом пропадал.

Ко мне прижалась ты своим озябшим телом,
И обратила взор доверчивый ко мне,
И губы подала движением несмелым,
И в чувственном расплавилась огне.

О миг любви! О миг для всех желанный!
Свидетель прошлого, свидетель лучших дней,
Гори вовек, гори во мгле туманной,
Без усталости потоки счастья лей.

Август 2018 г.

* *Борей* – в греческой мифологии наименование северного бурного ветра.

ДОМАШНИЙ ОБЕРЕГ

Качается маятник мерно,
И часики мерно стучат,
Как будто в мой домик фанерный
Вселилось семейство галчат.

И стрелки по кругу летают,
И гирьки, спускаясь, скрипят,
Как будто кого-то скликают,
Как будто бы с кем говорят.

Колёсики вертятся гулко,
Ритмичных ударов не счесть,
Как будто бы полк на прогулке
Шагает, воздав тебе честь.

Качается маятник мерно,
Минуты неспешно бегут, –
По-рыцарски часики верно
Меня и мой дом берегут.

Август 2018 г.

ОСЕННИЕ ВЕТРЫ

Задули северные ветры,
Срывают ржавый лист с ольхи,
Считая рельсов километры,
Бежит наш поезд вдоль Оки.

Туман поднялся над землёю,
Луч солнца режет облака,
Искрясь стальной полосой,
Бежит навстречу нам Ока.

Сентябрь 2018 г.

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Набросала осень листься
На песчаную косу,
Рыжий лист, что шубка лисья, –
Придаёт всему красу.

Осень яркой позолотой
Красит каждый косогор,
И поляну у болота,
И большой колхозный двор.

Хорошо тропой витою
По сухой листве идти,
С каждой пройденной верстою
Приближать конец пути.

Рыжий лист сродни сонету,
Званный гость в семействе строк,
Во все дни весны и лета
С ним играет ветерок.

Набросала осень листься
На прибрежную косу,
Рыжий лист, что шубка лисья, –
Придаёт всему красу.

Сентябрь 2018 г.

В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

Глубокой осени унылые картины,
Не слышно птиц, померкли небеса,
Опавший лист – июльских дней краса,
Дождями смыт на дно глухой низины.
Лес поредел. Прозрачен небосклон.
Отчётливо видны отдельные деревья,
За ними – луг, окраина деревни,
Вдали – река и дремлющий затон.

Там, в зыбком мареве, укрылись две баржи,
Какой-то человек бросает в реку мрежи*,
Луч солнца пробивается всё реже,
Размылись берегов песчаных рубежи.
Суровый вид! Сезонная рутинка!
Всё замерло в предчувствии зимы,
Её прихода не страшимся мы,
Ей рады будут луг и сонная долина.

Октябрь 2018 г.

* Мрежа (мерёжа) – рыболовная снасть, представляющая собой обруч с натянутой на него мелкой сеткой.

ЗИМА НА ПОДХОДЕ

Листва осыпалась с берёз и тополей,
Сурьмой и золотом окрасились поляны,
Над нами, в высоте, клин поздних журавлей
Летит на юг, в тропические страны.

Тоска и грусть разлиты по земле.
Светает поздно. Ночь приходит рано.
Природа дремлет в полусонной мгле
Под звёздным пологом седого океана.

Осенняя пора. Обычной жизни ход.
Слились в один поток бесщётные недели.
Медлителен ночных светил восход,
Затихла суета житейской канители.

Дожди, туманности и первый мокрый снег, –
Зимы грядущей робкое начало...
Декабрь впереди, а с ним – ветров разбег,
Всё то, что на земле уже не раз бывало.

Ноябрь 2018 г.

ПРЕДВЕСТНИКИ ЗИМЫ

Предвестники зимы явились перед взором:
Поникли тополя. Желтеет лист осин.
Синицы не поют единым стройным хором.
Туманы улеглись на дно сырых низин.

И солнца яркий луч, пронизывая дали,
Слепит глаза, но греет всё слабей;
В высоких небесах, по дымчатой вуали
Плывёт неровный клин усталых журавлей.

Во всём заметен призрак угасанья:
Тускнеют толщи вод в затолах тихих рек,
Утихло родников живое лепетанье,
Грустит по летним дням и зверь и человек.

И слышатся вдали седой зимы угрозы,
Уж где-то завывает первая метель,
Природа ждёт, когда придут морозы
И яростной пурги – живая канитель.

Ноябрь 2018 г.

В МОРСКОМ ДОЗОРЕ

Запели флейты морского ветра...

Саша Чёрный

От самого края родимой земли,
Он северных дальних причалов,
Ушли в пограничный дозор корабли
«Василий Чуйков» и «Евгений Привалов».

И будет их долго рассвет догонять,
И будут гремучие штормы,
И ветер шальной будет песнь распевать,
Взметать непокорные волны.

Ноябрь 2018 г.

ИСПЫТАНИЕ СТИХИЕЙ

Северный ветер неистово стонет,
Гонит волну на прибрежные скалы,
В тучах разорванных медленно тонет
Солнечный луч окровавлено-алый.

В дальнем порту прозвучала сирена,
Снова буксир наш на помощь выходит,
Гибнущий танкер из водного плена,
Тросом связав, за собою уводит.

Грозное море! Бессонное море!
Дикой волны – всеразящая злоба!
Слабому духом – страданье и горе,
Сильному волей – достойная проба.

Ноябрь 2018 г.

СТАНСЫ

*Есть какое-то одно слово,
В котором вся суть...*

З. Гиппиус

Я написал стихотворенье,
В котором восемь ёмких строф.
Строфа – раздел стихосложения,
Слиянье точных, кратких слов.
Спускаясь вниз, все эти строфы
Являют повесть иль рассказ,
Картины страшной катастрофы
Иль назидательный наказ.
Порою в них грохочут танцы,
Горит зарницы яркий свет,
Дано, мой друг, им имя «стансы»*,
Так именует их поэт.
Законченность для них – основа,
Переливаемость – закон,
Они певцу служить готовы
До нескончаемых времён.

Ноябрь 2018 г.

* *Стансы* – вид стихосложения, каждая строфа которого (станс) представляет законченное синтаксическое и смысловое целое, а сам стих – завершённый сюжет.

СЦЕПЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЕЙ

*Нам мир не ясен до конца
Нам эта тайна недоступна...*

А. Чижевский

Ночной покров укутал землю,
Безмолвны дали, нем эфир,
Беззвучью чутким ухом внемлю,
Ищу утраченный мной мир.
Но нахожу лишь волю сцепленье,
Надежд и горестей союз,
Всех четырёх стихий волнение
И робкий говор вещей муз.

И в человеке вижу то же:
Начал губительных вражда,
Порыв страстей, на взрыв похожий,
Пустых волнений череда.
И потому душа тоскует,
Не в силах справится с собой,
Страдает, буйствует, бунтует
В борьбе с изменчивой судьбой.

Декабрь 2018 г.

У КЕРЧЕНСКОГО ЗАЛИВА

*Снова над бездной, опять на просторе, –
Дальше и дальше от тесных земель...*

К. Павлова

Шумит, беснуется неистово стихия,
Свирепый вал крушит обломки скал,
«Перед тобой простёрлась Киммерия»*, –
Мне вольный ветер тихо прошептал.

Стою, любуюсь Керченским заливом,
Пленяюсь красотой белёсых крымских гор,
Слежу движенье волн, охваченных приливом,
Без усталости смотрю в предгрозовую простор.

Во всех явлениях таинственной природы
Я вижу след земного бытия;
Взметнётся ли волна, небеса ль потухнут своды,
Невольно говорю: «Тому причастник Я».

Во всём частица радости разлита,
Во всём таятся скорби и печаль,
Пусть тайна прошлых лет от нас с тобой сокрыта,
Мы взор вперёд стремим, мы смотрим смело вдаль.

Декабрь 2018 г.

* *Киммерия* – территория обитания киммерийцев, древних жителей восточной части степного Крыма. Простиралась до современного Керченского пролива.

СОПРИЧАСТИЕ

*Ах, разве может быть виновен
Под этим небом человек!*

С. Парнок

Декабрь месяц на исходе,
В Москве дожди и мокрый снег,
Сезонный сбой, коллапс в природе, –
Тоскует, страждет человек.

Дневная хмарь, промозглый ветер,
Ночной туман по руслу рек...
Всем правит рок, слепой диспетчер, –
С ним в вечном споре человек.

Душа его от мук сгорает
Из года в год, из века в век, –
Чего бесстрастный рок не знает,
То знает гордый человек.

Всех дел невольный соучастник,
Он вновь стремится к высотам бег,
Всему свидетель, сопричастник, –
За всё в ответе – ЧЕЛОВЕК.

Декабрь 2018 г.

ШОФЁРСКИЕ СТРАСТИ

Январь, морозец, снег летучий,
Метель неистово метёт,
Мой верный конь, мой «Джип» могучий,
В сугробах медленно ползёт.

Тоскливо, горько и обидно,
Но что же делать? Как же быть?
Признать своё бессилье стыдно,
Но и зимы не победить.

Метель и снова снег сыпучий,
Не жизнь, а сладкий горный мёд...
Застрял в снегу мой конь могучий,
Ни взад не едет, ни вперёд.

Январь 2019 г.

СУДЬБА

Нам не познать своей печальной доли
Пока не перейдём условную черту,
Что пролегла по жизненному полю,
Деля наш мир на свет и темноту.
Живём неведеньем, согласно убеждению,
Что жизнь вокруг – «чарующий обман»,
А время между тем уходит робкой тенью
Куда-то в высь, в бездонный океан.

Беспечной праздностью торопимся упиться,
Встречаем день и провожаем ночь,
Боимся с юностью безумною проститься
И мудрость стариков с порога гоним прочь.
А дни бегут... Друзей своих теряем,
С надеждою спешим в ближайший к дому храм
И на пути невольно поднимаем
Свой жадный взор к бескрайним небесам.

Там, за холодной, вязкой синевою,
Нам видится открытое окно,
Своей таинственной, манящей глубиною
Всех нас к себе давно влечёт оно.
Туда, туда, где звёздный хор роится,
Стремимся мы израненной душой,
Чтоб дочитать последнюю страницу
Печальной повести, что названа судьбой.

Февраль 2019 г.

ВЕЧЕРНИЙ ЗАКАТ

Сгущался вечер. Запад угасал.

К. Бальмонт

Тихо вечерний закат догорает,
Солнце скатилось за краешек гор,
День уходящий в безмолвии тает,
Дымкой подёрнут небесный простор.

Вот и душа моя, с прошлым прощаясь,
Смотрит с печалью на гаснущий день,
Вечной тревожной красой умиляясь
Русских, притихших во тьме, деревень.

Ищет душа невозвратного счастья
В милых просторах родимых полей,
Ищет согласия, ищет участия
В мир невозвратный ушедших друзей.

Отклика нет... Лишь закат догорает,
Тень наползает на горный хребет,
День уходящий в безмолвии тает,
Меркнет надежды спасительный свет.

Март 2019 г.

СТРОКОЙ РУБАЙЯТА

Есть волшебная сила у русской земли,
Ты призывам её чутким сердцем внемли,
Не обидит она, всех поймёт и поддержит, –
Ведь не зря же все мы к ней за правдой пришли.

Мы зовём её кровом священным своим,
Что от бед и несчастий судьбою храним,
Мы зовём её храмом, святилищем нашим,
Вместе с нею ликуем, грустим и скорбим.

Широка и привольна родная земля,
Безграничны её небеса и поля,
В мир грядущего взоры она простирает,
Мы же гимн ей поём, за щедроты хваля.

Март 2019 г.

ПО МОТИВАМ ГЁТЕ

*Как стаи гордых лебедей,
На синем море волны блещут...*

П. Вяземский

Волна за волною бежали
Весёлой, шумливой толпой,
Мы рядом у мачты стояли,
Любуясь стихией морской.

И ветер задиристый смело
Вздувал полотно парусов,
И снасти, как арфы Семелы*,
Гудели на сто голосов.

И след за кормой фосфорился,
И ранние звёзды зажглись...
Сомнений туман растворился, –
Мы в вечной любви поклялись.

Март 2019 г.

* Семела – одна из земных жён Зевса, мать Диониса, бога вина, музыкальных развлечений и веселья.

АПРЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

*Растворил я окно, – стало грустно невмочь, –
Опустился пред ним на колени...*

К. Романов

Март позади. Апрель стучится
В моё окно своим крылом.
Синеет высь. Река искрится.
Лес дремлет тихим, мирным сном.
Скворец по краю поля ходит,
Перетряхает ветхий лист,
Червя под ним себе находит, –
И тем уж горд, весны горнист.
Заметно всюду пробужденье,
Всё оживает вновь вокруг,
Пронзает душу вдохновенье, –
К тебе стремлюсь, мой милый друг!
И вот уже, в строку сплетаясь,
Явился взору новый стих,
Его октавами пленяясь,
Звенит серебряный родник.
И всё горит, сияет, блещет,
Охвачен мир живой мечтой,
В бездонном небе луч трепещет,
Скользя по глади голубой.

Апрель 2019 г.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

*Небо блещет бирюзою,
Золотисты небеса...*

К. Павлова

Как высоко над горною грядою
Простёрся Млечный путь искристою дугой,
В её молочной мгле лучистой белизною
Сияют звёзды утренней порой.

Их в оный день, в минуту вдохновенья,
С ладони разбросал всех сущностей Творец,
И растворился мрак всего в одно мгновенье,
И вечной тьме положен был конец.

И человек в оживший мир явился,
Провёл по пахоте глубокий след сохи,
И мир земной навек преобразился,
И этот мир вошёл в мои стихи.

Апрель 2019 г.

ЖИВИТЕЛЬНАЯ СИЛА ПРИРОДЫ

*Опять весна; опять смеётся луг,
И весел лес своей молодой одеждой...*

Е. Баратынский

В синих высях плывут облака,
Звуки песен над рощей летают,
Их моя собирает рука,
Их глаза мои взором ласкают.

Вдруг родился из звуков загадочный стих,
Будто б ток пробежал между нами,
Зазвенел неуёмный гремящий родник,
Луч рассветный блеснул над лугами.

И окрасилась роща весёлым огнём,
Звёзды в утренней мгле засверкали...
Мы шагаем с тобою, как прежде, вдвоём,
Не страшась ни беды, ни печали.

Май 2019 г.

НА НЕКРАСОВСКИЕ МОТИВЫ

Вьётся лесная тропинка-дороженька,
Вьётся, прохладой дыша,
Сильно стёрнёю поранила ноженьку, –
Плачет и стонет душа.

Снова золовка на всё обижается,
Снова проходу свекровь не даёт,
Грозно глядит, бранным словом ругается,
Чуть не уважишь – прибьёт.

Муж мой любезный, супруг незлобивый,
С братом уехал в луга,
Косит траву для коровы бодливой,
Сено сгребает в стога.

Так и живу... Не живу – выживаю,
Быть мне счастливой судьба не велит,
К Богу молитвой сердечной взываю,
Бог безответно молчит.

Май 2019 г.

ПРИХОД ВЕСНЫ

Не одно ль мгновение

И весне, и юности?

А. Кольцов

Тёплые дни и прохладные ночи –
Май молодой на дворе,
Грач прилетел, над гнездовьем хлопочет, –
Праздник пришёл к детворе.
Как удивительно время весеннее!
Всё просыпается, к жизни стремясь,
Как упоительно жавронка пение, –
В высях завис он, за небо держась.

Да и душа, как бы вновь просыпается,
Ищет минувшей любви.
Прежнее, милое вдруг вспоминается, –
Где вы, рассветы мои?
Славная девушка мимо проходит,
Дарит улыбку свою,
Всё зацветает, шумит, колобродит, –
Как это всё я люблю!

Май 2019 г.

К 50-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ТОВВМУ

Прошло полвека как одно мгновенье, –
Мы отмечаем славный юбилей,
Курсанты бывшие, седое поколение,
Ведём подсчёт ушедших в сумрак дней.
Как много позади суровых испытаний,
Как много миль тревожных за спиной,
Желанных встреч, тяжёлых расставаний
С домашним очагом, с землёй своей родной.

Мы помним всё, всё в памяти храним,
Всё расставляем в мыслях по порядку:
Балтийск и Таллин, Палдиски и Крым,
Туманный Мурманск, Поти и Камчатку.
Мы видим пред собой Находку и Посвет,
И сказочных Курил заснеженные горы...
Где, где же вы приметы прошлых лет?
Где шквальных волн бескрайние просторы?

Мы в памяти храним училище своё
Порящее над сопкой горделиво,
Учителей, курсантское житьё
И гладь свинцовую Петровского залива.
Изменчива судьба. Мир стал вокруг тесней.
Всё в нём охвачено неумолимым роком,
А мы встречаемся семьёй большой своей,
Чтоб вспомнить вновь о милome и далёком.

Июнь 2019 г.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Цветастой радугою блещет
Небесный свод... А под ногой
Былинка каждая трепещет,
Умывшись влагой дождевой.

Искрятся лужи у развилки,
Туман укутал сонный сад,
Подобно сельской молотилке,
Стучит по крышам крупный град.

Стучит! Но солнце уж обходит
Свои владенья... В окнах хат
Оно костры огня разводит, –
Все стёкла пламенем горят.

И в травах полевых дождинки
Горят искрящимся огнём...
Уходит время по тропинке
Куда-то вдаль, за окоём.

Июнь 2019 г.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Красиво горит заходящее солнце...

Г. Гейне

Стою над Окою, на склоне утёса,
Смотрю в непроглядную даль,
На пламя пожара прибрежного плёса,
На водных просторов искристую сталь.

Вечерний закат над рекой догорает,
Мир вновь обретает желанный покой,
Ещё один день в алом мареве тает,
Уходит за солнцем небесной тропой.

И так день за днём, за мгновеньем мгновенье
Уносятся в вечность на лёгких крылах,
И нет им на грешной земле повторенья,
Лишь разве, что в светлых ребяческих снах.

Уходят они в мрачный сумрак столетний,
Прессуются в сводки событий и дат,
Однажды попав в эти прочные сети,
В них тайны свои молчаливо хранят.

Июнь 2019 г.

О НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ

Частица северной земли,
Частица скал, частица моря –
Вот все причастники мои,
Друзья и в радости, и в горе.

На борт по трапу восхожу,
Звон рынды ударяет в уши,
Тружусь, без устали служу
И в бурном море, и на суше.

Кидает наш корабль волна,
И ветер рвёт бушлат матросский,
Вдали – родная сторона –
Земли оставленной полоска.

И будут волны нас швырять,
И будет ветер ярый злиться,
Но жизни Божья благодать
Всё будет длиться, длиться, длиться...

Июль 2019 г.

НОЧНАЯ ЭЛЕГИЯ

*Как фантастично тихо в темноте,
Как одиноко, боязно и сыро...*

Н. Рубцов

Иду глухой аллеей сада
В объятьях чуткой тишины,
Луны небесная лампада
Мерцает с правой стороны.
А с левой – звёздный хор искрится,
Льёт слабый свет на палисад,
На старый клён, на сруб криницы,
На вязь чугунную оград.
Во всём – неведомая сила,
Бесшумный, мерный бег минут...
Горит небес паникадило,
Мелькают блики там и тут.
Невольный страх закрался в душу,
Иду на яркий свет Луны,
Спешу... Но шагом не нарушу
Полночной чуткой тишины.

Август 2019 г.

**МЫС ФЕОЛЕНТ. ГЕОРГИЕВСКИЙ
МОНАСТЫРЬ В КРЫМУ**

*Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей...*

В. Жуковский

Закатный луч златит вершины гор,
В низинах сумрачных уже ступились тени,
Поплыл туман, и призрачный узор
Неспешно лёг на древние ступени.

Ступени лестницы, ведущей к кромке вод,
К морской волне, что плещется пред нами,
Что вечно точит каменный свод
Глухой пещеры долгими ночами.

А там, вверху, в цветенье буйных трав,
Обитель белая вспорхнула над долиной,
Давным-давно святыней русской став,
Парит она над местностью былинной.

Стою пред входом в её чудный храм...
Передо мной – бескрайние просторы:
Седая степь, что внемлет небесам,
Морская гладь и зубчатые горы.

Сентябрь 2019 г.

ОСЕННЯЯ ГРУСТЬ

*Осень уже пришла, –
Шепчет мне в ухо ветер...
Мацуо Басё*

Вет с низин передрелой лнствою,
Утро осеннее влагоу дышит,
Тнху бреду чуть прнметной тропою,
Ветер ковыль прндорожный колышет.

Где-то ручей прозвенел снротливо,
Птнц пробуднвшихся пение льётся,
Внжу реки тнхострунной нзнвы,
Сердце усталое трепетно бьётся.

Солнце над горным ущельем восходит,
Луч расплескал яркнй свет над долиной,
Ветер мелодню жнзни выводит
Стонем короткнм н жалобой длннной.

Октябрь 2019 г.

**К 100-ЛЕТИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ**

*В междоусобных войнах
гибнет Отечество...*

Н. Карамзин

Ещё гремят вокруг разрывы
На всех фронтах большой войны,
Дорог изъезженных извивы
На юг страны устремлены.

Здесь комиссар у переправы
Ведёт в атаку цепь бойцов,
Наперерез ей конной лавой
Летит казачий полк донцов.

Горит земля! Россия гибнет!
Идёт Гражданская война...
Никто победы не достигнет, –
Страна, страна побеждена!

Кто уврачует эти раны?
Кто даст людской душе покой?
Стучится в двери ветер пьяный,
Кишит вокруг кровавый бой.

Ноябрь 2019 г.

ЗИМА НА ПОРОГЕ

*Спасибо сторона родная,
За твой врачующий простор!*

Н. Некрасов

Ещё листва шуршала под ногою,
Сквозь кроны лип заря свой свет лила,
Звенел призывно ключ под старою сосною,
И дань полей несла в свой дом пчела.
Но всё же ощущалось приближенье
Суровых дней ненастливой зимы,
И первых холодов несмелое явленье
Душою опытной предчувствовали мы.
И вот случилось! Посреди недели
Колючий ветер в роще засвистал,
Покрылись инеем игольчатые ели,
И тонким льдом пруды мороз сковал.
Всё просияло дивным, ярким светом,
Украшилось узорами стекло,
И голые поля за бывшим сельсоветом
Позёмною летучей замело.
Всё белизной покрылось перевозданной,
Просторней показался сонный лес,
Зима пришла красавицей желанной
По воле благостной безоблачных небес.

Ноябрь 2019 г.

ВОЗМУЩЕНИЕ

Морской стихии дочь – гневливая волна –
Сказала мне: «Будь пьяным без вина,
На тонущей ладье над бездною зависни,
Познай своих страданий боль сполна.

Враждую с человеком я давно.
Ему Всевышним много благ дано.
Но своеволен он. Природу всюду губит,
Не жить, а выживать под ним ей суждено.

Не вразумить его ни словом, ни кнутом,
Ни разговорием, ни длительным постом,
Его душа – невольница слепая –
Бредёт своим погибельным путём».

Декабрь 2019 г.

К РОССИИ

Вставай, вставай, моя Россия,
Вставай с молитвой на устах!
Наполни дух свой свежей силой,
Стряхни с подошв презренный прах!
Иди дорогою прямою,
Что лишь тебе одной дана,
Веди повсюду за собою
Народов братских племена.
Совет твой мудрый, благородный,
Вдохнёт в них святости закон,
Посеет вмиг порыв свободный, –
Основой счастья станет он.
Пусть зеленеют твои рощи,
Шумят сады, цветут поля,
Пусть жизнь повсюду будет проще,
Пусть светом полнится земля.
И пусть в заоблачной лазури
Степной орёл взмахнёт крылом,
Умолкнет плач ненастной бури,
И солнце вспыхнет над Кремлём.

Декабрь 2019 г.

ТАЙНАЯ СИЛА

Есть какая-то тайная сила
В звуках песен, приснившихся мне,
Их, должно быть, Зухра* обронила,
Когда мчалась на звёздном коне.

А, быть может, их грозное море
Принесло на шумливых волнах,
И, рождённые с истиной в споре,
Они нынче живут в облаках.

А, быть может, и нет у них тайны,
И они уже долго молчат,
И лишь отзвуки песен с окраин
Звёздных нив к нам летят и летят.

Декабрь 2019 г.

* *Зухра* – планета Венера, одна из верховных богинь древнеиранского и древнеарабского пантеона. Небесная музыкантша, сопровождающая игрой на арфе пение хора других небесных светил.

МОНОЛОГ ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!*

А. Пушкин

Брожу у стен Казанского вокзала,
Брожу один, должно быть, целый час,
Горит вдали закат полоской алой,
Но вот и он, сойдя во тьму, угас,

Брожу в толпе бездушно-многоликой,
Ищу среди встречных дам заветный идеал,
Зову его условно Эвридикой,
Как некогда Орфей свою невесту звал.

Брожу один, но нет моей подруги.
Вновь не пришла... Вновь горестно до слёз...
Пронёсся снежный вихрь, холодный и упругий,
В руке дрожит букет подмёрзших алых роз.

Но где ж она? Где светоч мой бесценный?
Забыла обо мне? Не хочет вспоминать?
Брожу один, как пилигрим презренный,
Что обречён безропотно страдать.

Брожу один и горестно вздыхаю.
Подруга не пришла, но сердце встречи ждёт.
На праздную толпу тоскливый взор бросаю,
Иду домой, и боль со мной идёт.

Декабрь 2019 г.

**ПРИХОД НОВОГО 2020
ВИСОКОСНОГО ГОДА**

Год високосный спустился на Землю,
Старый ушёл, не оставив следа,
Пройденный путь грустным взором объемя,
Скрылся в тумане, исчез навсегда.

Год девятнадцатый годом двадцатым
Тихо, спокойно, без шума смещён,
Мир, озарённый вечерним закатом,
В новую веру судьбой обращён.

Вот и пришла переходная дата,
Богом завещанных дней оборот,
Что ожидать нам: успеха? утраты?
Что принесёт народившийся год?

Вижу, как солнечный луч догорает
В сонных просторах приокских лесов,
Слышу, как ветер с тоской напевает
Песни печали на сто голосов.

31 декабря 2019 г.

НЕОБЫЧНАЯ ЗИМА

Солнце скрылось за серую тучу,
Дождь раскисшую землю сечёт,
Необычный, загадочный случай –
В январе нежный крокус цветёт.

Не зима, а болотные топи,
Сырость, слякоть, раскрытие рек,
Будто время природу торопит,
Будто новый рождается век.

Всё меняется, всё стало сложным,
Всё идёт необычным путём,
Сердце плачет и бьётся тревожно, –
Ждали снега... Живём под дождём.

Январь 2020 г.

ЗИМА ЗАПОЗДАЛА

Чудесный вид, волшебная краса!

Белы, как день, земля и небеса!

А. Полежаев

Лишь в феврале завьюжили метели,
Сугробами завалено село,
Окрестные леса заиндевели,
Сыпучим серебром дороги замело.

Зима округой местной завладела:
Бодрит прохожего, развеяла печаль,
Кусты смородины в лебяжий пух одела,
Лёд превратила в блестящий хрусталь.

Как хорошо вокруг! Как жизнь преобразилась!
Как просветлел простор родной земли!
Тень серых облаков над рощей растворилась,
Несмелый солнца луч блеснул в седой дали.

И на душе вдруг стало так спокойно,
И слышу я как будто бы сквозь сон:
«Люби всё сущее, оно того достойно,
Во благо нам мир Божий сотворён».

Февраль 2020 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снежная пороша
Тропы замела,
Милый друг Алёша,
К нам зима пришла.
В белый флёр одела
Рощи и поля, –
Враз похорошела
Отчая земля.
На душе спокойно,
Всё ласкает взор,
Радостно, привольно,
Вдаль зовёт простор.
Радостно, привольно,
Хочется летать,
Говорю невольно:
«Божья благодать!»

Февраль 2020 г.

ЕЩЁ РАЗ О ЛЮБВИ

Не мы спасаем мир: любовь его спасает...

З. Гишпиус

Любовь нас всех уловит в сети,
Сердца надеждой окрылит,
Так было издавна на свете, –
Любви сам Бог благоволит.

Любовь не милость и не худо, –
До срока дремлет в тишине,
Но вот проснулась и... о, чудо, –
Блестит радугой в окне.

Любовь владеет дивной силой.
Нежданно, в неурочный час,
Вдруг обожжёт улыбкой милой,
«И что-то встрепенётся в нас».

Март 2020 г.

В ПЛЕНУ У ВРЕМЕНИ

*Часики бьют так задумчиво,
Медленно не торопясь...*
А. Жемчужников

Задорно часики стучат,
Летят беспечные мгновенья,
Бой анкерка, пружинок пенье,
Вращенье стрелок, дней и дат.

Уходят медленно минуты,
За часом утекает час,
И вот уже пленяют нас
Житейских бурь тугие пути.

То наши годы, не спеша,
Текут по диску циферблата, –
Былому счастью нет возврата,
Но жизнь, как прежде, хороша.

Март 2020 г.

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

И жизни смысл, и страсти, и друзей
Вручил нам Бог – по доброте своей
Но скрепы наложил на душу и на тело
На долгий срок, до погребальных дней.

Их в меру испытав, на Бога не ропщу,
Разгульной вольности в речах не допущу,
Доволен тем, что мир познал огромный, –
Свои грехи смиреньем укрощу.

Чего ж ещё хотеть? Чего желать от жизни?
Её скупых похвал иль жёсткой укоризны?
Иль, окунувшись в зло, в сомненьях пребывать
До греческих календ*, до безутешной тризны?

Конечно, нет! Ведь всё меняет лик:
И человек, и зверь, и снежный горный пик,
И мы меняемся по общей Божьей воле,
В которую, увы, я мыслью не проник.

Живу и буду жить над небом голубым,
Вдыхать Отечества, родных просторов дым,
Друзей своих в стихах увековечу,
Воздам хвалу сердцам их молодым.

Апрель 2020 г.

* *Календы* – древнеримское название первого дня текущего календарного месяца. У древних греков такого счисления не было. Поэтому «греческие календы» обозначают то, что во времени никогда не может сбыться.

ПАНДЕМИЙНЫЙ ГОД

Что-то с Землёй происходит...

Л. Лисицына

Тяжёлый год. Несчастий череда.
Смертельная болезнь гуляет по планете.
Такого не было, поверьте, никогда...
Кто виноват? Кто за беду в ответе?

С болезнью справиться не может человек,
Смерть косит всех с неистовою силой,
Горят её глаза из-под кровавых век,
Грозя всем нам безвременной могилой.

Природа мстит за горе и за зло.
За каждую утрату и потерю,
За небрежение, что к бедам привело,
За вред, что причинён доверчивому зверю.

Природа мстит, но человек дурён!
Охвачен алчностью и скаредной наживой,
Всё истребляет, всё калечит он
Бездушием своим и гордостью спесивой.

Апрель 2020 г.

К ДРУЗЬЯМ

Друзья мои! Вот дней моих итог:
Прошёл я с Вами тысячи дорог,
В сто окон я смотрел на этот мир огромный,
Чтоб только заглянуть за жизненный порог.

И что увидел Я? Чреду пустых событий,
Короткий список дел, прочтённый и забытый,
Сцепление случайных встреч и дат,
Сосуд надежд, рукой судьбы разбитый.

И вот уж смерть спешит, чтоб увести нас в вечность,
В слепую мглу времён, в немую бесконечность,
Должно быть, для того, чтоб осознали мы
Тщету земных утех и жизни скоротечность.

Май 2020 г.

ПОБЕДНЫМ МАРШЕМ

Гремит оркестр. Идут колонны.
Шагает строй фронтовиков,
Победной славой осенённый, –
Строй седовласых стариков.

Идут по выпуклой брусчатке,
Ладонь прижата к козырьку,
Но нет на них шинельной скатки,
И нету фляги на боку.

Прошли... И грустно разом стало,
Исчез вдали почётный строй,
И вот уж взор скользит устало
По опустевшей мостовой.

Май 2020 г.

ЛУГОВЫЕ ТРАВЫ

*Мой милый цвет, былинка полевая,
Скорей покинь приют свой луговой...*

В. Жуковский

Тихо, так тихо восход догорает,
Росные травы на солнце блестят,
Белая дымка над рощей всплывает,
Пчёлы над полем гречишным звенят.

Чудное время! Июнь на пороге!
Мир пробудился от зимнего сна,
День стал длиннее, подсохли дороги,
Запах смолы источает сосна.

Минет неделя, одна и другая,
Выйдут в поля косари,
Ляжет на землю трава луговая,
Ляжет до первой зари.

Лютики, кашка, цветы иван-чая
Лягут покорно под острой косой,
Лягут без стона, упрёка не зная,
Жертвой страды вековой.

Яркое солнце их жаром иссушит,
Грабли в валки вдоль дороги стребут,
Чистые их, непорочные души,
Тихий приют в небесах обретут.

Май 2020 г.

ЖИВОТВОРЯЩАЯ СИЛА

Тюльпан легко приговорён
Поэтом к жизненности вечной.
Из лёгких звуков сотворён,
Он блещет прелестью беспечной.

Невероятно... Я смущён...
Но строки Фета справедливы:
Горит тюльпан живым огнём,
Его движенья снова живы*.

Проснувшись, глядя на восток,
Свою головку долу клонит,
Вот-вот проворный ветерок.
С неё росинку наземь сронит.

Подарок солнечной земле,
Рождённый мыслью сокровенной,
Рассветной улыбаясь мгле,
Стоит в красе своей нетленной.

Май 2020 г.

* Великий Афанасий Фет справедливо утверждал, что поэтическое слово может наделить вечной жизнью и весенний клейкий берёзовый листок и расцветшую благовонную розу.

ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

*Ночью я видел:
Ломались берёзы...*
Н. Рубцов

Ещё гремит истошно гром,
По ветру клонятся берёзы,
Над бурным, пенным Иртышом
Бушуют огненные грозы.

Июнь принёс дожди и град,
В потоках город утопает,
Поник в раздумьях старый сад, –
От бедствий сердце замирает.

Всё утонуло в сизой мгле,
Всё ночь хмельная поглотила,
Безумство бродит по земле, –
В кураж вошла дурная сила.

Гремит, гремит истошно гром,
Порывы ветра гнут берёзы,
Над бурным, пенным Иртышом
Бушуют огненные грозы.

Июнь 2020 г.

СПОР С СУДЬБОЙ

И снова утро, день и вечер,
И ночи северной разгон,
Виной тому – судеб диспетчер,
Всесильный рок, его закон,

А человек – лишь созерцатель,
Лишь пешка в шахматной игре,
Химер надуманных ваятель,
Зола в пылающем костре.

Но иногда в порыве дерзком
С судьбой он затевает спор
И словом жалящим и резким
Выносит ей свой приговор.

Но быстро страсти угасают,
Неверьем вновь охвачен ум,
К борьбе порывы умирают,
Смолкает слов докучный шум.

Июнь 2020 г.

ЛЕТНИЕ ДОЖДИ В МОСКВЕ

Много серой воды, много серого неба...

Н. Рубцов

Четвёртый день бушуют грозы,
Дождит небесный небосвод,
Обильно льются Божьи слёзы,
Шумит поток бурливых вод.

Стою у окон растворённых,
Смотрю на опустевший сад,
Эпохой давнею рождённый,
Он тонет в кружеве оград.

Ольха склонилась над землёю,
Поникли долу тополя,
Туманный шлейф укрыв собою
И пруд, и ближние поля.

Печален вид. Вода струится.
Вдали гремит надсадно гром.
Проходим некуда укрыться, –
Москва пропитана дождём.

Июль 2020 г.

МОЛИТВА

Расплавленным золотом слёзы
Небесной Царицы сверкали,
В просторах ночных
Она лёгкою тенью парила,
С великою жаждой
Все звёзды Вселенной внимали
Молитве, что сыну
Пречистая Дева творила.
И я услышал той молитвы
Священные строки,
Они чистой верой
Мне в душу запали.
Ищите и вы в той молитве
Живые истоки,
Чтоб в ваших сердцах
Они символом святости стали.

Июль 2020 г.

СЕНОКОСНАЯ СТРАДА

*Как далеко дороги пролегли!
Как широко раскинулись угодья!*
Н. Рубцов

Как широко раскинулись поля,
Ушли на юг до горных перевалов,
Где в солнечных лучах и предрассветах алых
Лежит богатый край – Кубанская земля.
На той земле с утра идёт работа, –
Настал великий сенокосный день,
Летучих облаков бежит по травам тень...
Покос! Покос! Всеобщая забота!
Не дремлет люд! Сезонная страда!
Её приход – вселенское явление,
Из года в год, от дедов в поколенья –
Предвечных дел крестьянских череда.

Всё так знакомо! Всех равняет труд!
Ложатся травы ровными рядами.
Спадает жар. За ближними холмами
В закатном пламени искрится сельский пруд.
Свобода полная и дышится легко.
Звенит коса. Прохладный ветер веет.
Закатный луч в вечерней мгле алеет.
Прозрачен воздух. Видно далеко.
Поля, поля, бескрайние поля!
Степь простирается до кромки окоёма,
До вод морских, до горного излома, –
И это всё – Кубанская земля!

Август 2020 г.

РАННЕЕ УТРО БЛИЗ ТАРУСЫ

Туман рассеялся! На травы полевые
Легла холодная, искристая роса,
Открылись взору лес и небеса,
И солнечных лучей потоки золотые.

Всё ожило, всё пробудилось враз:
Поверхность вод огнями засверкала,
Всё приосанилось, вздохнуло, заблестало
Естественно, легко, не напоказ.

О лето красное! Беспечной жизни миг!
Душа распахнута для утреннего света,
Для добрых дел, для братского привета,
Для братских чувств без злобы и интриг.

Всё душу радует! Всё верой наполняет!
Довольная своей бесхитростной судьбой,
Она живёт в гармонии с мечтой
И каждый новый день улыбкою встречает.

Сентябрь 2020 г.

НЕЗЕМНАЯ СИЛА

Осенний день украсил позолотой
Лесной массив вдоль берега Оки,
Прикрыл листвою тонкий край болота,
Где меж камней сочатся родники.

Уходит день. Луч солнца догорает.
Легла густая тень на лоно стылых вод.
Седая мгла долину застигает.
Ночь приближается. Темнеет неба свод.

Всем управляет сила неземная.
Ей подчинён поток бесчётных дней.
Она главенствует, людских забот не зная,
А мы покорствуем, мы следуем за ней.

Уходит время в дали, в бесконечность,
Уносят реки воду в океан...
Так формируется пред нашим взором вечность,
Её закон нам Высшей силой дан.

Октябрь 2020 г.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето плывёт над Москвою,
Снова солнечно, снова тепло...
Вьётся тропка под лёгкой стопою, –
Всю округу листвой замело.

Нет скворцов, и дрозды улетели,
Лишь синицы хлопочут в кустах,
Тихо осень бредёт, еле-еле,
С остановкой на Чистых прудах.

Здесь её я опять повстречаю,
Оценю её пышный наряд,
По походке, по стати узнаю,
Буду встрече неслышанно рад.

Октябрь 2020 г.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Осень вновь в права свои вступила...

Г. Рыжова

Осенний вид преобразился,
Листвой усыпана земля,
Колхозный пруд ледком покрылся,
Безмолвны голые поля.

Лишь иногда над дальней рощей
Вспорхнёт синиц подвижный рой,
Да заскрипит подлесок тощий
Под шумной снежною пургой.

Зима кочует у порога:
Заиндевел уснувший лес,
Бежит бескрайняя дорога,
Бежит до стынущих небес.

Душа чудес извечных просит,
Милы ей шумный вьюжный день,
Метель, что снегом сад заносит,
Осенних красок светотень.

Ноябрь 2020 г.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АФАНАСИЯ ФЕТА

И откуда у этого добродушного толстого офицера берётся такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?

Л. Н. Толстой

Нам Фет вручил семейство стройных звуков,
Родных просторов тиховойнный сон,
Любовный стих, рождённый в страстных муках,
Морской стихии грозный рёв и стон.

Всмотрись и вслушайся, поэзии любитель,
В его слова, в его простой язык,
Как честный гражданин и опытный ценитель,
Признай, что Фет лиричностью велик.

Он описал этапы нашей жизни,
Её рассвет и спад духовных сил,
Вложил свой труд в историю Отчизны,
Ей свой талант торжественно вручил.

И хоть назвал себя «мятежником безбожным»,
В душе всегда святою верой жил,
Смотрел вперёд с опаскою тревожной
И с Истиной небесною дружил.

23 ноября 2020 г.

**К 50-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ
НИКОЛАЯ РУБЦОВА**

Оставил дом и вышел на дорогу.
В морозном воздухе звенели провода.
Шагнул во тьму с отцовского порога
И в ней исчез, растаял навсегда.

Вся жизнь его – тревоги и скитанья
Из Вологды в Москву и вновь в свои края,
С великими поэтами братанье
За гранями земного бытия.

Он и сейчас в среде их пребывает:
С великим Тютчевым ведёт неспешный спор,
Певучий Фета стих с волнением читает,
С Есениным заводит разговор.

Он жив. Он здесь. Он где-то рядом с нами.
Рубцовский слог звучит по всей Руси.
Живой родник! Прильни к нему устами
И о минувших днях напрасно не грусти.

Декабрь 2020 г.

ИНОЙ МИР

Нет жизни на Луне и нет её на Марсе.
Реальность такова. И с этим нужно жить.
Земляне мы... Живём в отдельном царстве
И лишь ему обязаны служить.

Но где-то далеко, в заоблачной вселенной,
Есть сказочный, неведомый нам мир,
Мир, сотворённый силой сокровенной
Под радостный распев небесных звучных лир.

И в этот мир мечтою потаённой
Стремимся мы предутренней порой,
Лишь только там душою утомлённой
Найдём мы, наконец, и счастье и покой.

Декабрь 2020 г.

ПОД НЕУСЫПНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ

На небесах есть светлый терем Бога.
В нём времени запас Бог бережно хранит,
И каждому из нас Он по-отцовски строго
Срок жизненных утех в свой час определит.

Кому отпустит год. Кому подаст столетье.
И мы живём в пределах тех границ,
Мелькнёт счастливый миг, наступит лихолетье, –
Мы вознесёмся вверх иль рухнем разом вниз.

Впивая счастье, довольствием сияем,
Приход беды слезой туманит глаз,
Судьбы своей не ведаем, не знаем,
Грядущее всегда пугает нас.

Живём манящею, обманчивой надеждой,
Забыв, что невелик запас счастливых дней,
Куражимся и бесимся, как прежде,
Довольны смелостью безудержной своей.

А Бог следит за каждым нашим шагом,
Ведёт прилежно счёт всех наших дел,
Отчёт Ему дадим за жизненным аншлагом,
Когда перешагнём земных границ предел.

Декабрь 2020 г.

НОЧНОЙ СОН

В ночи, в плену у подсознания,
Я вижу сон и, чуть дыша,
Смотрю на тихое слиянье
Двух рек: Оми и Иртыша,
Пред взором: солнечные дали,
Полёт почтовых сизарей
И в лёгкой дымчатой вуали, –
Цветной узор родных полей.

А вот и матушка низинкой
Идёт по выжженной стерне
И машет, машет мне косынкой
Не наяву, а лишь во сне.
Прошла... Сознание пробудилось,
Луч заглянул в моё окно,
И зажужжало, закружилось
Дневных забот веретено.

Январь 2021 г.

СВЯТОЧНЫЕ ДНИ

За лесами, за далями дальними
Затерялось родное село,
Блещет небо огнями хрустальными,
Ночь темна, но на сердце светло.

Снег ложится короткими стёжками,
Ветер северный дует в висок,
Рыжий месяц короткими рожками
Тычет тучку в сиреневый бок.

Дети, сбившись в шумливые стайки,
Колядуют по ближним дворам,
Пожилые, без прежней утайки,
Потянулись с молитвою в храм.

Завтра святочный праздник продлится,
В небе вспыхнет ночная звезда,
Всё хорошее вновь повторится,
Всё плохое уйдёт без следа.

Январь 2021 г.

ГРЕХ БРАТОУБИЙСТВА

Существует поверье, что, всматриваясь в полный диск Луны, мы можем обнаружить на нём Каина, стоящего над телом убитого им брата Авеля.

Идём пустынною дорогой
По рубежам чужой страны,
За нами бдительно и строго
Следит холодный лик Луны.
Всмотрись и ты в него пытливо,
Увидишь меж морщин его
Как злобный Каин торопливо
Хоронит брата своего.

Чтоб скрыть от Бога преступленье,
Камнями тело забросал,
И вот бежит тропой забвенья
Вдоль серых сопредельных скал.
Но Бог всё видит, слышит, знает,
Ждёт послушания от нас,
Убийцу строго покарает, –
Расплаты не минует час.
Сейчас же миг грехопадения
Бог в лунном диске начертал,
С тех пор обличьем преступленья
Тот диск для наших взоров стал.

Взгляни на небо. В звёздном поле
Тот диск ты тотчас же найдёшь,
Познаешь цену Божьей воли
И новый опыт обретёшь.

Увидишь сыновей Адама
В смертельной схватке в час ночной,
Греховный мир, как панорама,
Предстанет зримо пред тобой

Январь 2021 г.

ДОРОГОЙ ЖИЗНИ

Памяти Александра Баландина

Мы долго шли с тобой вдвоём
Дорогой длинною и трудной,
Земным извилистым путём,
Стезей надзвёздной и безлюдной.
Но шли с тобой мы не одни, –
Вот и сейчас мы шёпот слышим
И видим дальние огни,
И, затаившись, еле дышим.

Что в этом шёпоте живом?
Что в этом огненном мерцанье?
Искра, зажжённая Творцом?
Ветров неистовых стенанье?
Нам не дано постичь язык
Сигналов вьюжной непогоды,
Наш праздный ум давно отвык
От вещей символов природы.

И всё ж нам многое дано,
И испытали мы немало, –
Жужжит времён веретено,
Жужжит тревожно и устало.
Но мы идём с тобой вдвоём,
Идём надзвёздными путями,
Ночная мгла лежит кругом,
И чья-то тень парит над нами.

Февраль 2021 г.

ВОСТОЧНЫЕ СКАЗАНИЯ

Я подошёл – в глазах девчонки страх!
«Не бойся, – говорю, – перед тобой монах,
Тебя я, Лейла, словом не обижу,
В тебе подругу я и дар волшебный вижу».
Она в ответ: «Знай, мой кумир – Аллах,
Он – среди нас и Он же – в небесах,
Ему я жизнь безропотно вручаю,
И только в Нём одном души своей не чаю.
Ты ж бедный пилигрим, и вряд ли мы сойдёмся,
Давай же в этот раз без дружбы обойдёмся».
Сказала всё и отошла в сторонку,
Но знаю, что следит за мною потихоньку.
Э, думаю: «Здесь что-то да не так,
Ведь не такой же я, поверьте мне, простака.
Надеется она, конечно, на Аллаха,
Что можно ожидать от бедного монаха?
Да, ничего! Но есть закон земной,
Что станет для неё звездою путевой.
Пройдёт лишь год, а может, не один,
Извечный тот закон изменит лик долин,
Умерит он запросы девы юной,
Не век же ей блистать красой своею лунной.
И на меня она с доверчивостью глянет,
И руку дружбы мне безропотно протянет».

Февраль 2021 г.

РАССКАЗ АНГЛИЙСКОГО ОФИЦЕРА

*Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...*

А. ПУШКИН

Вблизи постов сторожевых,
У генуэзских древних башен,
Стоит наш полк. Ему не страшен
Гул батарей береговых.
Пусть русский целится прилежно,
До нас ядро не долетит,
Бесстрастный бритт в палатке спит,
Спит, как ребёнок, безмятежно.
Но завтра утром, может статься,
С врагом мы встретимся в бою,
Чтоб испытать судьбу свою,
Чтоб с сильным силой потягаться.
Так и случилось! В ранний час
Из-за слоистого тумана,
Долиной узкой Инкермана,
Противник двинулся на нас.
Фронт англичан упорно дрался,
Но русский начал нас теснить,
Чтоб разом в бегство обратить
Наш правый фланг... Но просчитался...
Боскэ – французский генерал,
Заслышав грозный рёв картечи,
Пехоте вражеской навстречу
Отряд стрелков своих послал.
Бой был на редкость зол и страшен:
Враг отступал. Мы шли за ним.
Вокруг пожаров стлался дым.
Весь дол был взрывами украшен.

Пехота русских отошла
На плато сопки Корабельной,
Здесь, за чертой стрельбы прицельной,
Рубеж защитный заняла.
Шквал наших действий нарастал,
Обстрелы длились непрерывно,
Труба звала на бой призывно, –
Под осень Севастополь пал.
Но русских мы не победили,
Лишь горсть земли досталась нам:
Руины, камни, пыльный хлам –
Вот всё, что мы в боях добыли.
Кто в парадоксе том виновен?
Кто раздувал пожар войны?
Ответа нет! Но есть они, британской армии сыны,
Чей подвиг памяти достоин.

Март 2021 г.

АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

Апрель искрится в стылых лужах,
С утра всё громче щебет птиц,
Вот рюмит зяблик – жрец калужский,
Вот вкоччет дрозд под хор синиц.
Лазурь простёрлась над Окою,
Блеснули храмов купола,
Подтаяв, узкой полосой
Тропа по полю пролегла.
А там, за полем, бор синее,
Над ним горит небес покров,
И вот уж солнца луч алеет
На узкой кромке облаков.
О Русь! О Родина святая!
Ты вновь предстала предо мной
От вод Двины до стен Китая
Цветастой яркой полосой.
И пусть вперед несутся годы.
И пусть над светлою Окой
Сверкают солнечные своды
Своей лазурью голубой.
А я пойду своей стезёю
По зацветающим дугам,
Чтоб вечно слышать над собою
Пернатых щебет тут и там.

Апрель 2021 г.

ПОЙДЁМ, МОЙ ДРУГ!

Пойдём, мой друг, знакомою тропюю
К зелёной роще, к травам луговым,
Пойдём туда, где блещет над землёю
Небесный свод сияньем золотым.

Пойдём туда, где в поле, за рекою,
Мы коротали детский свой досуг,
Где светлый Бог отеческой рукою
Нам очертил судьбы заветный круг.

Пойдём туда, где в утренней купели
Встречали мы рассвет весенний свой.
Где ветры вольные нам страстно гимны пели
И звали нас куда-то за собой.

Пойдём, пойдём, не медля, не робея,
Пойдём навстречу юности своей,
И пусть заветный луч, над нами пламенея,
Пылает в небесах всё ярче и сильней.

Июль 2021 г.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ СМИРНОВА

*Там, в полях, на погосте,
В роце старых берёз...*

И. Бунин

Скажи, зачем всё это было?
Зачем в безмолвии ночном
Звезда туманная светила
Над нами призрачным огнём?

Зачем во тьме, за дальней далью,
Промчались быстрых два коня:
Конь чёрный – житель зазеркалья?
Конь белый – луч искристый дня?

Промчались, скрылись в тьме забвенья,
Гонимы яростной судьбой,
Конь белый – призраком свеченья,
Конь чёрный – меркнувшей звездой.

Июль 2021 г.

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Оделся наскоро и вышел на дорогу,
Порог перекрестил родительской избы,
На миг закрыл глаза и помолился Богу
Спокойно, не ропща на прихоти судьбы.

И в даль ушёл по галерее тесной
Неся в греховный мир лучистой правды свет,
И вот тоскуем мы и в синеве небесной
Всё силится найти оставленный им след.

Сентябрь 2021 г.

ЗЕМНЫЕ ГРАЦИИ

Р.П. Кудряшовой

На стекле алмазом острым
Начертал я лики граций,
Юных дев в одеждах пёстрых, –
Дочерей различных наций.
Вот беспечная гречанка
Смело плещется в волнах.
Вот креолка. Вот испанка
С алой розой в волосах.
Вот суровая ирландка.
Вот лугов баварских дочь.
Вот красавица цыганка
Коротает в поле ночь.
Здесь же русская девица
Хоровод подруг ведёт.
Веселушка, чаровница,
И танцует и поёт.
На ней белая рубашка
Сшита собственной рукой, –
Верх расшит цветами кашки,
Низ – душицей полевой.
Всё кружится, всё сверкает,
Всё в восторг погружено,
Всё цветёт, благоухает,
К счастью всё устремлено.

Сентябрь 2021 г.

СЛОВО ИИСУСА К УЧЕНИКАМ

Сказал ученикам: «Я – воплощение Бога!
Я пребываю в Нём, и Он живёт во мне,
В единстве мы, у нас одна дорога,
По ней я в этот мир пришёл извне.

И вас мне дал Отец, и с вами мы едины,
Вы ветвь лозы, что принесёт плоды,
Вы истин мировых постигните глубины,
Растопите в свой срок людских сомнений льды.

И новой верой заживут народы
В апостольской любви, храня святой закон,
Восторжествует дух божественной природы,
И с глаз людей падёт греховный сон».

Октябрь 2021 г.

КАПРИЗЫ ПРИРОДЫ

*Какой пленительный простор!
Тропинку к звёздам простирая,
Лежит от края и до края
Природой сотканный ковёр.*

Г. Рожков

С приходом осени природа хорошеет,
В зелёную косу багряный лист вплела,
Алмазами горит, рубинами алеет,
Янтарным золотом все тропы замела.

А лишь ещё вчера во мгле, по поднебесью,
Свинцовой тучей с шумом пронеслась
И в жухлую траву приокского полесья
Потоками дождя под вечер пролилась.

Сегодня вновь сияет ярким светом,
Лучами солнца серебрит восток,
Как будто говорит мечтательным поэтам:
«Вплети меня в канву своих бессмертных строк».

Октябрь 2021 г.

РАННЕЮ ПОРОЮ

*О сколько их – невыразимых,
Ненужных миру чувств и снов...*

И. Бунин

Бывает раннею порою,
Когда глаза смыкает сон,
Я слышу, в поле, за рекою,
Призывный колокола звон.
Его, как зов судьбы, приемлю,
Как шум дождя, как майский гром,
И мыслью шар земной объёмлю
Повдоль, и много раз – кругом.
Лечу в просторах мироздания
Среди мерцающих светил,
И дух свободный созидания
Мне прибавляет новых сил.
Лечу... Легки мои движенья,
Лечу... Просторы широки,
Лечу на крыльях вдохновенья
Над чистым полем вдоль реки.
А подо мной – красоты мира,
Посёлки... Храмов купола...
Идут года. Трепещет лира.
Звенят любви колокола.

Октябрь 2021 г.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ВОКАЛИСТ

Не бывает горя без печали,
Не бывает вёсен без зимы,
Словно искры раскалённой стали
Звёзды светом брызнули из тьмы.

Завтра утром встану спозаранку
И уйду тропинкой за село,
Там спою частушку под тальянку
Всем моим хулителям назло.

Говорят они, что с дня рожденья
Мне медведь на ухо наступил,
Говорят ещё, что в воскресенье
Меня отчим в это ухо бил.

Слуха нет, но музыку живую
Я люблю, особенно – вокал...
Песни за селом пою втихую,
Чтоб меня никто не услышал.

Ноябрь 2021 г.

К 96-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

У смерти очертаний нет...

Б. Пастернак

Решительно и зло оговорили,
В вину поставили скандалов длинный ряд,
Судилищем суровым пригрозили
И тем заставили уехать в Ленинград.

Не подошёл по духу и по вере,
Не собирався по-марксистски петь,
Свой путь закончил в звёздном «Англетере», –
Здесь должен был до срока умереть.

Темна история с заезжим постояльцем,
Его нашли предутренней порой
В кровавых ссадинах, истерзанным страдальцем,
С пробитой штатным «Кольтом» головой.

Чтоб скрыть следы, к стене стащили вещи,
Подняли жертву вверх, до потолка,
Накинули петлю... И смерть сомкнула клещи –
Умолкла на лету певучая строка.

Но кто они, убийцы русской славы:
Добытки наград? Больших постов ловцы?
Сотрудники подследственной управы?
Карательной машины спецбойцы?

Да, да – они! И в этом нет сомнений!
Свершили казнь и тут же в тьму сошли.
Их жертвой стал поэт Сергей Есенин –
Сын нашей горестной, страдальческой земли.

Но кто заказчик этой страшной сцены?
Чекистов кто к поэту направлял?
Возможно Лев Бронштейн – борец за перемены,
Которого Ильич Иудой называл?

Теперь он в исторических бумагах,
А наш поэт живёт в своих стихах,
«Повесился, должно быть, бедолага», –
Вам скажет русофоб с ухмылкой на устах.

Да, тайна смерти нами не раскрыта,
Но русский человек желает её знать!
Поверьте мне, ничто не позабыто,
Святой наш долг ту тайну разгадать.

Раскройте же, вожди, священную могилу,
Останки там Есенина лежат,
На них следы той сатанинской силы,
Что тайну ту от нас ещё хранят.

27 декабря 2021 г.

РЕВНИВЦУ

Не смотри на меня с подозреньем,
Ревность сердца рассудком умерь
И спокойно, с разумным прозреньем,
В примиренье, как в благо, поверь.

Всё ушло безвозвратно, бесшумно,
Всё исчезло, как сумрак ночной,
И дышать вдруг нам сделалось трудно,
И душа запросила покой.

Потянулись суровые годы.
Тает круг наших верных друзей,
Потускнели небесные своды,
Дни бегут всё быстрее и быстрее.

Так давай же с былою приязнью
Глянем снова друг другу в глаза,
Не излечится ненависть бранью,
Не промчавшись, не смолкнет гроза.

Декабрь 2021 г.

СПОКОЙНЫЙ УГОЛОК (ШУТОЧНОЕ)

Константину Лобзову

О прошлом и былом не говори,
Не испытай всевидящего Бога,
У каждого своя житейская дорога, –
Её держись и чувствами гори.

Своих друзей в пути не забывай,
Их горести взвали себе на плечи,
Им посвящай торжественные речи,
Как Прометей, свет будущего дай.

И, может быть, тогда Владыка Мира
Тебя на суд священный призовет
И, оценив дела, в зазвёздной мгле эфира
Спокойный уголок в награду отведёт.

И заживёшь ты в центре всей Вселенной, –
Земные страсти разом отомрут,
Христовы пастыри к молитве призовут
И труд дадут твоей душе блаженной.

И будешь ты цветы волшебные растить,
И райские сады воздвигать веками,
И, видя тень Земли за облаками,
О ней невольно думать и грустить.

31 декабря 2021 г.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ЛАНОВОГО

*Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете всё стремится...*

В. Жуковский

Уходят любимые люди,
Уходят навечно от нас,
Уходят без шумных прелюдий
В назначенный временем час.

Мы слышим их яркие речи,
Их шуток весёлых слова,
И тяжесть ложится на плечи,
И кругом идёт голова.

И вот уже слёзы печали,
И горечь утраты... Затем –
Воззвание к бесстрастной морали:
Кто взял их? Исчезли зачем?

Уходят, уходят, уходят
И днём и ночью порой,
В небесных просторах находят
Друзей и забытый покой.

И там, на полях мироздания,
Земле свою верность хранят
И даже за жизненной гранью
О ней меж собой говорят.

Январь 2022 г.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

Январь заснежил улицы Москвы,
Дворы замёл и засугробил парки,
Развесил на ветвях хрустальные подарки,
Сравнил прибрежные намытости и рвы.

И всё в один момент преобразилось,
Ушли под снег пожухлая трава,
И городская грязь, и павшая листва,
И небо яркими лучами озарилось.

И оживился городской пейзаж,
На площадь потянулись дружно люди,
У ёлок городских в весёлый час полудний
Возник шумливый, радостный кураж:

И песни звонкие, и пляс неудержимый,
И чисто русской молодецкий смех, –
Не внять ему, ей-богу, тяжкий грех,
Задорен дух толпы необозримой.

Рождественские дни прими за праздник жизни,
За доброе начало всех начал,
За счастья миг, что для тебя настал,
За друга речь без слова укоризны.

Январь 2022 г.

ОЧАРОВАНИЕ МУЗЫКОЙ

Есть музыка во всём...

В. Гюго

Дайте мне в руки фагот или скрипку,
Я вам сыграю фокстрот наизусть,
Может, он вызовет вашу улыбку,
Может, навеет душевную грусть.

Музыка ритмом увлечься заставит,
Ввысь унесёт на могучих крылах,
Юные годы аккордом прославит,
Чувства пробудит в остывших сердцах.

Вечная музыка! Музыка сердца!
В чём, скажи, тайные чары твои?
Музыка вальсов и сказочных скерцо*, –
Музыка вечно звучащей любви!

Февраль 2022 г.

* *Скерцо* – небольшое музыкальное произведение в оживлённом темпе.

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Выткнулся на озере

Алый свет зари...

С. Есенин

Для нас бесценно огненное Солнце,
Оно давно в приятиельстве с Землёй,
В твой дом оно вошло через оконце,
Оставив на стене свой росчерк золотой.

Но вот уже восходит тихо в горы
По узким, нам неведомым путям,
Льёт яркий свет в бескрайние просторы,
Их обращая в светлый божий храм.

Март 2022 г.

О БЕДАХ ВОЙНЫ

Не верь войне, мальчишка,

Не верь: она грустна...

Б. Окуджава

Друзья мои, поставьте свечи
За наших доблестных солдат,
Что молча пали в бранной сече
И что в могилах братских спят.

Им было двадцать или тридцать,
Их жизнь лишь только началась,
Но взвыл снаряд, полезли фрицы,
И кровь солдата пролилась.

Он умер молча, без стенований
На самом краешке земли,
Он стал строкой воспоминаний,
Звездой мерцающей вдали.

Как много их солдат Отчизны
Лежат в полях родной страны,
Отдавших жизнь во имя жизни
В сраженьях самой злой войны.

22 июня 2022 г.

НАД СУМРАЧНЫМ МОРЕМ

Стою молчаливо над сумрачным морем,
Над грозной стихией морской,
Над стонущим адом, над болью и горем,
Над собственной зыбкой судьбой.

Пред взором проносятся шквальные ветры,
Рёв водных бескрайних равнин,
Заснеженных троп и дорог километры,
Песчаные бури пустынь.

Прессуются дни торопливо в недели,
Года за годами бегут,
Вздымаются в выси событий качели,
И грозные тени плывут.

И всё ж пробивается медленно к свету
Сквозь мёртвую почву зелёный росток,
И всё ж формируется мыслью поэта
Стихов сладкозвучных поток.

Июль 2022 г.

ГРИБНАЯ ОХОТА

Довольны местные ребята,
Кричат восторженно: «Ура!»,
Пошёл строчок, пошли опята, –
Грибная движется пора.

Бери корзину и ведёрко,
И – марш в окрестные леса,
Смотри себе под ноги зорко,
Смотри вокруг во все глаза.

Вот белый гриб, за ним волнушка,
За ней маслята встали в ряд,
Пойдут и в суп и на засушку, –
Бери неспешно всё подряд.

А вечерком в закате алом,
Вернувшись из лесу домой,
Пожарь грибков числом немалым,
Подай на стол, поешь с родней.

Грибная, славная работа,
Спортивный, всем знакомый зуд,
За вкусным лакомством охота,
Азартный и полезный труд.

Июль 2022 г.

У ВОДОЁМА

Иду тропой вдоль водоёма,
Смотрю на искристую гладь,
Смотрю в просторы окоёма,
Где дремлет божья благодать.

Та благодать: цветы ромашки,
Растущий в заводях рогоз,
В кустах щебечущие пташки,
Чета есенинских берёз.

Прекрасно всё на этом свете.
Прекрасны рощи и поля,
Прекрасен замысел поэта
Запеть искусней соловья.

Иду... За мной бежит тропинка,
А предо мною – водоём,
Росы серебряной слезинка,
Дымок, парящий над костром.

Июль 2022 г.

ЗА ОКНОМ ЭЛЕКТРИЧКИ

Маковое поле,
Вёглы у дорог,
Мир, по божьей воле,
Красочен и строг.

За речушкой малой –
Древнее село,
Полыхает ало
Водное стекло.

Заревом пылает
Задремавший плёс,
В небе затухает
Дробный стук колёс.

Смолкла перекличка
Поездных бригад,
В окнах электрички –
Ранних звёзд парад.

Июль 2022 г.

СОЛДАТУ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Убейте войну... Прокляните войну...
Р. Рождественский

Вставай солдат! Бойцу негоже
Без дела на траве лежать,
В цветущем поле, как на ложе,
Часами беззаботно спать.

Вставай! Бери свою винтовку,
Вливайся в общий ратный строй,
Поправь на обуви шнуровку, –
И смело – в бой! И смело – в бой!

Но ты моих команд не слышишь,
Приникнул к травам головой,
Лежишь и словно бы не дышишь,
И кровь сочится под рукой.

Лучами солнышка пригретый,
Здесь, у посёлка на краю,
Лежишь, друзьями не отпетый,
В цветущих травах, как в раю.

Август 2022 г.

СЛУЖЕНИЕ

*Пока свободу горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.*

А. Пушкин

Да, наша жизнь, увы, не вечна,
И вся она – служенье есть,
Служенье Родине, конечно,
С девизом: «Вера! Доблесть! Честь!»

Мы служим ближнему и дальним,
Мы служим всюду и всегда,
Как служит в зной родник хрустальный,
Как служит в тьме ночной звезда.

Служенье – смысл нашей жизни,
Её огонь, её напор,
Служенье верное Отчизне, –
О нём ведём мы разговор.

Август 2022 г.

ВОЙНА

*Не тихнет главная война,
Война добра и зла на свете.
Л. Болеславский*

Там, далеко, у кромки горизонта,
Где бьёт в причал днепровская волна,
Пролёт рубеж, рубеж кровавый фронта,
Там вновь идёт гражданская война.

Там рвутся мины. Падают снаряды.
Там забирает смерть жизнь молодых парней,
Там демоны войны выходят на парады
С портретами фашистских главарей.

Война, война! трудны твои дороги.
Суров твой нрав. Характер злобен твой.
Твой мрачен лик. Твои законы строги, –
Не растопить их нам ни стоном, ни мольбой.

«Победа или смерть!» – вот твой девиз от века.
Ты говоришь: «Иди без страха в бой!
Победа возвеличит человека,
Смерть даст ему смирение и покой».

Сентябрь 2022 г.

ОСЕНЬ 2022 ГОДА

Опадает листва. Дождь с утра моросит.

Л. Лисицына

Осень – ветров растревоженный голос,
И липы опавшая наземь листва,
Нить паутинки, златящийся колос,
Солнцем сожжённая в поле трава.

Осень – озёрная гладь голубая,
«Крик журавлей, улетающих в даль».
Рощицы милой парча золотая,
Утренней дымки седая вуаль.

Осень – предвестница бурь говорливых,
Сырости, тёмных холодных ночей,
Шумных дождей и потоков бурливых,
Северных всполохов, ярких огней.

Осень – надежды томленье пустое,
Несколько тёплых недель иль часов,
Несколько сладких мгновений покоя,
Несколько лёгких обманчивых снов.

Октябрь 2022 г.

ПУСТЬ СГИНЕТ ЗЛО

Бессильно зло! Мы вечны, с нами Бог.

Вл. Соловьёв

И вновь над Россией сгущаются тучи,
И вновь подлый Запад у наших дверей,
И звук перестрелки насадно-трескучий,
И гарь растревоженных взрывом полей.

Фашистская нечисть творит своё дело:
Бандеровский коршун над степью кружит,
Безумный «азовец», как зверь оголтелый,
В военные трубы трубит и трубит.

Восстаньте же, люди! В порыве едином,
Пред злостным врагом возведите заслон,
Пусть сгинет нацистских кровей Украина,
Пусть сгинет преступный притон.

Октябрь 2022 г.

РАССТАВАНИЕ

Мы долго с тобою сидели
Над стынувшим сонным прудом,
На серое небо глядели,
На дым, что висел над костром.

А где-то рыдала гармошка,
И ветер ей в такт подпевал,
И было тоскливо немножко, –
Разлуки момент наставал.

Потом мы с тобою прощались,
В любви беспорочной клялись,
Берёзы о чём-то шептались,
И с шумом «Камазы» неслись.

И вот ты уже в электричке,
А я по перрону бреду,
Гудит поездов переключка,
И звёзды искрятся в пруду.

Ноябрь 2022 г.

РУССКАЯ ГЛУБИНКА

*Мать России целой – деревушка,
Может быть, вот этот уголок...*

Н. Рубцов

Зима дошла до нашего порога,
Стал в реках лёд, земля белым-бела,
На сердце грусть и липкая тревога, –
Метель деревню снегом замела.
А от неё неблизко до посёлка,
К нему, хоть плачь, в сугробах не пройти,
Не чистит тракторист ни улиц, ни просёлка,
Снег выше крыш... И так на всём пути...
Так и живём, точнее выживаем
Свой долгий век без света, как во сне...
Такого жития и псу не пожелаем,
Не пожелаем мы его и вражьей стороне.
Деревня наша – крепкое хозяйство –
Входила некогда в зажиточный колхоз.
Исчезло всё! Где люди? Где начальство?
Осталось пять калек да пара тощих коз.
Спасение для нас – посёлок удалённый,
Там почта есть, есть сельский магазин...
Но как туда дойти в сугробах погребённым?
Никто не скажет... Знает Бог один.

Декабрь 2022 г.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Зачем предутренной порою
Я вижу в снах удел земли,
Где неприметной чередую
Дни моей юности прошли?

Зачем душа моя с пристрастьем
Там ищет тени тех людей,
Что в год житейского ненастья
Свою судьбу делили с ней?

Зачем, о них весь век тоскую,
Она забыла свой покой?
Зачем, о прошлом памятуя,
Бесслёзно плачет в час ночной?

Зачем?

Январь 2023 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родная поэзия. М., Госиздат, 1953.
2. Кожанов В.В. Как пишут стихи. М., Просвещение, 1970.
3. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., Современник, 1974.
4. Орлов В.Н. Перепутья. Из истории русской поэзии начала XX века. М., Художественная литература, 1976.
5. Дрыжакова Е.Н. В волшебном мире поэзии. М., Просвещение, 1978.
6. Львов М.Д. Избранное. 1939–1974. М., Художественная литература, 1977.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений (том 2, книга 2). М., Русская книга, 1993.
8. Кареев Н.И. Учебная книга древней истории. М., Просвещение, 1997.
9. Мачехин А.Е. Она с небес слетает к нам. М., Информ-Бюро, 2010.
10. Рыкова Е.В. Шедевры Серебряного века. М., Дом славянской книги, 2012.
11. Харюшин А.А. Мозаика русской жизни. М., ИПО «У Никитских ворот», 2016.
12. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. М., Советский писатель, 1990.
13. Анненский И.Ф. Стихотворения. Трагедии. Переводы. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
14. Апухтин А.Н. Песни моей Отчизны: стихотворения, проза. Тула, Приокское книжное издательство, 1985.
15. Апухтин А.Н. Полное собрание сочинений. Л., Художественная литература, 1991.

16. Ахмадулина Б.А. Стихотворения. М., Профиздат, 2001.
17. Ахматова А.А. Синий вечер. Стихотворения, поэмы. М., ЭКСМО-ПРЕСС, 2000.
18. Ахматова А.А. Избранное. М., Дом славянской книги, 2011.
19. Бальмонт К.Д. Лирика. Минск, «Харвест», 2001.
20. Бальмонт К.Д. Стихотворения. М., Издательство «Звонница-МГ», 2005.
21. Блок А.А. Собрание сочинений. Л., Художественная литература, 1980.
22. Блок А.А. И невозможное возможно. Стихотворения, поэмы, театр, проза. М., Молодая гвардия, 1980.
23. Блок А.А. Избранная лирика. М., Молодая гвардия, 1996.
24. Брюсов В.Я. Собрание сочинений. М., Художественная литература, 1975.
25. Брюсов В.Я. Стихотворения и поэмы. М., Издательский дом «Звонница-МГ», 2000.
26. Бунин И.А. Стихотворения и переводы. М., Современник, 1986.
27. Бунин И.А. Стихотворения. М., Профиздат, 2000.
28. Вознесенский А.А. Витражных дел мастер. М., Молодая гвардия, 1976.
29. Вознесенский А.А. Стихи и проза. М., Советский писатель, 1987.
30. Волошин М.А. Стихотворения и поэмы. С.-Петербург, Петербургский писатель, 1995.
31. Волошин М.А. Стихотворения. М., Профиздат, 2000.
32. Высоцкий В.С. Поэзия и проза. М., Книжная палата, 1989.
33. Высоцкий В.С. Люблю тебя сейчас. М., ЭКСМО, 2007.
34. Высоцкий В.С. Баллады и песни. М., ЭКСМО, 2010.
35. Гиппиус З.Н. Стихотворения. М., Издательский дом «Звонница-МГ», 2000.
36. Гумилёв Н.С. Стихи и поэмы. М., Советский писатель, 1988.

37. Гумилёв Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии. М., Художественная литература, 1989.
38. Евтушенко Е.А. Взмах руки. Стихи. М., Молодая гвардия, 1962.
39. Евтушенко Е.А. Почти напоследок. Стихотворения. М., Молодая гвардия, 1985.
40. Есенин С.А. Собрание сочинений в 5-и томах. М., Художественная литература, 1961.
41. Есенин С.А. Собрание сочинений в 2-х томах. М., Советская Россия. Современник, 1990.
42. Кузнецов В.И. Тайна гибели Есенина. М., Современник, 1998.
43. Хлысталов Э.А. 13 уголовных дел Есенина. М., ЭКСМО-ЯУЗА, 2006.
44. Евсин И.В. Судьба и вера Сергея Есенина. Рязань, Издательство «Зёрна», 2007.
45. Иванов Г.В. Стихотворения. М., Издательство «Звонница-МГ», 2000.
46. Исаковский М.В. Стихотворения. М., Советский писатель, 1965.
47. Мандельштам О.Э. Стихотворения, переводы, очерки, статьи. Тбилиси. Издательство «Мерани», 1990.
48. Мандельштам О.Э. Избранное. М., СП Интерпринт, 1991.
49. Маяковский В.В. Сочинения в 2-х томах. М., Правда, 1987.
50. Рождественский Р.И. Избранные произведения в 2-х томах. М., Художественная литература, 1979.
51. Рождественский Р.И. Собрание сочинений в 3-х томах. М., Художественная литература, 1985.
52. Рубцов Н.М. Русский огонёк. Вологда, КИФ «Вестник», 1994.
53. Рубцов Н.М. Прощальный костёр. М., ЭКСМО, 2008.
54. Рубцов Н.Н. Песни и романсы. М., ЭКСМО, 2008.
55. Северянин Игорь. Стихотворения и поэмы. 1918–1941. М., Современник, 1990.

56. Северянин Игорь. Избранное. М., ТЕРРА, 1999.
57. Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., Книга, 1990.
58. Соловьёв В.С. Стихотворения. С.-Петербург, Диамант, 1998.
59. Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. М., Художественная литература, 1971.
60. Ходасевич В.Ф. Стихотворения. М.; Советский писатель, 1989.
61. Ходасевич В.Ф. Лирика. Минск, «Харвест», 1999.
62. Хацкевич Ю.Г. Владислав Ходасевич. Минск, «Харвест», 1999.
63. Цветаева М.И. Стихотворения, поэмы, драматические произведения. М., Художественная литература, 1990.
64. Цветаева М.И. Об искусстве. М., Искусство, 1991.
65. Цветаева М.И. Благословляю Вас. М., ЭКСМО-ПРЕСС, 1994.
66. Швейцгер В.А. Марина Цветаева. М., Молодая гвардия, 2002.
67. Труайя Анри. Марина Цветаева. С.-Петербург, АМФОРА, 2014.
68. Суховский В.Н. На струнах души: собрание сочинений, том 2. М.: Издательский дом «Сказочная дорога», 2022.
69. Коняев Н.М. Николай Рубцов. М.: Молодая гвардия, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
------------------------	---

Проза

О поэзии словами	
литературно-художественной прозы	11
Зарождение и развитие общеевропейской поэзии	11
Зарождение и развитие русской поэзии	13
Русская книжная печатная поэзия	16
Золотой век русской поэзии	18
Серебряный век русской поэзии	21
Символизм	21
Иннокентий Анненский	22
Фёдор Сологуб (Тетерников)	24
Алексей Апухтин	26
Вячеслав Иванов	28
Дмитрий Мережковский	
и Зинаида Гиппиус	29
Константин Бальмонт	31
Валерий Брюсов	36
Александр Блок	40
Акмеизм	49
Николай Гумилёв	50
Анна Ахматова (Горенко)	54
Георгий Иванов	56
Осип Мандельштам	58

Футуризм	62
Владимир Маяковский	64
Игорь Северянин (Лотарёв)	67
Имажинизм	70
Сергей Есенин	71
Неореализм.	80
Иван Бунин	80
Максимилиан Волошин	84
Новый классицизм	88
Владислав Ходасевич	88
Независимый универсализм	95
Марина Цветаева.	96
Социалистический реализм. Творческая деятельность поэтов эпохи Социалистического реализма	110
Михаил Исаковский.	111
Евгений Евтушенко и Роберт Рождественский.	113
Андрей Вознесенский	114
Белла Ахмадулина	115
Поющие поэты России	117
Владимир Высоцкий	118
Будат Окуджава.	123
Николай Рубцов	132
Современное состояние русской поэзии.	146

Стихи

Светоявление.	157
Откровения Воланда	158
Звёздное небо	159
Деревенская частушка.	160
В дороге	161
Взаимообаяние.	162
Приход южной ночи.	163
Жизнь	164

О поэте	165
Сбор малины в Крыму	166
Южная ночь	167
Звёздная ночь над церковью села Бёхово	168
О первой земной любви	169
Памяти Леонида Брагина	170
Памяти Петра Андреевича Вяземского	171
У сонной реки	172
Домашний оберег	173
Осенние ветры	174
Осенний лист	175
В ожидании зимы	176
Зима на подходе	177
Предвестники зимы	178
В морском дозоре	179
Испытание стихией	180
Стансы	181
Сцепление неопределённостей	182
У Керченского залива	183
Сопричастие	184
Шофёрские страсти	185
Судьба	186
Вечерний закат	187
Строкой рубайята	188
По мотивам Гёте	189
Апрельский день	190
Сотворение мира	191
Живительная сила природы	192
На некрасовские мотивы	193
Приход весны	194
К 50-летию окончания ТОВВМУ	195
После грозы	196
Бег времени	197
О Николае Рубцове	198
Ночная элегия	199
Мыс Феолент. Георгиевский монастырь в Крыму	200
Осенняя грусть	201

К 100-летию Гражданской войны в России	202
Зима на пороге	203
Возмущение.	204
К России	205
Тайная сила	206
Монолог одинокого человека	207
Приход Нового 2020 високосного года	208
Необычная зима	209
Зима запоздала.	210
Первый снег	211
Ещё раз о любви.	212
В плену у времени	213
В поисках смысла	214
Пандемийный год	215
К друзьям	216
Победным маршем	217
Луговые травы.	218
Животворящая сила	219
Летние грозы.	220
Спор с судьбой	221
Летние дожди в Москве	222
Молитва	223
Сенокосная страда	224
Раннее утро близ Тарусы	225
Неземная сила.	226
Бабье лето.	227
Преображение	228
К 200-летию со дня рождения Афанасия Фета	229
К 50-летию гибели Николая Рубцова	230
Иной мир	231
Под неусыпным наблюдением	232
Ночной сон	233
Святочные дни	234
Грех братоубийства	235
Дорогой жизни.	237
Восточные сказания.	238
Рассказ английского офицера.	239

Апрельское утро	241
Пойдём, мой друг!	242
Памяти Сергея Смирнова	243
Николаю Рубцову	244
Земные грации	245
Слово Иисуса к ученикам	246
Капризы природы	247
Раннюю порою	248
Незадачливый вокалист	249
К 96-летию гибели Сергея Есенина	250
Ревнивцу	252
Спокойный уголок (шуточное)	253
Памяти Василия Ланового	254
Рождественские дни в Москве	255
Очарование музыкой	256
Солнечный свет	257
О бедах войны	258
Над сумрачным морем	259
Грибная охота	260
У водоёма	261
За окном электрички	262
Солдату специальной военной операции	263
Служение	264
Война	265
Осень 2022 года	266
Пусть сгинет зло	267
Расставание	268
Русская глубинка	269
Память сердца	270
 Список литературы	 271

Литературно-художественное издание

Харюшин Аркадий Ананьевич

Слово о русской поэзии

*В оформлении обложки использована репродукция
картины К.А. Коровина «Северная идиллия»*

Издано в авторской редакции

Дизайн-макет – Ульяна Иващенко

Подписано в печать 20.03.2023

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 84x108/₃₂

Гарнитура «Palatino Linotype». Усл. печ. л. 8,8

Тираж 150 экз. Заказ № 2568

ISBN 978-5-00170-790-5

9 785001 707905 >

Издательство «У Никитских ворот»

121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50 а/5, стр. 1

тел.: +7 (495) 690-67-19

www.uniki.ru